

ШИТКИНСКИЙ ПАРТИЗАНСКИЙ ФРОНТ

Февраль 1919 — январь 1920 гг.

*Воспоминания
Левинцев*

Архив А.Ю. Чернышова

Глава 2

КНИГА № 4

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ЗОЛОТУХИН

Родился в 1898 году. Отец Алексей Осипович, мать Матрена.

Коренной житель деревни Бирюса.

Бывший солдат 6-й Нижнеудинской роты (единственный в ее составе, кого удалось разыскать), затем активный рядовой партизан Шиткинского и Приангарского фронтов.

Ныне живет в деревне Бирюса, где 10 июля 1960 года и состоялась беседа.

А. А. Золотухин: Зимой 1917 года при Керенском я в числе сорока трех своих односельчан был призван в армию и вместе с Куркиным Кондратием Трофимовичем попал в Александровскую местную команду (Александровский централ), т.к. я был записан по ремеслу плотником, а Кондрат ремонтным рабочим. Около месяца мы вывозили с территории централа снег в коробах, а потом приступили к занятиям, примерно в апреле. Вдруг из Иркутска приезжает какое-то начальство, построили всю команду в 250 человек и объявляют запись добровольцев на фронт. Вызвались 15 человек — вышли три шага вперед, и через три дня нас отправили в Иркутск.

Прибыли в Иркутск на Звездочку, где стояла маршевая рота. Там объявили: кто живет близ железной дороги, может поехать вперед, заехать домой и, поймав родных, идти на станцию встречать эшелон. Мы с Куркиным так и сделали, но в Бирюсе задержались и нагнали эшелон уже в Челябинске.

Привезли нас под Минск, высадили на станцию Синявка, и пешком версты две шли к землянкам, где и расположились. В это время вражеские самолеты бомбили станцию, и от нашего эшелона ничего не осталось. Через сутки нас перебросили на линию фронта под Барановичи в 160-й Ковенский полк. Здесь я расстался с Куркиным, он был направлен в другую часть.

Повоевал месяцев пять и простудился в окопах, заболел — и меня с эвакуационным госпиталем направили в Тамбов, а потом в Орел. В Тамбове я пролежал ровно девятнадцать суток, и не то там, не то в Орле узнал, что свергнуто Временное правительство. Из Орла меня отпустили на два месяца домой на поправку, и в 1918 году я вернулся в Бирюсу.

Здесь меня и застал переворот. Еще до снега началась мобилизация в Белую армию. Из наших бирюсинских призвали много, почти всех я помню, т.к. вместе с ними прошел сложный путь, о чем расскажу дальше.

Итак, были мобилизованы:

- 1) я;
- 2) Куркин Кондрат Трофимович;
- 3) Толмачев Дмитрий;
- 4) Кретинин Дмитрий Емельянович;
- 5) Москвитина Георгия (Егор, Егорша) Павловича (по-уличному Павлов);
- 6) Мамаев (Сергеевский) Кузьма Осипович;

7) Моров Александр;

8) Горенский Анатолий Алексеевич (фельдшер), Мамаев — Шегальков (был партизаном) утверждает: этот не был мобилизован, не был в 6-й роте;

9) Ознобохин Михаил Степанович (умер в 1934 году);

10) Мамаев Дмитрий Петрович (фельдшер) (Шегальков...);

11) Пахоруков Тимофей Дмитриевич;

12) Устинов Данила;

13) Мамаев (Шегальков) Александр Андреевич;

14) Медведев Тихон (6-я рота!);

15) Козлов Николай Львович;

16) Мамаев Александр Семенович (фельдшер),

Мамаев — Шегальков бежал из Тайшета вместе с Троезубовым Прокопом при помощи Квашина через заимки;

17) Москвитин Иосиф Харитонович;

18) *Слесокуров Антон* (выделенное курсивом зачеркнуто Черневским. — Е. С.);

19) Ермаков (?) Павлин.

Погрузились на станции Тайшет и прибыли в Нижнеудинск, где всех зачислили в 8-ю сборную роту, а потом переформировали, и первые тринадцать человек попали в 6-ю кадровую роту, а трое остались в 8-й сборной или попали в другие части, — этого я точно не знаю, а за первых тринадцать человек ручаюсь. Знаю, что Мамаев Александр и Хохлов Николай убегали, т.е. дезертировали, но их поймали, т.е. арестовали и снова направили в армию, и снова они убегали и впоследствии были в партизанах. Козлов заикался и шепелявил, и когда их вернули после экзекуции, жаловался: «Эт-то меня Шшашка попутал».

Еще, кажется, с нами призвали Слепокурова Антона и Ермакова Павлина.

В 6-й роте оружия нам не выдали, а послали за военный городок рубить палки, которые должны были изображать ружье на занятиях.

Зимой меня, Куркина, Кретинина Дмитрия и Толмачева Дмитрия послали из Нижнеудинска в Иркутск с вольноопределяющимся прапорщиком за обмундированием. Этот прапорщик жил на Иркутск-II, и мы заходили к нему на квартиру. Получили обмундирование, приехали в Нижнеудинск и узнали, что вся наша рота через два дня отправляется на марш, а куда и зачем, никто не знает, но мы уже кое о чем догадывались, т.к. до нас дошли слухи о Тасеевском восстании и о Шиткинском. Я лично сам слышал об этом от нашего бирюсинского купца-кулака Мамаева Алексея Михайловича и его сына Павла, которые после открытия фронта в Бирюсе выехали из Бирюсы и жили в Нижнеудинске.

Кроме того, с ними был Москвитин Егорша (Павлов), наш бирюсинский, и наш командир первого взвода 6-й роты, человек грамотный, который об этом рассказывал и вообще среди своих бирюсинских вел политическую пропаганду. Он после отступления из Бирюсы по слухам был сожжен белыми на Емельяновской заимке в доме своего отца или пропал без вести. Я, Куркин, Кретинин Дмитрий дружили с ним.

Вспомнил, допишете: с нами был призван еще Москвитин *Харитон Пелагеевич* (выделенное курсивом зачеркнуто Черневским. — Е. С.) Осип Харитонович, младший унтер-офицер, с которым мы расстались в 8-й роте.

Роту отправили пешим строем по *Московскому* (зачеркнуто Черневским. — Е. С.) Чунскому тракту, офицеры (4-5 человек) и станковый пулемет на подводах. Все хорошо обмундированы и вооружены: *боевые трехлинейные винтовки* (зачеркнуто Черневским. — Е. С.) японские трехлинейные винтовки, карабины (?), по 250 патронов, 2-3 гранаты.

Командовал ротой поручик Беликевич, лет сорока, с усами, злой и свирепый, невысокого роста. Он многих перепорол и расстреливал еще в Нижнеудинске своих солдат. Помню и второго офицера, Перфильева, — очень хорошего, душевного человека. Он просто, как с товарищами, общался с солдатами, играл на балалайке, работал на турнике. Других не помню.

А. Ю. Черневский: Не помните ли, не было ли с вами офицеров по фамилии Фетисов и Попов? Из деревни Борисово?

А. А. Золотухин: Нет, не помню.

Вскоре свернули на север. В деревне, название которой я не помню, мы перебили офицеров и хотели убить Морова, писаря роты, т.к. он был очень большим подхалимом у офицеров, выслуживался перед ними, обо всех давал плохую характеристику и препятствовал отпускам, но он спрятался в подполье, а потом мы его пропустили. Признаться, нам было жаль Перфильева, но дело зашло далеко, и его убили тоже. Забыл сказать, что пулемет с полпути вернули в Нижнеудинск.

Послали нарочного в Шиткино, а потом и все явились. Часть наших осталась в Старом Акульшете, а большинство попало в Бирюсу, где мы, бирюсинские, были зачислены в 1-й бирюсинский взвод Матвея Кретинина, а чужие остались как отдельный взвод. (Иногда у нас командиром был Игнат Козлов, иногда Исак Карпович Москвитин.)

Мне лично пришлось участвовать в бою с красильниковцами в составе 1-го Бирюсинского взвода, которым в том баю командовал Матвей Кретинин. Мы были в окопах на горе. Хорошо помню, что рядом со мной были Михаил Ознобихин и Данила Устинов, а остальные чужие. В этом бою был убит Тихон Медведев и Антон Слепокуров («Но Антон — на болоте» — замечание Черневского. — Е. С.). А что касается Андрея Кретинина, то он погиб не в этом бою, а раньше, в одной из стычек с белыми, когда еще не было окопов, и убит он на солдатских могилах, что были с западной стороны сельского кладбища, — окопы сразу за поскотиной на коровняке (?).

Во время майского налета на Бирюсу я в карауле не был и в бою не участвовал, но знаю следующее: разведка пошла за линию в елань (?), а белые шли по косоюру на левый (а с нашей стороны — на правый) фланг наших окопов, т.е. на западный фланг, и они разминулись.

Во время паники часть моста была разобрана, но белые все же заскочили на край села, зажгли крайние избы и отступили. В этом бою были убиты Яков Москвитин (застрелился раненный в ногу) и Василий Белоногов. Других не помню, но погибло очень много чунских. Своих похоронили родные, а чунских похоронили в братской могиле у тракта. Когда из Бирюсы все эвакуировались, опустили канат с левого берега, отрезая путь для наступающих беляков, но они и не пошли в глубь Бирюсы.

Мои родители ушли в это время в деревню Верхний Ужет, и когда мы стояли в Конторке, в деревню прибежали из Верхнего Ужета наши кони. Я решил отвести их к отцу и остался дома ночевать. Сплю. Вдруг на рассвете слышу голос у ворот, узнаю бирюсинского партизана Алексея Ульянова: «Солдаты есть? Бегите скорее, белые наступают, наши, наверное, все погибли».

Выбегаю в чем есть, одеваюсь на ходу. С ним стоят Егор Кретинин (их родители тоже жили в Верхнем Ужете, до которого от Конторки 15 верст). Мы трое пошли на Синякино, оттуда на Нижнюю Заимку, затем в Шиткино, где стали переформировываться. Константин Москвитин пошел с отрядом в 110 человек на Ангару. Человек триста пехе-конных и кавалерия в 60—70 всадников были направлены на Чуну по Бунбуйскому (Неванскому) тракту. Кто командовал всеми отрядами — не знаю, а конницей командовал Матвей Кретинин, Исак Карпеевич Москвитин и помощником у них был Николай Шалыгин. В конном эскадроне был и я.

Хорошо помню, что с нами в конном отряде были:

- 1) я,
- 2) Николай Бурлов (вершой, т.е. верховой, на коне),
- 3) Сергей Бурлов (вершой),
- 4) *Михаил Ознобохин* (зачеркнуто Черневским: «Нет, этот у Басурманинова. — Е. С.),
- 5) Кондрат Куркин (вершой),
- 6) Николай Бугаев (вершой),
- 7) Василий Горенский (Федоровский) (вершой),
- 8) *Пимен Проскуряков* (зачеркнуто Черневским: «Не был!». — Е. С.),
- 9) Егор Павлов (*конторский или бирюсинский?*) (выделенное курсивом зачеркнуто Черневским. — Е. С.),
- 10) Дмитрий Серебряков (утонул в Илиме у деревни Оглоблино),
- 11) Бурнашов Алексей Ефимович,
- 12) Матвей Кретинин (вершой),
- 13) Исак Москвитин (вершой),
- 14) Николай Шалыгин (вершой),
- 15) Михайлов Георгий,
- 16) Масленников Алексей,
- 17) Федосеев Михаил (Долгий),
- 18) Бурлов Сергей.

Помню, мы устроили засаду на Бунбуйском мосту. Оговорюсь: Матвей Кретинин был командир всего отряда пехе-конных, а кавалерийским отрядом командовал Исак Москвитин, его помощник Николай Шалыгин.

(Черневский: «Образ Матвея Кретинина: лет тридцати пяти, сухопарый, белый, роста среднего, пришел с германской войны или раньше с заслугами — георгиевскими крестами». — Е. С.)

Он все время ратовал за Тасеево, а К. Москвитин против. Матвей Кретинин ударился в панику и решил идти на Ангару на соединение с отрядом Кости Москвитина, но он уже возвращался со своим отрядом, и мы встретились с ним где-то у деревни Березово («В Неванке», — дописано Черневским. — Е. С.), все вместе вернулись и остановились в Савино (Выдрино). Отряд Москвитина

вез с Ангары много мануфактуры («По рассказам Степана Петрова, в Кежме они получили от кооперации товаров на 18 тыс. рублей» — примечание Черневского. — Е. С.), оставили товары в ящиках в Червянке под охраной двух партизан: Ивана Григорьевича Горяева («и Громова» — дописано Черневским. — Е. С.) и *четырёх баерцев* (зачеркнуто Черневским. — Е. С.).

Решили послать нарочных с приказанием доставить мануфактуру в Березово. Горяев и баерцы сказали связным, что пусть те едут, а они все сделают, т.к. надо подготовиться к большому и трудному волоку. Наутро посыльные проснулись, а тех и след простыл. Узнают от крестьян, что они ускакали на Ангару, т.к. часть мануфактуры размотали, а остальную в ящиках оставили в сарае (в амбаре). Один остался охранять, а другой вернулся с донесением. Костя Москвитин и Матвей Кретинин решили во что бы то ни стало догнать и арестовать мародеров и направили для этого отряд конных из пятнадцати человек под командованием Николая Бурлова.

В этот отряд по назначению вошли:

- 1) Бурлов Николай;
- 2) Бурнашов Алексей Ефимович;
- 3) Барсуков Петр (с Нижней Гоголевки, был впоследствии у Зверева начальником конной разведки), он же Буйлов Петр (Буйлин), мордвин;
- 4) Акимов Андрей (из Томска);
- 5) Пантюхин Иосиф (омский), оба перешли к партизанам из железнодорожного батальона в Тайшете;
- 6) Прокопьев Федор Ксенофонович (Селифанов);
- 7) Проскуряков Пимен Павлович;
- 8) Михайлов Георгий Лазаревич;
- 9) Савристов Никита (румын из военнопленных с германской войны, работал на станции Суетиха);
- 10) Серебряков Дмитрий Селиверстович (утонул в Илиме под деревней Оглоблино в отряде Зверева);
- 11) Золотухин Алексей;
- 12) Громов Степан (откуда-то из России, хорошо играл на гармонике, с которой не разлучался. Позже под Читой был ранен в руку и отправлен в госпиталь на Петровский завод. Оставил гармонь у нас, но потом прислал письмо с просьбой переправить ее ему, что мы и сделали, а он с неизлечимой раной до того доигрался, что умер от «антонова огня»);
- 13) Табольский, настоящая фамилия Литвин;
- 14) *Дорожкин Иван с Баерского фронта;*
- 15) *Верхотуров Василий Ф.;*
- 16) *Верхотуров Тимофей, младший брат Василия* (выделенное курсивом зачеркнуто Черневским. — Е. С.);
- 17) Горяев Иван Григорьевич;
- 18) Пельчиков Яков;
- 19) Окладников.

Остальных троих пока не вспомню.

А. Ю. Черневский: Брум, Страус...

А. А. Золотухин: Нет, я слышу об этом впервые, ни Брума ни Страус Пе-

лагеи и вообще никаких женщин с нами не было, а Страус появилась у нас только на Ангаре, о чем я расскажу позже.

А. Ю. Черневский: Алексей Алексеевич, я могу показать вам документы, в которых это неоднократно зафиксировано.

А. А. Золотухин: Нет-нет, документы документами, а я знаю, что не так.

А. Ю. Черневский: Ну, хорошо, извините, продолжайте ваш рассказ.

А. А. Золотухин: В Червянке мы заменили коней и взяли путь на Дворец — 110 верст без населенных пунктов. За Червянкой на волоке догнали, т.е. почти догнали беглецов, но они ускакали и опередили нас. Когда мы приехали во Дворец, там стоял отряд партизан под командой бирюсинского Кешки Рупасова (по-уличному, Окладников) человек в шестьдесят и с ними был другой бирюсинский — Егор Горенский. Как они там оказались, я не знаю. Там же были уже и беглецы с Червянки, баерцев Бурлов арестовал и направил в Березово, но как — не знаю, а Горяев Иван присоединился к нам.

Бурлов заказал лошадей и подводы, решил со своим отрядом возвращаться на Шиткинский фронт. Переночевали, утром сели пить чай, кони готовы, ждут. Вдруг забегает Егор Горенский с винтовкой за плечами: «Товарищ Бурлов! Вы что, уезжаете?» «Видишь, кони уже стоят», — указал в окно Бурлов. «Ну, тогда добра не будет», — бросил Егор и выбежал, оставив в недоумении Бурлова. «К чему это он, пойду узнаю, что стряслось», — сказал Бурлов и, сунув в рот трубку и вскинув на плечо карабин, выбежал.

Там, в штабе Рупасова, произошел примерно такой конфликт: Горенский указал на Баженова как на опасного человека. «Он один, а вас много», — сказал Бурлов.

В конце концов, собрали всех партизан и избрали начальником отряда Бурлова, а Баженова его помощником (?!).

Бурлов послал в штаб Шиткинского фронта донесение, а на следующий день я, Проскуряков, *Егорша Павлов*, Пантюхин и Акимов (мы пятеро дружили) шли по улице и видим, идет старик-крестьянин (*он приплыл на лодке*) и спрашивает: «Где главный?» Повели. «Окажите нам помощь, в Алешкино белые издеваются». (Выделенное курсивом зачеркнуто Черневским. — Е. С.)

На лодках волоком поплыли в Алешкино (20 верст). Белых нет. На конях поехали в Заимку — и там нет. Пробыли в Заимке сутки и вернулись в Алешкино. Здесь где-то к нам и присоединилась Страус. Она и Бурлов, посоветовавшись, решили сделать засаду на мысу у Плинского порога, между Алешкиной и Дворцом. Мы, четырнадцать человек бурловских, спустились в одной лодке и шли первыми, за нами лодка с Бурловым и Страус и еще пять лодок. Еще перед порогом заночевали на берегу, а утром Бурлов объяснил задачу.

Мыплыли, а сами спорим: этот или не этот мыс, больно уж открытый, а лодка командира далеко, но видать. Слышим сзади крик, оглянувшись, видим: Бурлов показывает рукой — причаливай к мысу, а мы не понимаем. Он дал выстрел, но в это время нас уже подхватило и благополучно пронесло через порог. Обратно не поднимемся, трудно. Начался спор. Проголосовали: кто за то, чтоб подниматься, — никого; кто за то, чтобы ехать в Дворец? — все.

Приплыли, а на следующий день и Бурлов прибыл. Отругал, некоторые требовали нас разоружить за невыполнение приказа. Но Бурлов простил: «Не будет больше этого?» — «Нет, товарищ Бурлов».

Засаду они не стали делать, т.к. лучшее вооружение было у нас (по 3—4 гранаты у каждого, трехлинейные винтовки и по 200—250 патронов), а в отряде Баженова — Рупасова дробовики и больше ничего (Черневский: «Первой шла лодка Михайлова, а за ней Золотухин с бурловцами». — Е. С.). Когда мы плыли во Дворец, Грамов все время играл на гармошке, которую добыл в Червянке.

Снова прибыли на Заимку (до Алешкиной волоком, а с Алешкиной до Заимки на конях), послали в Кежму¹ разведку — одиннадцать человек, а связные-шпионы из заимских кулаков уже опередили нас, передали белым, что идет разведка. Когда наш дозор в два человека подходил к кежемской поскотине, оттуда крикнули: «Кто идет?». Один в дозоре был пожилой, второй молодой. «Черт идет», — крикнул пожилой и выстрелил из карабина.

Засада белых открыла дружный огонь. У старого партизана ранило коня, а второго ранило в ногу, но оба спрятались в полегшую, еще не сжатую пшеницу. Старика все же поймали. Разведка считала, что оба убиты и так донесла. (Черневский: «Нет, разведка погибла 26.VII, а пошли на Кежму 20 августа!». — Е. С.). Отряд двинулся на Кежму, не доходя семь верст разбились лагерем, выставили заставы. Застава передала, что сверху идут лодки. «Наблюдать в бинокль!» — командует Бурлов.

Идут две лодки, и в каждой по одному человеку. Думаем, что приискатели. Бурлов вышел на берег, кричит им, а потом свистнул, показывает рукой, мол причаливайте к берегу, а потом дал выстрел. Лодки причалили, вышли два крестьянина и передают большой пакет. Они с Панова, и говорят, что их «прислали какие-то военные, ничего не знаем». Бурлов вскрывает пакет и читает. Видим, меняется в лице. Понять не можем, к добру или к худу. Все пристально, затаив дыхание, смотрят на командира. «Товарищи! — говорит вдруг он, кончив читать, — прошу всех собраться вокруг меня. Слушайте, братцы, и мозгами шевелите: не ловушку ли нам готовят?» И вслух прочитал донесение командира восставших в Паново солдат Зверева из карательного отряда Мамаева (документ № 31).

Это было 22 августа, а донесение Зверева написано 20 августа. В нем говорилось, что 1-й взвод отряда Мамаева под командованием Зверева восстал и перебил своих офицеров, став на сторону советской власти. «Ну, как вы думаете, товарищи? Просят выслать представителей. Кто не робкого десятка — три шага вперед». (Перед этим Бурлов построил отряд в две шеренги, а сам шагал посредине.) Вышло семь человек. Бурлов наклонил голову и поднес руку к глазам — вытирал слезы: «Я ведь в вас сомневался, а теперь вижу, что могу положиться».

---

¹ Село Кежма основано в 1630 году. По данным на 1926 год, 307 хозяйств, 1653 жителя.

В это время один из вновь прибывших в отряд добровольцев, немудреный на вид мужичишка (Брум или Редовский?), говорит: «Надо послать опытного человека, чтобы он и нутро их разглядел. Я новый у вас человек, вы меня не знаете, поэтому и не вышел из строя, а коли доверите — пойду». — «Да, это верно, что мы вас не знаем. Ну, что же, покажите себя!».

Послали его и одного из парламентаров, а когда те ушли, оставшийся заложником парламентар заплакал. Снова сомнения. «Что ж ты духом пал? — спрашивает Бурлов. — Ведь если все так, как вы говорите, тебе бояться нечего». «Ды так-то оно так, а вдруг да и не так... — забормотал крестьянин. — Кто ж их знает, чего они там думают».

На другой день приехали из Кежмы пять солдат, а нашего нет. (Черневский: «А по документам, Бурлов послал двух своих делегатов: Брума и Редовского, которые встретили в Кежме двух солдат, и Брум с одним из них пошел дальше, навстречу отряду Зверева, часть которого встретили в пяти верстах за Кежмой и привели в Кежму. В тот же день, 22 августа, очевидно оставшийся в Кежме один из двух первых солдат-парламентаров и Редовский сообщили, что в Кежму можно вступать, и весь отряд Бурлова вошел в Кежму, где все и соединились. А утром 23 августа Брум и Редовский вместе вышли на Паново, с одним представителем, к главным силам 1-го взвода Зверева, куда прибыли в тот же день к 8 часам вечера. Оттуда Редовский с десятью зверевцами, оставив Брума в Паново, вышел навстречу своему отряду, и встреча произошла между Паново и Кежмой. Уже весь отряд Бурлова к вечеру 23 августа к 8 час (???) вступил в Паново, где и произошло объединение с манифестацией. Назначили встречу между Кежмой и Пановой в логу. Но Бурлов все же сделал засаду. Вышли ночью. На рассвете человек пятнадцать верховых спускаются в лог. Все вместе идут в Кежму (не те ли десять человек?). — Е. С.). Нас, 25—30 конников, направили в Паново, где чуть ли не на руках снимали».

Послали нарочного в Кежму к Бурлову, который с остальным отрядом на лодках прибыл волоком. Не доезжая версту Бурлов командует: «Лодки к берегу!». А в деревне все население нарядилось празднично, главным образом красного цвета наряды. Ждут. Бурлов идет навстречу: «Товарищи, послали мы своих конников, а теперь будем их выручать», — он все еще сомневался, не верил, ждал ловушки. Но встреча рассеяла сомнения.

Наши построились в шеренгу по всей улице, а их — с другой стороны в шеренгу. «Смирно!» Между шеренгами проводят офицера с кокардой, который был хорошим человеком и согласился служить народу («Прапорщик Никольский», — дописано Черневским. — Е. С.).

Потом в каком-то доме открыли собрание, и начались выборы командира. Их кричат: Зверева! Наши: Бурлова! Их больше, нас меньше, а Бурлов и Зверев молчат, сами решаем. Кто-то из наших доказывал, что командиром несомненно должен быть наш, ведь не мы к ним, а они к нам пришли (хотя и мы к ним пришли). «Мы-то перешли, а вы к нам пришли», — возражали зверевцы.

И у нас и у них было еще какое-то недоверие: мы и чай пьем — ходим с оружием, а они развесили его, хоть бы что. Мы думаем, что это они нарочно, чтоб и мы побросали оружие, а они тогда накроют и разоружат нас. А те боятся — что

это мы среди своих с оружием не расстаемся, стало быть, замышляем против что-то. На посты посылаем так: один наш, один их. Это когда уже выбрали Бурлова командиром, а Зверева его помощником.

Стоим в Паново три-четыре дня. А потом (27 августа) пошли вверх. До устья Илима шли вместе, а здесь разделились: отряд Зверева человек сто пятьдесят (Черневский: «По документам, 103 человека». — *Е. С.*) и приданная ему наша конница в тридцать всадников, в том числе и все мы четырнадцать бирюсинцев-шиткинцев, пошли вверх по Илиму, а Бурлов — вверх по Ангаре. К нашей коннице добавили человек десять из зверевского отряда, и всего конников получилось человек сорок («Кто командир? Барсуков — Буйлин Петр», — дописано Черневским. — *Е. С.*). С тех пор мы разлучились с Бурловым и до конца воевали со Зверевым.

После взятия Нижне-Илимска, при взятии деревни Оглоблино между Косьяновской и Большой Мамырью² утонул Дмитрий Серебряков. Он с другими бойцами переплывал на лодке Илим к берегу деревни Оглоблино, в которой, по сведениям крестьян, не было белых. Но когда лодка была на стремнине, с берега вдруг открыли ураганный огонь, двух легко ранило, лодку перевернуло. Все, даже раненные, спаслись, а Серебряков утонул (Черневский: «По док. № 42 это произошло 10 сентября 1919 года при взятии города Илимска, Илимское городище». — *Е. С.*).

Отдельные эпизоды и замечания

- В отряде Рупосова — Баженова были два брата из деревни Сосновка на Ангаре — Тимофей (младший) и Василий (старший) Верхотуровы.

- В отряде Зверева был шиткинский молодой паренек-доброволец *Василий Бабков* (выделенное курсивом зачеркнуто Черневским. — *Е. С.*) Яков... (как и когда он попал туда — не знаю). В Иркутске он попал вместе со мной в 5-й Зиминский кавалерийский полк под командованием Новакшонов. Когда предстояло ехать в Монголию, он испугался, «смастерил» себе болезнь на ноге с помощью керосиновой примочки и уволился. За щуплость, белокрысые волосы его звали Маруся.

- У Баженова была пехотинская винтовка.

- Участники похода с Бурловым на Ангару, а потом с отрядом Зверева, мои соратники конторские Егорша Павлов (Михайлов) и Пимен Проскураков — живы. Первый живет в Точилке (Точильный), а второй в Суетихе (?!).

---

² Село Большая Мамырь основано в середине XVII в., в 103 верстах от Илимска. В 1723 году в деревне Мамырск Большая четыре двора. Новый этап в развитии Большой Мамыри наступил в 1887 году, когда она, отделенная от Братской волости, сама стала волостным центром. Численность населения Больше-Мамырской волости превышала тогда пять тысяч человек. Перед революцией в Большой Мамыри 92 двора, проживало 270 мужчин и 235 женщин (Андреева Л.В. // Сайт: Старый Братск).

- Материалами похода бурловского отряда и Бичом очень интересуется некий Усов Иван Гаврилович, член совета музея г. Братск.
- Семья братьев Мамаевых (Сергеевских) Кузьмы и Евсея Осиповичей жили в деревне Еловой после бомбежки Бирюсы. Евсей жил на краю в Получеремхово. Когда белочешские конники разбили и разогнали засаду под Еловой (Семенов Спиридон, Пестерев Афанасий, Линева Изот, Ивашкин Ефим, Иванов Дмитрий и Лебасев) и стали подходить к Еловой, Евсей Сергеевич вскочил на коня и прискакал в Конторку, сообщив о движении белых.

Из беседы 18 августа 1960 года

А. А. Золотухин: Уточняя некоторые факты из нашей предыдущей беседы: братья Верхотуровы присоединились не на Ангаре, а пошли в составе отряда Бурлова сначала с Савино. Старший Василий — из кавалерийского отряда Николая Шалыгина, а младший, Тимофей, присоединился в Савино или Березово. Оба дошли с нами до Байкала. Таким образом, все участники похода отряда Бурлова восстановлены. Тимофей Верхотуров живет в Усть-Куте (Черневский: «Чепуха. Сам Тимофей Верхотуров отрицает это!» — Е. С.).

Помню в районе Илимска, где-то под Большой Мамырью, к нам прибились беглецы из Александровского централа, в т.ч. Киселев (или Кислицин) и Бродников. Они были истощены, страшно смотреть, но потом дрались храбро.

Почему Бурлов отдал нас, пятнадцать кавалеристов, Звереву? Дело было так: когда мы решили идти вверх по Ангаре к Усть-Илиму, еще не было решено, что отряды разделятся. Отряд Зверева пошел головным, ему нужна была конная разведка, и нас послали с ним. А дойдя до Усть-Илима Зверев повернул на Илим, не дождавшись отряда Бурлова. Так разъединились. Бурлов пошел вверх на Тулун.

Петр Барсуков (Буйлов) был у нас командиром эскадрона. Он очень боевой, храбрый.

Когда мы с отрядом Зверева прибыли в Иркутск и стояли в Иркутске (в Жилкино), вскоре на станцию Иннокентьевская вступила 30-я стрелковая дивизия. Мы слышали, что в 264-м полку на Иннокентьевской наши шиткинские партизаны. Я и Осип Пантюхин верхом поехали в Иннокентьевскую повидать своих. Возвращаясь в Иркутск встретили кошеву, в ней сидели двое военных. Подъезжаем, из кошевы голос: «Золотухин, это ты?» Смотрю: Николай Бурлов. Он был в серой шинели, через всю грудь и на папаче красная лента. Он со своим отрядом (полком) стоял в Баргузине и, прослышав, что шиткинцы в Иннокентьевской, решил повидать брата Сергея.

«Что же вы меня бросили?» — говорит Бурлов. «Да ведь это вы нас отдали, Николай Ананьевич», — отвечаю я. «Поедешь со мной, в мой полк?» — я не согласился. Тогда он и сманил своего брата Сергея к себе, и тот погиб под Читой. А с ним Черешнева и Хлебникова сманил.

Николай Бурлов до похода на Ангару был рядовым партизаном, но иногда возглавлял группу конных разведчиков. Так, например, он ходил в разведку с Шиткино на Борисово и с Савино в Шиткино.

А. Ю. Черневский: А как же Сергей Бурлов не попал в его отряд сразу?

А. А. Золотухин: Помню, когда мы стояли в Савино, там произошло что-то непонятное. Многие стали разбегаться, а самозванный начальник штаба Дерюшкин направо и налево выдавал увольнительные. Чуть было не поддался и я, но вразумил Николай Бурлов: «Схватят, и погибнешь. Пойдем нога в ногу — и до конца».

- Когда в Савино Березово формировалась конная разведгруппа Николая Бурлова, наши бирюсинские ребята Тураков Сергей и Кретинин Дмитрий (Митюха) не захотели идти в этот отряд и вообще фактически скрывались по лесам, а в отрядах не были. Но Дмитрий Кретинин был в 30-й дивизии.

- Троезубовых в партизанах было три брата: Максим (старший), Самуил (средний) и Прокопий (младший) — все они не очень разбитные, и я не знаю, кто из них мог быть командиром кавалерии (Черневский: «Максим!». — *Е. С.*).

- Во время красильниковского наступления действовал лыжный отряд Жичкина. В нем были и наши бирюсинские: Сергей Пахоруков, Артемий Тураков, двух не помню.

- Батарея белых стояла за бирюсинским переездом на горке, там же была высокая сосна, откуда не были видны наши окопы, но хорошо видна деревня.

- О 6-й роте. Рота была кадровой, а не сборной. Она стояла в Нижнеудинске под распоряжением начальника гарнизона есаула Кузнецова (лет 36—40, с большими закрученными усами, шашка, шпалы и плеть с тремя пулями на конце). Это был настоящий зверь — собственноручно сек солдат и арестованных, а также дезертиров (см. о Кузнецове). Командир 6-й роты поручик Беликович — тоже лет 40, толстый — не уступал ему в зверствах. Второй офицер, кажется прапорщик Перфильев, был много моложе, хорошо играл на балалайке, занимался на турнике.

- О купцах Мамаевых. В потоп 1912 года остров еще принадлежал обществу. Туда был брод. Во время потопа свиньи переправились вплавь на деревенский берег (остров затопило раньше, т.к. он расположен в низине). После этого общество сдало в аренду на пять лет Мамаеву. Он приобрел кочкорез, срезал кочки и вывозил в низину, засеял остров какой-то травой, завел пасеку. Перед революцией или в революцию общество отобрало остров, а Мамаев устроил пасеку в девяносто ульев на Карамычихе — угол на восточной окраине деревни, огородил ее. После революции Мамаевы уехали в Нижнеудинск. Там-то я встречался со стариком, он выпрашивал о большевиках. А когда сожгли Бирюсу, сын Павел приходил с белыми отрядами, искал в своей усадьбе зарытые деньги.

(А. Ю. Черневский об А. А. Золотухине: «Среднего роста, черный, тип цыгана. В разговоре то и дело употребляет выражение «бляха-муха». Говорит «дёржит», вместо «держит». Речь чрезмерно громкая. — *Е. С.*)

Из беседы 30 августа 1961 года

- У меня все время был трехлинейный японский карабин, доставшийся мне из 6-й роты. Командиром роты был точно Белякович, это он ходил до это-

го с карательным отрядом в Тайшет, а потом с нами. Поручик. В Тайшет он ходил с 8-й ротой.

- Дмитрий Толмачев, один из участников восстания 6-й роты, живет в Москве.

- Есаула Кузнецова наши ребята узнали в Иркутске. Доложили Новокшонову, но он успел скрыться. Мы долго рыскали по городу и вокзалу, но безуспешно.

- В бою с красильниковцами я участвовал в составе первого взвода Кретицина Матвея. С Тайшета по тракту белые посылали главным образом разведку, а главные силы через Бирюсу. Переезд по еланской дороге, по болоту и весной по косогору. Косогор и болото, а также пашенная дорога по Бирюсе. Переезды были главным местами стычек и боев. В бою с красильниковцами Бича не помню, а Козлов Игнат был, а также Москвитин[ы] Яков и Константин, Исак Москвитин и Матвей Кретицин. Были: Троезубов Самуил каким-то небольшим командиром (он с германской войны) и Патрин Михаил (завхоз части). Жичкин — главный командир лыжного отряда, и в этом бою сыграл большую роль. Николай и Сергей Бурловы с первого дня были рядовыми в конной разведке. С ними был Бугаев Николай.

- Говоря о составе отряда Бурлова, я могу согласиться только с тем, что Маруська пошел с нами сразу, а Рупосова — Окладникова Иннокентия, Горенского Егора, Калмана, Зайцева категорически отвергаю.

- В Червянке мы меняли лошадей.

- В тайшетском наступлении я не участвовал.

- На пашенной дороге (дорога на заимки) по Бирюсе, переезду в бою с красильниковцами мы захватили особенно много трофеев.

- В Нижнеудинске была фотография Колесниковой (П.Н.), где я сфотографировался в форме солдата 6-й роты.

- К двенадцати человекам согласен прибавить Вихорева, Верхотурова Василия и Горяева (это подтверждает Проскуряков Пимен и Верхотуров Тимофей).

- История с Морским полком сложилась так: главные силы Зверева вышли к Балаганску, а я и еще человек пятнадцать, собранных из госпиталей в Илимске, поехали на конях ему вслед. Красные ленты. В Большой Мамыри встретили их часть во главе с полковником, человек десять. Полковник приехал звонить в Иркутск, чтобы убедиться, в чьих руках город. Говорит с женой, не верит, испытывает ее, расспрашивает о сыне: в каком классе учится и в каких школах. Убедился, заплясал — Иркутск еще белый! Поехали в Братск, где стояли их главные силы (Николаевский завод). Мы им вслед (друг друга не трогаем). Их было всего человек триста-четыреста.

- В одной деревне заходили к старосте. «Здравствуйте, ну, папаша, лошадок сменить надо». — «Сколько вас?» — «Пятнадцать». — «Да кто вы такие?» — «Красные». — «Тьфу, черт вас разберет. И белые и красные тут. Ну, раз красные, лошадей найдем». Офицер обратился к нашему старшему: «Вы посодействуйте, чтобы нам дали лошадей. Окажите помощь». — «А вы власть имеете?».

Это было в деревне Николаевке. Нас было двадцать человек, преследовавших (для контроля) Морской полк.

• На задах в Бирюсе стояли три избы: Золотухина Алексея, Туракова Алексея — слепой старик с одноглазой старухой, Троезубова Ефима.

А. Ю. Черневский, 14 марта 1966 года: Я посетил Золотухина вместе с его однополчанином, партизаном, бурловцем и зверевцем, Проскураковым Пименом. Его жена Дуся (Евдокия Михайловна) оказалась именинницей, и по этому поводу пришлось немного выпить. В состоянии охмеления Золотухин рассказал, что когда он вернулся из Иркутска в Нижне-Удинск, заболел и лег в госпиталь, а когда выписался, оказалось, что 6-я рота ушла, и он в нее уже не попал. Попросил отпуск, приехал в Тайшет к родственнику, купцу Агишеву, а от него бежал в Бирюсу (темно, какой-то крестьянин довез до Акульшета, а оттуда он уже в Бирюсу). В Бирюсе его встретил Михаил Патрин: «Посмотрим еще, зачем ты прибыл».

Рассказ Золотухина поразил и ошеломил меня. Чуть не четыре года он говорил другим, что перешел с шестой ротой, и вдруг проговорился. Не менее меня был удивлен и Проскураков!

ЕВДОКИЯ МИХАЙЛОВНА ЗОЛОТУХИНА

**Родилась в 1905 году¹,
вдова партизана Алексея Алексеевича Золотухина,
вышедшая за него замуж в 1923 году.
Беседа состоялась в деревне Бирюса в пятницу 25 августа 1972 года
во время визита к ней с Пименом Павловичем Проскураковым,
соратником А. А. Золотухина по бурловскому отряду**

В изложении А. Ю. Черневского

В 1919 году она жила в Тайшете в людях, сирота. Дядя, партизан Яков Пепершвили (Яшка Черкес), определил ее к какой-то бабке одинокой, что жила неподалеку от лесозавода (старенькая, толстенная). Помнит, что к ней тайно приходили партизаны-разведчики, в т.ч. Губкины. «

Яшка Пепершвили был в Бирюсе, в отряде Жичкина, очень хороший партизан, а потом ходил с ним в район Туманшета, затем в Шиткино. С Шиткино привез с собой вторую жену и с ней уехал при советской власти на Кавказ, где и умер. А первая жена, Миладора Федотовна, ныне по мужу Монакова, живая, проживает по ул. Академика Павлова, 81, рядом с больницей, первый угловой дом (Тайшет). У них был единственный совместный сын Иван Яковлевич, сверстник рассказчицы, который, будучи танкистом, погиб в плену у немцев в Отечественную войну.

В том же 1919 году, в конце, и в начале 1920-го Дуся жила также в Щетиновке (Рождественке) у Евграфьевых (два брата: Николай и Михаил Николаевичи). Их дом стоял на самом краю, на выезде из Щетиновки в Шелехово. Уверяет, что тогда там еще скрывались партизан Борис Белоногов и Иван Баринов (этот тайшетский, но тогда их семья жила на Андреевском участке — он жив и сейчас, живет где-то в Тайшете).

А в Щетиновку она попала так: бирюсинский крестьянин Малинников Александр Федотович («Ляксандра Федотович») отправил туда свою семью после бомбежки Бирюсы, т.к. у его жены Афанасьи Прокофьевны там были родители, [они] и сообщили, что Евграфьевым требуется нянька или батрачка. Сам же Малинников жил на своей заимке.

В Бирюсе сейчас проживает старожилка, примерно 1903 г.р., Железнякова Серафима Кирилловна, которая многое может рассказать (после сожжения Бирюсы она жила на Сольминке).

Золотухина рассказала также, что цыгане в Бирюсе жили постоянно, много семей. Тех, что жили в волостном правлении, звали старик Максим (шил шлеи²), жена Марья, сын Кирилл (уже парень, но еще не женатый).

---

¹ Умерла в сентябре 1973 года, внезапно.

² Шлея — часть конской упряжи, охватывающая всю длину лошади. Удерживает хомут в нужном положении при спуске лошади, а также при остановке, при этом лошадь упирает в шлею крупом.

Их воспитанник Коля-дурачок, не цыган, а русский, не то из Тайшета, не то с Еловой. Небольшого роста, лет тридцати, светло-русый, с редкой, жидкой бороденкой. Ходил в одной, длинной как платье, холщовой рубахе, подпоясанной веревочкой или тряпицей. Если отнимешь у него подпояску, будет горько и долго плакать-убиваться. Но вообще его не обижали, общество давало на пропитание. Лишь изредка ребята посмеивались: «Коля, утри сопли». Он быстро задирает подол и утирает, и тогда все смеются над обнаженным срамным местом. Очень плохо и мало, почти не умел говорить. Только «Лю-лю-лю». Очень любил чай: «Лю-лю-лю, чай-чай». Пил из блюдечка, покручивая его в руках. Если идет по улице и кого-нибудь встретит, даже не свернет с тропы, а стоит как вкопанный, пережидает, чтобы его обошли.

Были еще цыгане: Иван Иванович, Макар и др.

Крестьянский двор. Множество построек вокруг двора: амбар, баня, завозня, хлев, пригон, погреб, птичник (гуси), летняя кухня... Во дворе — колодец. У самых сенок примитивная наковальня для хозяйственных работ, которая называется «кобылина» — кусок рельсы, закрепленный на чурке-пеньке.

Баня по белому: стоишь в рост, пол деревянный. Сразу налево, при входе, в углу — печь с двойной топкой: над первой тонкий железный цилиндр, в котором камни. Это для пара. Рядом котел с водой, под ним отдельная топка. За ними, в другом углу — полок для парки. Посредине окошко. Вокруг свободных стен — скамейки-лавки. Воду для бани брали не из домашнего колодца (эта вода жесткая, шла только на мытье полов), а возили из речки в полубочках сорокаведерных. Этой же речной водой поливали огурцы — хорошо росли, варили чай, а колодезной водой сладкий чай плохо заваривался и невкусный, и голову не намаyliшь, не промоешь.

ИГНАТИЙ МОИСЕЕВИЧ КОЗЛОВ

**Родился 27 ноября 1892 года,
бывший командир Конторского партизанского отряда
Шиткинского фронта,
ныне персональный пенсионер республиканского значения,
проживающий в Красноярске (пр. Сталина, 37, кв. 23).
Беседа состоялась 19 июля 1960 года в Красноярске**

Наша семья переселилась в деревню Конторку, Канского уезда, в 1911 году из Томской губернии в поисках хороших земель, но вплоть до советской власти мы оставались бедняками. В 1914 году я был призван в старую армию, а в феврале 1918 года вернулся с фронта, распропагандированный большевиками и с большевистским настроением. Здесь меня избрали председателем комитета бедноты и заведующим народным домом, но вскоре произошел белочешский мятеж, и мне пришлось скрываться на заимках. «

В конце 1918 года прибыл с Черного моря и мой брат — фронтовик Иван. Но еще до его приезда я стал встречаться и беседовать с другими фронтовиками. Установили связь с Иваном Андреевичем Бичом, который тоже тайком пробрался домой из Канска, где он был членом Канского совдепа. В конце 1918 года, в ноябре или декабре, в Конторке с участием Бича была создана подпольная организация, названная военно-революционным комитетом, в который вошли от Конторской волости:

- 1) Козлов Игнатий Моисеевич,
- 2) Криволицкий Прокопий,
- 3) Масленников Алексей,
- 4) Носонов Ельмир Поликарпович,
- 5) Козлов Иван Моисеевич,
- 6) Галло Игнатий,
- 7) Кочергин Евдоким Григорьевич.

В Шелаевской области (волости) организация состояла из товарищей:

- 1) Бича Ивана Андреевича,
- 2) Свенского Станислава Александровича,
- 3) Богдановича Михаила Петровича,
- 4) Кепула Анса Карловича,
- 5) Тийса Вильгельма Ивановича,
- 6) Силина Трофима Яковлевича (Ходя),
- 7) Половинкина Ивана Назаровича,
- 8) Швайдецкого Владислава,
- 9) Бурульбаш — Максименко Евдокима Григьевича,
- 10) Афиногена Чемоданова.

По Баерской волости:

- 1) Антонов Алексей Федорович (Федор Алексеевич),

- 2) Тришкин Алексей Павлович,
- 3) Морозов Иван Николаевич (Никитович, Никитич),
- 4) Страус Пелагея Васильевна,
- 5) Брум Владимир Карлович,
- 6) Баженов Даниил,
- 7) Громов,

всего семь человек.

По Тайшетской волости:

- 1) Соколов Афанасий Васильевич (бывший поручик царской армии, сосланный в Сибирь за убийство капитана), его сын — рядовой партизан,
- 2) Дерюшкин Дмитрий,
- 3) Ладгин (Ладыгин?) Максим Трофимович (рабочий Тайшетского райпотребсоюза),
- 4) Шалыгин Николай.

Соколов в 1918 году был начальником милиции; в партизанах — в отряде Козлова с оружием в руках, в военно-революционном совете.

Бича я знал с 1912 года, т.к. в этом году он жил и работал в Еловой сельским писарем. В числе конторских подпольщиков один из первых примкнул торговец Неизвестных Иннокентий Романович, который был очень революционно настроен, более чем его брат Гаврила Романович, примкнувший позже. В доме Иннокентия был прифронтной лазарет, а сам он был у меня начальником штаба Конторского отряда, но очень труслив.

Скрываясь на заимках, я и другие разъезжали по селам с киноаппаратом, во время киносеансов проводили политическую работу. Однажды приехали в Бирюсу, показывали в школе кино и в это время совещались. Вдруг появляются белые. Бурлов и Кретинин Гоша узнали первыми и предупредили меня, и все разбежались.

В Бирюсе самым видным организатором был Швырев Иван Егорович, учитель (?).

После столкновения в Шиткино с прапорщиком Галошиным открыли фронт в Конторке и Бирюсе — 6 февраля (Черневский: «А не 6 марта?». — Е. С.), стали открыто собирать оружие. Лично я сдал винтовку и два ружья, а у себя оставил браунинг. Я был в шинели и носил партизанскую фамилию — Громов Михаил Александрович. У моего брата была шашка и винтовка.

Меня избрали командиром Конторского отряда, Якова Москвитина — командиром Бирюсинского отряда, Андрея Бычкова — командиром Акульшетского отряда (помощником у него был Денейко), командир Гоголевского отряда Криволицкий Лавро, Шевелев Николай.

В Конторке был летучий отряд Бича-Таежного, его помощники-командиры взводов Петров Степан и Беркен, а в Бирюсе летучий лыжный отряд Жичкина.

В первой операции — взятие моста — участвовали конторские, бирюсинские, черчетские и, возможно, это неточно, получеремховские и еловские.

Персонально помню:

- 1) Козлов Иван Моисеевич,
- 2) Насонов Ельмира Поликарпович,

3) Кретинин Матвей — не был,
а всего человек тридцать.

Через неделю в Конторке и Бирюсе было уже около 1500 партизан.

Помню, снятых с моста привели в штаб Конторки, где я лично допрашивал одного юнкера, всех отправили в Нижнюю Заимку. Под контроль сразу была взято расстояние от Ключей до Бирюсы. Конторка включала железнодорожный участок Венгерка—Ключи. Здесь был прифронтовой госпиталь, ружейная мастерская. Отсюда сортировались и направлялись по отрядам люди. Установили телефонную связь с Акульшетом и Бирюсой. Моим писарем-адъютантом был Сазайкин — Назаров Иван, бывший волостной писарь.

Командующий фронтом К. Москвитин (Зверев), начальник штаба фронта Евдоким Кочергин (Турников), Попов Гавриил — начальник хозчасти Конторского отряда.

Главные, особенно частые диверсии мы устраивали у Ключей. Ходили Бич, Беркен, Петров. Сняли телефоны с Юрт.

Во время бомбежек японские шестидюймовые снаряды взрывались плохо, и мы делали из них мины, а трехдюймовые взрывались хорошо.

В плане красильниковского наступления на Бирюсу было в пятницу занять Бирюсу, а в субботу Конторку. В эту ночь, вернее говоря в эти сутки, с пятницы на субботу, было выпущено 1500 снарядов. Мы использовали церковную пушку, стрелявшую в крестный ход.

Помню, перед одним боем пришли в Конторку цыгане, сказали: «На помощь». А когда их послали в бой, спрятались, при первых выстрелах разведки, под соснами, а потом удрали. Прибежали и говорят: «А что ты, брат, из пулеметов и... никакого спасу нет».

Еловские, получеремховские, юртинские и черемшанские составляли один взвод.

Перед тайшетским боем в Старом Акульшете была конференция (совещание) командного состава. Прибежала наша связная собака, при помощи которой Дерюшкин (был в Старом Акульшете или Нижней Заимке) держал связь в тайшетскими связными, и принесла привязанную к ошейнику записку о том, что в Тайшете войск нет, а только охрана и железнодорожный батальон, который в бой не ввяжется. В плане операции командиру взвода Бирюсинского отряда Кретинину Матвею поручалось разведать и подготовить переправу через реку Тайшетку, но он доложил, что река сильно разлилась, и решили идти через мост. Чем окончилось это, вы знаете. Из Акульшетского отряда погибло 79 человек. Серафимовский отряд Горегляда дошел до Зеленой улицы. В этом бою мы потеряли 79 человек.

Началось майское отступление. Я шел вместе с Бичом, и у меня из *кармана* (выделенное курсивом зачеркнуто Черневским. — Е. С.) кобуры выпал браунинг. Бич отчитал меня за это.

После отступления в Шиткино Богданович — Волгина, который до этого был членом штаба, избрали начальником штаба. При переформировании отрядов меня назначили командиром взвода разведки (начальником разведки) и сразу же, пока части стояли в Шиткино, с отрядом в семь человек послали в разведку до Конторки. Со мной пошли Москвитин Илья Павлович,

получеремховский, Алексеев тайшетский, Кочергин, проводник-охотник, и др. У Верхнего Ужета я из немецкого винчестера убил медведя. Доехали до Конторки, противника не встретили, только посмотрели на пепелище и вернулись. (Алексеев остался в Придорожном и его там поймали.)

Части еще стоят в Шиткино. Богданович снова посылает в разведку в Нижнюю Заимку, уже человек двадцать — двадцать пять. В Нижней Заимке столкнулись с крупными силами чехов («Это была, очевидно, восточная чешская колонна, или, как ее еще называли, майора Гасека, выступившая от станции Ключи в глубокий тыл через Нижнюю Заимку и занявшая 14 июня деревню Шиткино» — примечание Черневского. Сб. док. № 45 и 46, стр. 222 «Партизанское движение в Сибири». — Е. С.).

Вернулись в Шиткино, а там уже никого нет. Пошли занимать избушку, видим, идут человек десять: Максим Чемоданов с гармошкой, Бурульбаш, Николай Гульгяев (Шемякинский), его брат Петр Демьянович Гульгяев, Лесюк Андрей Иванович, Большаков Николай, Водоевич Максим, Кудрявцев Никита и др. Чемоданов Максим вместе с братом Николаем был в Конторке и отпущен перед отступлением мною на побывку. Нас стало человек сорок. Вдруг едет кавалерист и доносит, что отряды отступили через Тракт-Кавказ. Я выставил конного в дозор, но он вскоре прискакал: «Чехи идут с горы!».

Дал команду отходить к речушке в лес, стали пробираться по заимкам до Бузыканоно. К ночи пришли в Бузыканоно. Здесь был штаб, ружейная мастерская и мой бывший начальник штаба Неизвестных Иннокентий. Пошли в Тремино, где нагнали Бича. Стало нас человек пятьдесят. Все поплыли на плотках в Шалаево. Под Шалаево догнали плоты с лазаретом, и там я встретил Ладгина (Ладчина?). Волгин был с нами, Бич тоже. Меня и Ладгина (Ладчина) на конях посылают в разведку (это уже из Кондратьево) в Выдрино.

Приехали в Петропавловку¹, сменили коней, а в Выдрино встретились с отрядом К. Москвитина, вернувшегося с Ангары, и подошедшим с Неванки² отрядом Матвея Кретинина. Это был конец июня — начало июля. Все вернулись в Кондратьево, где сформировали 1-й и 2-й отряды, которые идут в Шалаево, а меня Богданович с 40—50 конными направил в Неванку для при-

¹ Село Петропавловское основано в 1613 году. По данным на 1926 год, 48 хозяйств, 213 жителей (94 муж. и 119 жен. пола).

² Село Неванка (Махночи) основано в конце XVII — начале XVIII вв., относилось к Пинчугской волости Енисейского уезда Енисейской губернии. В 1859 году здесь насчитывалось 18 дворов, проживало 176 человек (86 муж. и 90 жен. пола); в 1904 году уже 272 человек (134 муж. и 138 жен. пола).

В 1909 году образована Червянская волость, Неванка вошла в ее состав. В этот период Чуно-Ангарский край присоединили к Канскому уезду. Вскоре была образована новая волость с центром в деревне Выдрино, а в 1914 году по просьбе крестьян волостное правление перенесено в Неванку (Мохначи).

В 1919 году жители села вступили в партизанский отряд Яна Пепула, который прибыл в Неванку зимой в составе сорока человек на двадцати подводах (Сайт: chunskiy.ru).

крытия (заслон), оттуда выехал на конференцию в Петропавловку, которая состоялась 12 июля. По пути, не доезжая до Петропавловки, видим свежие могилки. Выяснилось, что это расстрелянные председателем следственной комиссии Ансом Кепулом якобы предатели. (см. восп. Петрова, Жукова. Кепула).

Потом я заболел и лежал в госпитале. Тогда-то и пленили Бича. После пленения Бича К. Москвитина и Матвея Кретинина сняли с командования и отдали под следствие.

Здесь, в Кондратьево, Павел Логинов был членом ревизионной комиссии вместе с Поповым Гаврилой и обучал командный состав и всех, кто был, азбуке Морзе и работе на телеграфе — он был телеграфист.

После того как мы стали выходить к линии железной дороги, я со своим отрядом в 60 человек занял Коновалово, а отряд в 200 человек вышел в Акульшет. Получил задание от 5-й армии — разрушить линию железной дороги восточнее Тайшета. Все было готово, но вдруг новый приказ: ввиду перемирия с чехами отступить на 25 километров от линии железной дороги. А на другой день чехи взорвали мост, увезя с собой парламентаров. А еще на следующий день нас вызвали в Тайшет в 88-ю бригаду Смирнова при командире дивизии Грязнове. Волгин рекомендовал меня для формирования хозчасти, что я и сделал, а потом был командиром пеших разведчиков 264-го полка. На станции Иннокентьевской я встретил знакомую девушку Нину, которая сказала, что все тайшетские кулаки отираются тут, работают на железной дороге. Я и пятнадцать человек арестовали Л., а Г. убежал.

За Байкалом наша команда вела дорогу в Монголию в течение трех месяцев. Здесь меня избрали председателем контрольного совета полка. Затем Врангелевский фронт. Заняли Феодосию, а потом на Махно. Меня назначили уполномоченным от 88-й бригады по подразверстке на Украине.

Командиром 264-го полка был Кузнецов Василий Иванович, его помнит Ранет, а после Сиваша он стал командиром полка.

После войны работал в Енисейском губпродкоме, затем в заготсистеме, в течение двадцати лет был управляющим трестом и заместителем начальника управления «Хлебопродукт», директором мелькомбината. Член КПСС с 1927 года. Награды: орден Красного Знамени, орден Знак Почета, медаль за целину, значок отличника-мукомола (министерский) и значок «50 лет профсоюзной работы».

Отдельные эпизоды и замечания

- Вместе с Бичом в Канском совдепе работал сын конторского лавочника Кулеев... В партизанском движении он не участвовал, в Н-Удинске попался к красным и его выручили.

- С Баерского фронта с числе других прибыл Громов...

- Однажды в лесу в партизанском лагере было собрание.

— Я предлагаю расстрелять! — кричит Марк Москвитин (а кого — неизвестно).

Шепелявый Иван Андреевич Кочергин:

— Товарищцы, а я не...

Махотка (с Гоголевского отряда):

— Як воны нас жмалы, жмуть, та жмать будуты!

• Во время отступления из Шиткино, тайгой и заимками, как-то мы, разбившись лагерем у костра, решили побриться. У меня была бритва в футляре, и пока готовились, она выпала. Искали-искали, не нашли. А потом она оказалась сгоревшей в костре.

• Существовал после отступления конный отряд Кочергина — Маевского Федора Семеновича.

• Начальник конторской почты Ведерников и учительница Мария Рожкова сдались на милость победителя.

• Горяев Василий — хороший партизан, был в отрядах до конца. Работал в хозчасти в Кондратьево вместе со мной.

• У Кочергина Григория Филимоновича запрягалось сорок лошадей.

• Мой отец Моисей Мартимьянович хорошо играл на скрипке, а дядя, его брат — Макар Мартимьянович, на цимбалах. Когда собирались подпольщики, они своей игрой их прикрывали.

• Среди конторских крестьян были еще партизаны, не значащиеся у вас:

1) братья Егонины Павел и... (не были!),

2) два брата Бондаревы с Лавинки,

3) Соловьев Николай,

4) Соловьев Федор,

5) Сазайкин — Назаров Иван Степанович.

• Из других сел и участков:

1) Машутенко — партизан, сейчас проживает в совхозе Бородинском, в шестидесяти километрах от Канска;

2) Лисин — с Надежденского участка;

3) Шаповалов — тоже живет в Красноярске, был в Гоголевском отряде;

4) Романовский — байроновский, был арестован, но его выручил поп, который вообще нам помогал (оставлял сухари разведчикам);

5) Попов — байроновский, расстрелян румынами.

• В Бузыканово был партизан Смолин.

• В день красильниковского наступления, когда стали бомбить Бирюсу и Конторку, Яков Москвитин передает мне по телефону: «Бомбят Бирюсу, сейчас поведут на тебя наступление». А я ему отвечаю: «Бомбят меня, а поведут наступление на тебя». Так и было.

• С Тасеевского фронта к нам прибывал делегат Кайгородов (Черневский: «См. воспоминания Мамаева; а не Новгородский?». — Е. С.).

• Один из тайшетских братьев Воробьевых где-то жив.

• Когда в Конторку после отступления нашего фронта вошли каратели, они после опубликовали в своих газетах сообщение, что ими повешен командир Конторского отряда Игнатий Козлов, т.е. я.

• Зимой 1919—1920 гг. я был в составе 2-го партизанского отряда П. Криволуцкого, в качестве командира взвода был делегатом на съезде в Бузыканово 21—29.XII. 1919 г.

• До революции я служил в 334-м полку 16-й дивизии 12-й армии, стоявшей в Ольмере (?) под Ленинградом (Петроград). Подпольный революционный комитет полка бросил лозунг: «Ни одного солдата в Петрограде!» — на подавление революции. Тогда часть, в т.ч. и меня, перебросили в Подольск, под Москву, а оттуда по домам.

- Кондратьевский поп эвакуировался на сорока подводах.
- Конторским попом был отец Василий.

**Из беседы 22 и 23 июня 1966 года
при встрече по поводу открытия памятника
на братской могиле в селе Нижняя Заимка**

• Рассказывая о случае, когда в Шалаево стал действовать самочинно какой-то отряд и этот вопрос обсуждали на собрании отрядов, Марк Москвитин (с такой жандармской бородкой) сказал: «Товарищи! Их надо расстрелять. Я кончил». После него Иван Андреевич Кочергин: «Сто он говорит? Вы послушайте его. Нет! Я предлагаю арестовать, судить, а потом расстрелять. Все. Я кончил». — «Кого расстрелять? Мар Мироныча, что ли?» — «Зацем Мал Милоныча? Тех, пло кого он говолил, конесно». Махотка: «Та шо там богато болакаты. Як воны нас жмалы, жмуть и жматы будуть. Я тоже закончил!»

- Козлов ездил в разведку с Шиткино до моста, не доезжая Коновалово.
- У Лачина была военная пограничная фуражка, т.к. он служил в 30-й пограничной дружине когда-то.
- При соединении с Красной армией комбригом 88-й, по словам И. М. Козлова, был не Грязнов, а Смирнов, а Грязнов уже командовал дивизией, хотя официально был назначен начдивом лишь в Иркутске!
- И. М. Козлова оставили в Тайшете для организации снабжения продовольствием, и позже он нагнал Красную армию в Алзамае.

**Автобиография, написанная И. М. Козловым
16 августа 1952 года
и присланная в Бирюсинский детский дом,
в изложении А. Ю. Черневского**

Родился в 1892 году (?) 27 ноября в селе Черствята Лепельского уезда Витебской губернии, когда отец работал уже в Петербурге рабочим, но в 1899 -м был уволен за участие в забастовке, приехал, а потом переселился в Сибирь, в Томскую губернию, Каинского уезда, Убинской волости, деревня Херсонская, где занялся крестьянством.

Игнат учился грамоте у ссыльнопоселенца три зимы. В 1909 году стал рабочим у купца Лебедева (приемщик молока на маслозаводе). В 1911 году переезжает в Конторку Енисейской губернии. Устраивается рабочим на станцию Тайшет Томской железной дороги, а с 1911-го по май 1912 года — на станции Байроновка, рабочий на лесозаготовке у подрядчика Карфогенского. За требование улучшения условий и повышения заработка подрядчик уволил его, с мая по сентябрь работает в Тайшете у артельщика Зайцева на укладке железнодорожных тупиков, затем на разъезде Суетиha линейным рабочим — до

1914 года. В июле 1914 году, как ратника ополчения, призвали в армию, в 30-ю дружину пограничной охраны КВ...О. (Черневский: «Неразборчиво». — Е. С.).

В дни февральской революции 1917 года — председатель ротного комитета. В мае батальон отправляют на фронт в Ригу, в 12-ю армию, 16-ю стрелковую дивизию, 334-й полк, 1-я рота. Он командир взвода, старший унтер-офицер. После сдачи Риги 12-я армия расположилась на отдых в городе Вольмар (ныне Валмиера, Латвия. — Е. С.), в Юрьев день (23 апреля, или 6 мая по старому стилю. — Е. С.). В октябре при перевыборах в полковой комитет избран членом комитета (большевиков стало больше, чем эсеров и меньшевиков) и был одновременно членом нелегального военно-революционного комитета в полку.

25 октября узнали о вооруженном восстании в Петрограде и 26 октября официально оповестили об этом полк и части 12-й армии, а также о том, что в армии, по примеру Петрограда, создан ВРК. Призыв: «Ни один солдат не выступит против Красного Петрограда!» Вел пропаганду среди солдат армии и гарнизона Вольмара за власть Советов. А... в тылу 12-й армии, в городе Валка, занял противоположную, враждебную позицию. Но в Валку вступили 6-й и 7-й латышские полки, и руководство 12-й армии перешло в руки большевиков. Делегат чрезвычайного съезда 12-й армии, который состоялся 14—15 ноября.

В апреле 1918 года демобилизовался и прибыл домой. (Черневский: «Следует пространная демагогия о его роли в создании подполья и т.д. По его словам, всеми отрядами за зимнюю кампанию «пяти месяцев», фактически же два месяца, спущено под откос якобы 45 поездов, взорвано 10 мостов, сожжено 2 станции, произведено 10 взрывов пути». — Е. С.)

Дошел до Селенги. В сентябре 1920-го 30-я дивизия направлена на Врангелевский фронт. Он председатель контрольного совета 264-го полка. Затем уполномоченный 88-й бригады по подразверстке на Украине при ликвидации банды Махно.

В 1921 году поехал в отпуск с женой, которая в пути заболела тифом. С 1921-го по 1931 год работал в Тайшете в районном продовольственном комитете (заведующий пунктом ссыпки зерна) и заведующим мельницей, в Электротовариществе, организует строительство клуба, кинотеатра. В 1931—1933 гг. возглавляет предприятие сельскохозяйственного снабжения и районного снабжения, межрайонную контору треста мукомольно-крупяных предприятий. В 1934 году — председатель районного комитета Рабоче-крестьянской инспекции. С 1934-го по 195... год работает в Красноярске на ответственных должностях на мукомольных предприятиях, комбинатах, в трестах и главках.

Об Иване Козлове, 1897 г.р. Во время империалистической войны служил в Одессе на судне «Алмаз». Вступил в РКП(б) в 1917 году. Подполье: Иван, Игнат, Василий Малышев, Гавриил... Ильин, Евдоким Лазаревич Власов, Насонов. Подпольщики — в спальней, а в другой половине [дома] под скрипку Моисея и цимбалы Макара (дядя партизан) — танцы. Был в подрывной команде. После прихода Красной армии участвовал в ликвидации банд, а потом работал в охране на железной дороге. В 1925 году, работая в транспортном отделе Государственного политического управления (ОГПУ), был парализован, и 15 лет лежал пластом. Умер 9 августа 1940 года в больнице в Иркутске, где и похоронен.

ЕКАТЕРИНА СЕРГЕЕВНА БУРЛОВА

Родилась в 1913 году, дочь партизана-кавалериста, командира кавалерийского отряда Сергея Ананьевича Бурлова, погибшего в 1920 году; ныне работница сортировки почты ЖДО (г. Тайшет, ул. Старо-Базарная, 4, ЖДО). Беседа состоялась 26 июля 1960 года

В изложении А. Ю. Черневского

В квартире Бурловой на стене висит большой фотопортрет, увеличенный, человека лет тридцати — тридцати пяти, очень красивого, в шинели с погонами, но без знаков различия, в папахе на бок (слева), очевидно в серой, мерлушковой. Лицо чистое, выбритое. Короткие усики «по-офицерски».

— Вот мой отец, — говорит собеседница.

Она туговата на правое ухо, и мне приходится кричать, чтобы сговориться с ней.

— Хотя мне было всего шесть лет, я кое-что сохранила в своей детской памяти, а многое знаю из рассказов мамы, Лукерьи Ефимовны, урожденной Ковалевой — Яковлевой, а также дедушки Анания.

Помню, что они собирались в нашем доме: мой отец, дядя Николай, дядя Тарас (брат мамы) и другие. Когда во всех избах зажигался свет, у нас в эти дни оставалось темно, и укладывались спать раньше, а нас у тети было пять (шесть? — Е. С.) сестреноч:

- 1) Августа (кажется, тогда она уже умерла),
- 2) Наталья (живет сейчас в Тайшете, Победы, 119),
- 3) я,
- 4) Анисья (или Онся, или Нина), Заводская, 63,
- 5) Евдокия — умерла позже,
- 6) Александра (жива, деревня Сталино).

Позже, в конце 1919 года, у нас родился братик, которого назвали по имени отца — Сергей. Отец в это время был в районе Шиткино, в тайге, в партизанских отрядах (брат Сережа умер в возрасте 21 год). Мы жили на Заэтапной, дом: кухня и горница. В горнице и собирались. Для отвода глаз приносили с собой богомольные книги. Их обычно приносил вместе с другими бумагами дядя Николай (Николай Ананьевич Бурлов).

Дядя Тарас, брат мамы, шикает на нас: «А ну, все спать». «Дядя Тарас, а что это у вас книжки, какие?» — спрашивали мы. «Богомольные. Будем бога молить, чтобы тятя вашему коня дал». — «И мы тоже будем. Тогда и Наталья с тятей будет, как Гринька да Марушка».

У дяди Николая была жена, маленькая такая, звали ее Зоя Павловна.

Показывает фото, на котором Николай Бурлов, невысокий, среднего роста, с окладистой «капитанской» бородой, волосы запросто, без прически, почти остриженные, черный пиджак и брюки. Рядом маленькая женщина в

старомодном платье, сидит на стуле. Волосы с пробором, косы уложены на голове, без буклей. Кофта с широкими рукавами в плечах (буфами), а запястья узкие. Двое детей — мальчик и девочка, почти близнецы. Екатерина Сергеевна поясняет: мальчика зовут тоже Сергей, 1911 г.р., он живет сейчас в г. Ленинск-Кузнецк, девочку — Антонина, 1913 г.р., живет в г. Каспаш Молотовской области.

— Был у нас предатель, Трофим толстопузый, мы его звали Трошка-пузатый. Он приставал к нам, выпытывал, грозился. «Вот скажу тятю, пускай он ему пузо шашкой проткнет», — говорила я.

Помню, во время бомбежки убило жену дяди Виктора, брата мамы (Виктор Ефимович Яковлев, по-уличному, Ковалев). Они месяца три как поженились (на новый год). Они эвакуировались, все уже было сложено на сани, но Маруша (девичья фамилия Оздобихина) побежала в избу собрать белье, ей хотелось отнести его мужу на пост. В это время бомба прошла в угол дома и не разорвалась, пронзила ее, а потом уткнулась в другой угол. Ее привезли к нам в Синякино¹ уже мертвой, с перевязанной черным фартуком огромной раной, из которой сочилась кровь. Фартук был бабки Бурловой.

В зиму 1920 года стали возвращаться на пепелище. Моя мать Лукерья Ефимовна с помощью свекра (моего дедушки Анания) и других построила избу на четырех столбах, а в первый день Рождества, когда рано утром стол уже убрали по-праздничному, приехал отец с дядей Тарасом. Сели, выпили самогона и хотели завтракать, как вдруг прибегает соседский мальчик Вася и кричит под окном: «Дядя Сережа, бегите, белые в деревню пришли!» (Черневский: «7 января по новому стилю». — Е. С.).

Отец и Тарас Ковалев вскочили. «Ну, расти, большевик!» — сказал отец, поцеловав трехмесячного сынишку. Он привез ему и нам орехов «от лисички», расшитые бисером унты да чунарскую пельшку. Больше мы и мама не видели отца.

В 1921 году дядя Коля (Николай Бурлов) прислал письмо: «Луша, пишу это письмо, а строк не вижу. Не знаю, как читать будешь. Сережа погиб смертью храбрых. Ты не *огорчайся* (выделенное курсивом зачеркнуто. — Е. С.), не кручинься, стерпи. Мы все отомстим за него, за его детей. Клянемся тебе». Мама долго плакала и причитала, упав на стол.

Меня и Анисью отдали в приют, после меня взяли на воспитание кулаки из деревни Болдовка, но я от них вскоре убежала, вступила в комсомол. Потом неудачная жизнь с мужем, который бросил меня, когда я лежала в родильном отделении. Родилась дочь, я ее вырастила и воспитала; советская власть, завоеванная моим отцом, дала ей образование. Она окончила сельскохозяйственный институт и работает агрономом.

Из рассказов мамы я знаю многое из жизни нашей деревни Бирюса. Был у нас кулак-мельник (водяная мельница) Пат Нефедович Пашков, имел

---

¹ Синякино, заимка села Лавинское. По данным на 1917 год, 21 хозяйство (19 старожильческих, 3 переселенческих) 119 жителей (58 муж. и 61 жен. пола).

325 ульев, двух прислуг и восемь постоянных работников да человек пятнадцать поденщиков. Старшая дочь его Варвара — «лесная королева», всегда сама была с работниками. Все луга, все пашни были у нее на учете. Хозяйка добрая и с людьми ласковая.

Хозяин работников рассчитывает по осени, дрожит, чтобы лишний фунт зерна не передать, кормил кашей да простоквашей. Иногда, чтобы не платить, придерется и выгонит. Варвара однажды сговорила старого работника, гнувшего на них спину двенадцать лет, Гавриилу Кузьмича, и зарезали барашка для работников. Гаврила Кузьмич произвел мясо в порядок, а шкуру унес и спрятал в колке². Продукты привозили на пашню то младшая дочь Устя, то старый хромой кучер Никита Калистратович.

На Пасху Устя с подружкой Софой и другими пошла светить пасху в Конторку, оставили все у тетки Марфы Рыженчихи, а сами смотрели картину. Утром, когда все стали расходиться из церкви, они забрали куличи и яйца, якобы освещенные, у Рыжинчихи и пошли домой. В своей деревне выскочила Федосеиха и попросила обменять яичко. Девушки переглянулись, но дали. Пусть кладет на божничку! Варя боялась греха, но Устя ей возразила: «А то не грех, что твой да мой отец людей всю жизнь обманывают?»

Дома стали разговляться. Стол богато убран всякой съедобностью. Все уселись за стол в нарядных платьях. Отец скомандовал: «Встать!» — и мать зажгла свечу в лампадке. Пат читал молитву, и все повторяли за ним. Потом перекрестились и сели за стол. Стали разговляться «свяченым». Пат разрешил просвирку, которую не забыла купить Устя, и всем дал по кусочку, потом по свяченому яйцу, по кусочку пасхи и окороку. Налил настоящей на вишне (?) водки по стопочке. «Устала ты, поди, моя доченька, всю ночь стоячи на ногах да на коленях?» — спросила мать.

После завтрака молодежь пошла на качели, а старшие стали щелкать орехи. Варя отнесла полную корзину съедобности в зимовье, где жили батраки, и все это передали Гавриле Кузьмичу, да еще две бутылки настойки. У Пата работал и дядя Тарас.

Был еще соглядатай, сельский писарь Аким Нилыч Зарезин с женой Сеikleшей. Когда собирались подпольщики, выставляли караульного. Если шел свой, он (соглядатай? — Е. С.) пел первые две строчки песенки: «Соловей, соловей, пташечка, канареечка жалобно поет...» Караульный подхватывал две вторые строчки песни, — значит, опасности нет и можно заходить.

Богатая знать, даже из Тайшета, собиралась у владельца кожевенного завода Евлампия Назаровича (жена Аннушка).

Мой отец был младше Николая Бурлова.

Письмо Е. С. Бурловой А. Ю. Черневскому, 21 февраля 1988 года:
«Здравствуйте тов. Черневский?! (простите, не знаю вашего имени-отчества). Прошу вашего внимания к моей просьбе: давно ищущу книгу «Шиткинские партизаны»

²Колок — небольшой лес, обычно в поле, в степи, среди пашни, болота.

и не могу найти. Прошу вашей помощи, укажите, пожалуйста, где ее можно купить, я ее не читала и даже не видела, но мне мама говорила о ней, и я вот хотела приобрести, а нигде ее нет в продаже... Вот решила обратиться к вам в надежде, что вы мне поможете и возможно еще какие-нибудь статейки о нашем отце Сергее Ананьевиче Бурловом. Если у вас имеется лишний экземпляр, пошлите мне, пожалуйста, хоть бандеролькой. Я вам все расходы уплачу, будьте добры, не откажите в моей просьбе, с уважением к вам Е. С. Бурлова — дочь Сергея Ананьевича Бурлова, и не знаю вашего адреса, пишу наугад в надежде на добрых людей, что вручат вам это мое письмо».

Письмо А. Ю. Черневского Е. С. Бурловой: «Мы с Вами впервые встречались и беседовали — страшно сказать — 28 лет назад, 26 июля 1960 года, в Тайшете, на ул. Старо-Базарной, 4. Тогда Вы работали на сортировке почты на железной дороге. Потом, в том же 1960 году, 2 сентября я встретился с Вашей мамой Лукерьей Ефимовной, у нее-то я перефотографировал портрет Вашего отца, который и был опубликован в моем очерке «Годы в седле и рубке» десять лет назад. Этот очерк, как Вы сказали, у вас есть. Больше о Вашем отце я ничего специально не писал.

И вот я получил Ваше письмо. Оно долго искало меня, т.к. очень сумбурно был указан адрес. Но все-таки дошло. А вслед за ним ко мне заявила целая толпа школьников-краеведов из города Шелехов под Иркутском, человек пятнадцать. Они только что побывали у Вас. Но мало интересовались Сергеем Ананьевичем, а главным образом Н. А. Бурловым. Я занимался с ними три дня: 23—30 марта.

Теперь по существу Вашего письма. Вы спрашиваете, где можно купить книгу «Шиткинские партизаны». Нигде. Эта книга, написанная одним из организаторов и командиров Шиткинского фронта П. Д. Кривоуцким, вышла в Иркутске в 1934—35 гг. мизерным тиражом в 3.000 экземпляров и с тех пор не переиздавалась, стала библиографической редкостью. У партизан она была. Но в годы культа личности, когда многих партизан объявили врагами народа и стали бросать в тюрьмы и лагеря, те, у кого была еще эта книга, поспешили ее сжечь. Осталась она в единичных экземплярах только у некоторых, далеко не во всех библиотеках. Кстати, я нашел ее в Иркутской библиотеке имени Молчанова-Сибирского, получил по межгородскому абонементу и полностью, от строчки до строчки, перепечатал на своей пишущей машинке.

Должен сказать Вам, что о Вашем отце в этой книге очень и очень мало. Лишь отдельные упоминания. На страницах 57, 177, 201. Все, что там сказано о С. А. Бурлове, я использовал в очерке «Годы в седле и рубке». И ничего нового Вы там не найдете, да и искать эту книгу Вам нет уже смысла. По указанным страницам видно, что С. А. Бурлов был командиром эскадрона, а затем командиром кавалерии Шиткинского фронта, делегатом партизанского съезда, состоявшегося в д. Бузыканово с 21 по 29 декабря 1919 года. Как раз на этом съезде Сергей Ананьевич запросился к брату на Ангару, о чем я писал в своем очерке (а не «статейке», как Вы говорите) «Годы в седле и рубке». Но встретились они лишь в марте 1920 года в Иркутске, когда шиткинские

партизаны стояли на «Звездочке». Очевидцы рассказывали мне, что Николай Ананьевич, узнав о прибытии шиткинцев в Иркутск, приехал из-под Читы в кошеве (и они это видели воочию) повидать брата и товарищей по оружию, уговорил и увез Сергея к себе, навстречу смерти. Не прошло и месяца, как Сергей Ананьевич погиб.

В своем очерке я не полностью привел рапорт Н. А. Бурлова. Там есть и такие строки: «Ходатайствую о выдаче жене Сергея Лукерье Ефимовне Бурловой с детьми усиленного гражданского пайка». Этот документ (рапорт) хранится в партархиве Иркутской области, фонд 300, опись 1, дело 514, лист 46. Вы можете при желании ознакомиться с ним, хотя я все изложил точно.

Справка. Село Беклемишево, где погиб Сергей Ананьевич, находится в 60—70 верстах северо-западнее Читы. В те дни, когда Николай «забрал» Сергея, отряд Н. А. Бурлова действовал под Читой в составе войск Дальне-Восточной республики на правах отдельного отряда. Но вскоре (в дни боев) отряд Бурлова вошел в состав только что сформированной 1-й Иркутской дивизии и был переименован в полк. Вот почему рапорт был адресован начальнику Иркутской стрелковой дивизии. В дни боев и гибели Вашего отца в Забайкалье действовало 35 тысяч семеновцев и каппелевских войск, 5-я японская пехотная дивизия с кавалерией и артиллерией.

Ну, вот и все, что я могу Вам сообщить.

Но, уважаемая Екатерина Сергеевна! И у меня есть небольшая просьба. В материалах шелеховской группы школьников я увидел совершенно новое для меня фото Вашего отца, которое Вы им подарили. Это не тот анфас, какой я видел висящим на стене у Вас и Лукерьи Ефимовны, а полупрофиль — самый красивый и впечатлительный. Очень прошу Вас прислать мне фото. Уверяю Вас, оно сыграет свою роль. Очень и очень прошу в знак нашей дружбы. Жду!

Я не знаю день Вашего рождения, но знаю год — 1913-й. Поэтому позвольте поздравить Вас со славным 75-летием. 20.IV. А. Черневский».

ГЕОРГИЙ ЛАЗАРЕВИЧ МИХАЙЛОВ

Родился в 1897 году.

Партизан, партизанское имя Георгий Иванович Сидоров.

Бывший житель села Конторка, ныне пенсионер,

проживает в поселке Урало-Ключи¹.

Беседа состоялась во вторник 23 августа 1960 года

» **Г. Л. Михайлов:** Белогвардейский переворот застал меня в Харбине, где я служил в воинских частях. Наша часть под командованием *ст. унтер-офицера* (выделенное курсивом зачеркнуто, — Е. С.) прапорщика Рютина принимала участие в восстании против Хорвата (пытались его арестовать), и за это ее целиком погрузили в вагоны и направили на запад — куда и зачем, мы не знали. Рютин еще в Харбине скрылся. Наш эшелон в закрытых вагонах до станции Маньчжурия сопровождали китайские войска. Со станции Маньчжурия ехали свободно, а на 55-й версте под Читой попали к семеновцам.

В Чите нас высадили, посадили всех под арест в здании духовной семинарии и несколько дней не давали есть. Держали под строгой охраной. Ночами стали выводить небольшие партии, которые не возвращались. Их уводили под усиленным конвоем, и мы поняли, что на расстрел. У меня в Чите работал брат Андрей Григорьев, работал в депо, ездил до Харбина, привозил спирт. Я уговорил одного охранника отнести брату записку или зайти сказать, чтобы он принес мне поесть. Брат занимался контрабандной торговлей водкой, спиртом и самогоном и имел большие связи с военными.

Он приехал, уговорил начальника «тюрьмы» и меня увез на фэзтоне к себе, передел в гражданское (перед помещением в арестный дом семеновцы сняли с нас все хорошее воинское обмундирование и одели в старье), отдал свой паспорт, и я с ним благополучно добрался до Конторки уже по снегу. От Гаврилы Никаноровича Кочергина узнал, что в Конторке уже действуют фронтовики, но они еще скрываются по заимкам и что надо опасаться старосты Лубнина Абрама Захаровича, и предложил мне уйти в верховья Бирюсы, где можно укрыться под видом рабочих оселочного² завода, в 100 верстах выше Туманшета. У его дяди Капитона Спиридоновича Кочергина мы купили кобылицу чалку³ и ночью отправились за пороги. Поехали я, Гаврила

¹ Поселок Урало-Ключи в советские годы, деревня Урал с 1911 года. По данным на 1917 год, 18 хозяйств, 111 жителей (61 муж. и 50 жен. пола).

² Оселок (водный камень) — брусок из мелкозернистого абразивного материала, применяемый для доводки вручную поверхностей и режущих кромок инструментов (резцов, пил, ножниц, бритв, ножей, кос и т.п.) после заточки.

³ Чалая масть — редкое явление. Раньше кони чалой масти стояли на Руси в шесть-семь раз дороже, а преподнести такого коня в дар считалось проявлением глубочайшего уважения. Чалой называют масть с обилием белых волос на туловище. Чаще всего голова и конечности сохраняют основной окрас, но есть и исключения.

Никанорович, Сидоров Алексей Степанович, мой друг Мишка Павленкович с отцом Устином, все конторские, и еловский Попов, но не Гавриил, а другой, и Пузанов из Тайшета.

На чалке торили дорогу, а за нами шел обоз. Через некоторое время, по прибытии в верховья, послали на связь в Конторку Алексея Сидорова узнать, в чем дело. Он ходил несколько раз, а потом пришел и говорит, что там поднялись, надо идти в Конторку. Но прибыли мы в Конторку только к Пасхе, еще на санях, но уже распускало, уже после боя с красильниковцами. Прибыли все, кроме Кочергина и Пузанова, но с нами были еще и не конторские, кто — не помню, всего пятнадцать человек. Меня зачислили в конторский конный отряд Ивана Козлова. Первая операция, в которой я участвовал, это обстрел белогвардейского эшелона между Суетихой и Юртами на Венгерке. Тогда убили возчика, конторского паренька Шурку Леонова. Потом ходил на диверсии к линии железной дороги и в засады между станцией Юртами и разъездом Точильным.

Помню такой эпизод: в детстве, когда учился в школе, со мной учились и были моими друзьями Луценко Иван Васильевич, сын ссыльного, отец его был путевым обходчиком на болоте между Венгеркой и Юртами, за Еловским переездом, ближе к Юртам, и жил в будке; Кислов Алексей, сын дорожного мастера на станции Суетиха. Учителями у нас были ссыльные Клавдия Ивановна и Яков Михайлович. Они нет-нет да и намекают, что царь не отец народу. Однажды мы в классе, где висел портрет царя в рамке, заспорили, кто смелый и кто решится порвать портрет царя. Луценко и Кислов похвалились, а побоялись. А я сдуру снял портрет и проткнул его. Кто-то сразу с перепугу побежал и сказал учительнице, прибежала Клавдия Ивановна, вся бледная, стала меня ругать, а потом всех учеников распустила, а меня оставила, будто в наказание, а сама велела мне растопить печь, натаскала разных книг, тетрадей и велела все это сжечь, вместе с рамкой и порванным портретом царя. Наверное, там были какие-то запрещенные книги. Приехал инспектор училищ из Канска, выгнали меня из школы, и учиться мне больше не пришлось. Кислов окончил в Бирюсе двухклассное министерское училище для богатых, которое открылось перед 1-й империалистической войной, а потом Иркутскую школу прапорщиков. И в годы колчаковщины был белым офицером в Канске. Отец в 1919 году жил с ним в Канске. Алексей Кислов участвовал в походе против тасеевцев и был убит партизанами. Иван Луценко в 1914 году был призван в армию и тоже окончил школу прапорщиков, а потом стал поручиком и тоже служил в Канске у белых (Черневский: «А не хорунжий?» — Е. С.).

Мы подсылали людей к Кислову и Луценко, как к своим землякам и бывшим товарищам, писали записки с предложением перейти к нам, но они, вместо этого, приводили отряды (но это еще до восстания). Луценко часто приезжал к отцу, иногда даже остановит поезд, сойдет с несколькими белогвардейцами, забежит к отцу, а поезд ждет, стоит. Мы об этом знали, и когда после последнего предупреждения он не подошел к нам, устроили засаду ему у будки отца. В этой засаде был я, Степан Рукосуев (конторский), и, когда он вышел из будки, мы выстрелили и попали ему в правый глаз. Его товарищи (белые) подхватили его — и в вагон.

В день майского наступления белочехов, то есть накануне, я всю ночь прогулял с девчатами и со своей ухажеркой Марией Васильевной Корчагиной, дочерью ссыльнопоселенца из Вологодской губернии, и крепко заснул под утро в доме Николая Федосеева, где находился наш взвод (караульный). Вдруг его мать кричит: «Гошка, чехи идут!»

Я вскочил — и на коня, чехов еще не было, но в селе паника, эвакуация. Прискакал к конторскому кладбищу. Там Игнат Козлов. Зашли на камень, на мне белая рубашка, обменялся с товарищем, у которого были две, и обе черные. (Гошка Лазарев стаскивал с себя белую рубашку, служившую хорошей мишенью.) Когда стали отходить от кладбища, на речке Мамаевке, что за горой, попали под сильный огонь чехов, но проскочили, только ранило в ногу одного партизана... (Черневский: «Сучкова Савелия Фроловича? Нет?» — Е. С.). Я подхватил его и тащил на себе, ведя коней за поводья на гору, он вскрикнул от боли, чехи заметили нас и дали залп, мне пробило носок сапога, но ногу не задело. Я скрылся с раненым и конями в лощине.

Был при отступлении ранен также Сучков... но укрылся между баней и стайкой в ограде Ильина Флегонта. Мы отступили через Соломинку, Коновалово и Синякино на Нижнюю Заимку.

Когда стояли в Нижней Заимке, Игнат Козлов пошел на разведку и привел пленных, в т.ч. Павла Игнашева, который потом был в партизанах. У нас было много убитых, которым надо было рыть могилы, и Николай Федосеев, работавший при хозчасти отряда, обращаясь к пленным, сказал: «Будете сами себе рыть могилу». Копают — и дрожат, а когда кончили, он говорит: «Выдать им продукты».

Из Шиткино я попал в отряд, отправившийся по Неванскому тракту. Помню, в этом отряде были Долгих Михаил (Федосеев), хороший партизан, Масленников Алексей, Козлов Иван, Бурлов Сергей, я, Золотухин Алексей. Других не помню.

Не доходя до Мохначей, т.е. еще не выйдя к Чуне, получили приказ устроить засаду у Бунбуйского моста и дожидались врага. Но стояли здесь недели две, а врага не было. Голодовали. Снялись и вошли в Мохначи. Здесь сплотили плоты и поплыли до Выдрино (Савино) на четырех-пяти плотях. От Мохначей до Выдрино (Савино) верст 45 плыли один день. Коней гнали гонком несколько верховых — кто, не помню. В Выдрино никого нет. Вдруг к вечеру подходит отряд Москвитина с Ангары. Нас, пришедших с Неванки, перебросили на другой берег в деревню Березово, а отряд Москвитина остался в Выдрино.

Там нас построили и объявляют: «Кто хочет идти в бой, выходи!». В числе других вышел и я. Из остальных хорошо помню Золотухина Алексея, Проскурякова Пимена, Маруську, Буйлина Петра (мордвин, сын тайшетского стрелочника, глуховат, очень плохо говорил по-русски, партизанская фамилия его Барсуков, а Буйлин — настоящая), Прокопьев Федор (заядлый картежник, любил резаться в очко и с чунарями в «забаранку» — три карты, азартная игра), Савристова Никиту, Серебрякова Дмитрия, Пантюхи и Громова. Других не помню.

А. Ю. Черневский: Бурнашов Алексей Ефимович еще из деревни Енисейки.

Г. Л. Михайлов: Был с нами, но сразу ли пошел или присоединился позже, не помню.

А. Ю. Черневский: Дорожный Иван?

Г. Л. Михайлов: Нет, это из отряда Зверева, был в нашем кавалерийском отряде уже после соединения с Зверевым. Это я абсолютно точно знаю.

А. Ю. Черневский: Верхотуровы Василий и Тимофей?

Г. Л. Михайлов: Нет, они присоединились к нам на Ангаре из отряда Яна Пепула (Черневский: «Точно!». — Е. С.).

А. Ю. Черневский: Акимов из железнодорожного батальона, Андрей?

Г. Л. Михайлов: Этот был сразу, верно.

А. Ю. Черневский: Больше никого не вспомните?

Г. Л. Михайлов: Нет, не вспомню.

А. Ю. Черневский: Но тогда опять не хватает двоих, если даже считать Бурнашова, в котором вы не уверены, и Маруську, которого Золотухин называет присоединившимся позже.

Г. Л. Михайлов: Маруська шиткинский и пошел с нами сразу. Это я помню абсолютно точно.

А. Ю. Черневский: Ну, хорошо, слушаю вас дальше.

Г. Л. Михайлов: С Березово на конях тайгой прошли до Червянки 90 верст («110 верст» — исправлено Черневским. — Е. С.), но по хорошей дороге. От Червянки до Дворца — 86 верст волоком (старый тракт) по совершенно безлюдному месту. Во Дворце стоял отряд Яна Пепула (Черневский: «Отряд Яна Пепула уже слился с отрядом Антонова и стал называться отрядом Баженова, а Пепул его зам. См. док. от 15.VII. 1919 г.». — Е. С.). Оттуда в реку Кова на лодках волоком с бурлаками — тянули берестяными ремнями через плечо, в т.ч. женщины, а мы, бурловцы, вершию. Из Ковы в Алешкино, через сутки в Заимку. В Заимке из Кежмы пришли сведения об отряде особого назначения. Бурлов вызвал меня и Ивана Горяква (который был в отряд Пепула или раньше в отряде К. Москвитина) и говорит: «Вот, Сидоров, поедете в Кежму с разведкой, возьмите еще десять человек. Идите березняком, подъезжайте к селу незаметно, не идите прямо в село, а к кузнице, к братьям Привалихиным, они свои, связные. И через них все разведайте».

Поехали верхами до Оплинского порога. С нами был партизан из отряда Яна Пепула — Карл и один учитель. Остальных не помню. Перевалили порог по скалам (Черневский: «Оплинский порог в четырех-пяти верстах от Кежмы, то есть не доезжая. Нет, это Етранчикова гора! — Е. С.). К Кежме подошли на рассвете при густом тумане. Едем без дозора прямо в деревню, нарушив приказ. На краю деревни стоит новый сруб с наполовину выведенными оконными проемами. Вдруг оттуда залп. Карл, пораженный в грудь, упал с коня. Мы только собирались дать ответный огонь, как оттуда выскочили солдаты и машут нам рукой, чтобы мы уходили к лесу: «Скоро мы перейдем к вам, а это стрелял поповский сынок, сын иркутского попа».

Под учителем, который был старшим в разведке, ранило лошадь. Мы через хлеба ускакали обратно в Заимку и доложили обо всем Бурлову. (Черневский: «По документам, отряд стоял в Заимке долго, почти месяц, с 18 июля по 20 августа». — Е. С.).

Прапорщик Рубцов, получив сведения, что бурловцы вошли в Заимку, поспешно бежал из Кежмы через Мозговую до Паново и ушел на Илим, но на смену ему пришел отряд особого назначения капитана Мамаева и поручика Загуменного. Разведка была послана Бурловым 26 июля из шести конных и пяти пеших. Разведка, не обнаружив постов неприятеля, решила следовать прямо в Кежму. Когда первые два дозора въехали в селение, они были обстреляны секретом, и под одним разведчиком упала лошадь, послышались стоны. Остальные вернулись, судьба двух дозоров неизвестна, три лошади убито — это было уже после получения сведений о переходе отряда в 120 человек (т.е. Мамаева) (выделенное курсивом зачеркнуто Черневским. — Е. С.).

Вскоре Бурлов объявил, что идет на Кежму. Опять доехали до *Оплинского порога* (выделенное курсивом зачеркнуто Черневским. — Е. С.) (у Итранькиной горы), стало рассветать. Заночевали, пообедали, легли спать, выставив посты. Рядом лежит Золотухин с новой карабинкой (?), между нами седла. Снится мне охота на уток, будто положил я ружье на плечо Никитину и стреляю. Вдруг просыпаюсь от голосов. «Ну-ка, подплывай», — говорит часовой. Подплыли на лодке двое с пакетами (Черневский: «См. воспоминания Золотухина!». — Е. С.).

Редковский и Брум поехали с солдатами в Кежму. Прошли Кежму. Заняли одну улицу в селе Синяево, выше Кежмы. Соединились с Зверевым (из отряда Загуменного).

О втором взводе, под командой Мамаева, рассказывают так: Мамаев узнал о восстании во взводе Загуменного и решил бежать со своим отрядом вверх. Но там в это время шел с Братска какой-то отряд наших шиткинских партизан (*Смолин Иван*) (выделенное курсивом зачеркнуто Черневским и написано: «Нет!» — Е. С.). И слух об этом дошел до отряда Мамаева. Один из командиров взвода в отряде Мамаева, Шмелев, решил воспользоваться этим.

Мамаев, помывшись в бане, отдыхал в горнице, лежа во френче. Шмелев с группой товарищей вошел. «Ты что, Шмелев?» «А вот что!» — он выхватил наган и выстрелил в него. Мамаев тоже успел схватиться за наган, но Шмелев опередил. Но Мамаев был только тяжело ранен и, выпустив из ослабевших рук наган, произнес: «Ну... что ж... сволочь... не мучь, добей... красный гад...». Шмелев дал второй выстрел.

Обыскали и во френче Мамаева нашли записку старосты из деревни Паново, который сообщал, что Загуменный убит и отряд перешел к красным. Под вечер в Синяево приплыли и шмелевцы («???» — Черневский. — Е. С.).

На Илим пошли, чтобы разгромить ушедшего туда Рубцова, и, зная настроение илимских крестьян, надеялись организовать там сильный отряд, что так и оказалось. Илимские крестьяне шли с оружием целыми отрядами, приходилось силой заставлять часть остаться — убирать хлеб. Если шли два брата, одного брали, другого оставляли, ибо кончилась сеноуборка и началась жатва.

В поселке Нижне-Илимске зашли в двухэтажный дом заводчика и купца Чернова, где жила старуха, родственница заводчика. Стряпуха Катя по секрету сообщила, что у старухи есть большой слиток золота. Старуха отрицала, божилась. Дали ей срок. Она заставила работника перепрятать золото из

амбара во двор, чтобы в окно видеть, как бы кто не выкопал. Но повариха указала место, и мы достали золотой слиток весом в одиннадцать килограммов.

В деревне Черемухене (Черемное) я, стоя на посту, чистил наган и нечаянно прострелил себе левую кисть, и меня положили в госпиталь в Нижне-Илимске, что был в черновских домах. Здесь был оставлен небольшой гарнизон во главе с Дрожженко (из отряда Яна Пепула). Он взял у Черновых мешок изюма, а я «похитил» его для госпиталя, а потом «пригласил» его на компот.

Вылечившись, я остался в этом гарнизоне, который имел небольшие стычки с мелкими белокулачниками, бандами (кулака Гришки из Б-Деревни, которого мы ликвидировали, у деревни Погодаево тоже ликвидировали и захватили главаря банды и местного кулака-вдохновителя; между Черемной и Нижне-Илимском Гришку и этих двух ликвидировали). Когда Зверев уже соединился с Каландарашвили, меня назначили помощником командира в деревню Енды к Николаю Погодаеву. Мы получили приказ привезти кожи из Нижне-Илимска и организовать мастерские по пошиву ичигов⁴. Потом получаем сообщение, что через Братск идет Морской полк им. Колчака и чтобы мы уходили. Но мы остались. Нас было всего трое: Погодаев, я и солдат Васька. (Зверев был уже в Иркутске.) Белые приехали в Большую Мамырь, мобилизовали крестьян и заставили их торить дорогу на Баргузин. Отряд разделился: одни пошли на Баргузин, другие — на Нижне-Илимск. Приезжают их квартирьеры, а потом, вечером, входят обозы. Мы сидим в своем «штабе». Смотрим в окошко. Подходят трое, стучатся. «Заходите». — «Здравствуйте», — говорит полковник.

С ним были адъютант, прапорщик и фельдфебель (татарин). «Но здесь господствует советская власть, — говорит Васька (он был ранен под Балаганском и тоже лечился в госпитале, пуля навывлет через легкие, заткнуты отверстия ватой с йодом). — Погоны!». «Погоны мы не сняли только потому, чтобы не подумали вы, что мы притворяемся. Мы с чистой душой, а погоны можно и снять. — Все сняли шинели, повесили их, а на мундирах погон нет. — Вот мы и без погон. Где у вас связь? Мы не верим, что Иркутск красный. Там у нас семьи. Если Иркутск ваш — сдаемся, если нет — посмотрим».

Я, Погодаев и полковник поехали в санях на Пнедке в Усть-Уду, где была связь. Полковник телеграфирует в Иркутск, Мясная, дом 4, к своей жене. Вскоре приходит ответ: да, Иркутск в руках красных. «Ну, поедем, принимайте обоз».

В это время в Усть-Уду въехал небольшой партизанский кавалерийский отряд, и в том числе Алексей Золотухин, на пятнадцати конях. На шапках и через грудь ленты красные с надписью «Борец за свободу». В гривы коней тоже вплетены ленты, ленточки на клинках. Все вернулись в деревню Енды (18 верст). Приняли шестнадцать пулеметов-кольтов, восемь возов медикаментов, возов десять — двенадцать обмундирования, серых коней. Отряд

---

⁴Ичиги — вид легкой обуви, имеющей форму сапог с мягким носком и внутренним жестким задником.

Золотухина вывел обоз с этим имуществом в Иркутск, за ним пешим строем двинулись белые.

Прибыл в Иркутск и я (Погодаев остался). Наш кавалерийский полк стоял на Звездочке⁵, и командир полка был Новокшенов. Нас направили в Читу, в Буфер, по пятам чешских эшелонов (ехали я, Золотухин, Маруська, Федька Прокопьев, Пантюшка). Зверев и Дворянов остались в Иркутске. Не пропускают. Новокшенов едет в Верхне-Удинск (Улан-Удэ), но вместо него командиром поставили Розмахнина и пропустили. Новокшенов вернулся. Наш Зиминский кавалерийский полк Новокшенова (а теперь Розмахнина) объединили с 1-м и 2-м Иркутскими казачьими полками и создали из этих трех полков отдельную Троицко-Савскую кавалерийскую бригаду, которая повела наступление на Читу, занятую семеновцами и японцами («И Унгерном?» — Черневский. — Е. С.).

После взятия Читы я учился на курсах при Читинской советско-партийной школе, демобилизовался в 1923 году. Приехал домой — голод. Поехал на солеварку, стал вываривать соль, менять ее по деревням на хлеб, «разбогател», завел хозяйство. В... г. организовал колхоз в деревне Ловинка⁶. С 1930 года — председатель Конторского сельского Совета. (Из Ловинского колхоза поехал на курсы в Канск работников молочно-товарной фермы.) Сейчас пенсионер, беспартийный.

Отдельные эпизоды и замечания

- Уйдя через хлеба в березняк с двумя конями (т.к. четырех коней у нас убило — под Горяевым, Карлой, учителем и еще под одним), мы все вместе с пешими вернулись в Заимку организованно. Ясная погода. С реки шел туман.

- Когда в Бирюсе застрелился Яков Москвитин, меня и Макса Троезубова и еще одного послали взять и привезти в Конторку его труп. Степана Петрова не было и в помине здесь. Я остался у лодки, а Троезубов и второй принесли труп, и мы переплавили его в Конторку.

- Мне рассказывали другие, что, когда румыны вели на расстрел Власовых и Архипа Коршунова, шли трое на трое и сговорились: Власовы бросятся на двух больших румын, т.к. они были сами большого роста и старик еще здоровый, а Архип Коршунов был небольшого роста. Но Архип подвел, вместо того чтобы броситься на врага, он бросился в речку, а Власовы погибли.

- Земеров — у партизан никогда не было, был у Колчака и ранен партизанами.

- Я не участвовал в бою под Оглоблино, но слышал о том, как утонул Себряков. Когда начался обстрел с того берега, солдаты в лодке засуетились

---

⁵ Роща Звездочка на левом берегу Ангары вблизи железнодорожного вокзала, ул. Пушкина. *Перенести вперед, где встр. впервые.*

⁶ Деревня Ловинка основана в 1911 году. По данным на 1917 год, 476 жителей (247 муж. и 229 жен. пола), 98 (93?) хозяйств (74 старожильческих и 19 переселенческих).

и лодка опрокинулась, все выкарабкались, а Серебряков... На нем было три патронташа — два крест накрест и один поясом, к которому подвязаны восемь ручных гранат, клинок, пистолет и карабинка. Он все успел сбросить, стал спускать брюки и запутался, захлебнулся. Но его достали, откачивали. Похоронили в Оглоблино. Единственный был сын у матери.

- Зверева солдаты и партизаны между собой звали Зверьком, Зверек.

- Поселенцев у нас в Конторке называли посельгой, посельга. Корчагины — вологодская посельга. Моя бывшая ухажерка теперь стала моей женой. Мой отец работал на железной дороге дорожным мастером. Кассир, разъезжавший по железной дороге и выписывавший зарплату, был тоже поселенец из Вологды — Гешель.

- Был у нас партизан кавалерист Костя. Фамилии я не помню, но мы его прозвали Сметана, Костя Сметанин — за то, что он всегда держал при себе тусок и никогда не жил без сметаны. Он имел очень ловкий подход к девушкам-крестьянкам: «Девушки, наложите мне в тусок сметанки». Он присоединился к нашему отряду в Кежме.

- Гавриил Флегонтович Ильин. Самый старший Иван, *Георгий* (выделенное курсивом зачеркнуто. — Е. С.) и Корнилий, самый младший, — все были активными партизанами, но все стали бандитами (?).

- В 1919 году в железнодорожной будке между Ключами и Решетами жил путевой обходчик Резвицкий Самуил Трофимович, лет тридцати, с женой Надеждой Фоминичной.

- Мой отец одиннадцать лет проработал мостовым сторожем на станции Суетиха, а в 1905 году поселился в Ловинке. Вообще же мы из Зимы. В полуказарме на станции Суетиха жили тогда Илья Пятаев, Изот Егорович Проскуряков, Кислов, сын Пятаева, — партизанил в 1919 году, еще не женат. Тогда они жили уже в деревне Коновалово. Мы жили на мосту в отдельной избушке, рядом с нами, в другой избушке, Юркевич, за ним, в бараке, Шарайка Иван и Москвитин из Синякино.

Старики рассказывали, что когда-то («В 1819 году» — дописано Черневским. — Е. С.) деревня Конторка находилась на острове, но один мельник Ведени...(?) поставил мельницу и прорыл небольшой канал, но вода снесла мельницу, и образовалась протока и залила остров. Тогда-то деревня и переселилась на наш... Остров разделился надвое: один стал называться Старичный (Старина), другой — Веленин (?). В 1930 году с момента переселения исполнилось 111 лет.

Беседа 10 сентября 1961 года

Из тех, кто был со мной на Брусках, в партизаны, кроме меня, пошли Дмитрий Попов, еловский, он после отступления остался дома, Климов Гурьян, тоже был недолго. Помню, Пузанов меня за пьянку «отлупил» щелчками у себя на квартире у Шапкина. После засады на Бунбуйском мосту мы соединились, т.е. встретились с отрядом К. Москвитина в Выдрино. А на Ангару пошли из Березово — по хорошему тракту Березово—Дворец, что был проложен царским правительством, — верхом. В пути ночевали в зимовье охотника-тунгуса (выходца из тунгусов) между Березово и Червянкой, ближе к последней.

Его фамилия Мазараки, жил там с двумя сыновьями. Он оказался знакомым, я работал у него на строительстве вторых железнодорожных путей у станции Суети́ха на конях (на грабарке гонщиком), а он был артельным старостой.

Когда подъехали к зимовью, смотрю, знакомый парнишка, один из его сыновей. Бурлов и еще несколько человек ночевали в зимовье, а мы у костра. Тут и увидели на горе медвежонка.

В Червянке жили дней пять. Отсюда Бурлов ездил в Наду́й⁷ разоружать баерца, но не нашел его и не разоружил. От Червянки до Дворца ехали, не ночуя, (Черневский: «86 верст». — Е. С.), а от Березово до Червянки 110, всего верст двести.

Мне кажется, что Степан Громов присоединился к нам в Червянке. Он был хорошим гармонистом, а я немного пиликал на гармошке. И до Червянки, кроме меня, никто не играл (в Выдрино и Березово), а в Червянке Федька Селифанов где-то раздобыл гармошку, и появился гармонист Степан Громов.

Ян Пепул был с нами только до Заимки, а потом был на Шиткинском фронте. Мне помнится его поговорка: «Ну, понес, понес!», значит, пошел вперед.

Уточняю дело с разведкой 26 июля 1919 года. В Заимке Бурлов велел хозяйке дома, где он жил, выгнать самогон. Буйлин улучил момент, когда Бурлова не было дома, зашел в дом и дал хозяйке подделанную, от имени Бурлова, записку и получил четверть самогона. Напился он, я, Федька. Горяева с нами не было. Я заснул с винтовкой под лодкой, встал часа в два ночи и пришел в избу, где мы жили с Буйлиным. Буйлин сказал, что ему попало от Бурлова, но мы еще похмелились. К разведке это не имеет никакого отношения.

Я был не в пешей, а в конной разведке, на лодках никто не ехал. Ехали мы медленно, шагом, так что и пешие успевали идти рядом (до Кежмы пешие шли впереди и давали нам сигналы, перед Кежмой — конные). Командиром разведгруппы был не Карл, а молодой учитель. Карл латыш, беловолосый, высокий, а не грузин и не черный. Он был не начальник, а помощник начальника разведгруппы. Его не ранило, а убило сразу. Второй, под которым убило коня, спрятался в пшенице и пролежал сутки голодный. Он добрался только на третьи сутки до Заимки (45 верст). Командир-учитель вернулся вместе со всеми сразу.

К Кежме подошли на рассвете, в сильный туман. После этой разведки отряд снялся с Заимки, решив устроить засаду у Аплинского порога⁸. В первой лодке плыл я, а остальные со мной были не наши, а из отряда Пепула — Антонова — Баженова. Мы-то прошли мимо назначенного для засады места. Во Дворце Бурлов нас отчитал, а сам уехал в *Шиткино* (выделенное курсивом зачеркнуто Черневским. — Е. С.) Кондратьево. Он вернулся дня через три-четыре, быстро, но без людей. Заявил, что решением главного штаба я и еще двое, плывшие в первой лодке, приговариваются к расстрелу, посадил нас под арест, но потом простил, т.к. я доказал, что не виноват.

---

⁷ Деревня Наду́й, Червянской волости. По данным на 1917 год, 52 хозяйства (43 старожильческих и 9 переселенческих), 122 жителя (108 муж. и 114 жен. пола).

⁸ Аплинский порог на Ангаре, Кежемский район, между поселками Таежный и Косой Бык.

Швайдецкого и Батанина Ивана мы встретили на Ангаре. Батанина Ивана Николаевича я знал, он тайшетский, жил у линии по ту сторону, грамотный.

При соединении со Зверевым я близко подружился с Дорожкиным Ефимом, Шмелевым, Широковым (небольшого роста, толстый, шутник, погиб 29 сентября между Оглобино и Косьяновской) — командиром взвода мамаевцев из девяти человек, стоявшем в Тушаме.

В одной деревушке у Усть-Илима мы разделились, Зверев пошел вниз по Илимму по следам Рубцова, а Бурлов — по Ангаре вверх. Звереву нужна была кавалерия — было совещание комсостава, и после нам объявили, что вся кавалерия идет со Зверевым.

Когда я после саморанения стал помощником коменданта у Николая Погодаева в Ендох (?), а Зверев уже пришел из Балаганска в Иркутск, он сообщил Погодаеву, что у попа в Ендох скрывается палач-контрразведчик из Балаганска Чернолих, лет двадцати восьми. Мы его не видели. Чтобы выведать, я подсыпался к поповской дочке Люсе, стал за ней ухаживать и бывать у попа. Однажды поп мне и сказал, что к нему приехал родственник, надо бы ему пропуск дать, он хочет уехать. Я сообщил Погодаеву.

Солдат Васька и Погодаев ждали в комендатуре, а я вечером пошел к попу и сказал, что можно дать пропуск. Тогда и вышел Чернолих, у нас была его фотокарточка. Я повел его в комендатуру, якобы за пропуском, а там мы его арестовали: «Узнаете фотокарточку?». Васька его расстрелял и утопил в протоке. При обыске у него нашли браунинг.

- Евсей Осипович Мамаев и Кузьма Осипович Мамаев (из 6-й роты, партизан) жили в Еловой, и оба прискакали, сообщив о движении чехов.

- Пулемет кольт со съёмным стволом и одним запасным стреляет с ленты очередями в 250 патронов. Шоша — пулемет, ручной, диск полумесяцем с 75 патронами, вкладываются в магазин-прорезь. Льюс — пулемет, диск круглый, как у нашего русского ручного, но вращающийся.

- Буйлин (Барсуков Петр Аф.), мордвин, сын тайшетского стрелочника, глуховат, очень плохо говорил по-русски. Сначала командир разведки, а потом адъютант главкома Северо-Восточного фронта Даниила Зверева, командир 1-го... кавалерийского полка.

Изложение А. Ю. Черневским беседы, состоявшейся 16 ноября 1971 года, через десять лет после первой, в течение которых Адольф Юрьевич и Георгий Лазаревич часто встречались. Присутствует П. П. Проскуряков

Цель беседы: совместно уточнить обстоятельства и детали похода отряда Бурлова на Ангару.

Самый ценный результат беседы заключается в том, что товарищи повторили все то и так же, как рассказали десять лет назад! Эта «проверка» придает большую достоверность их рассказам. Внесены лишь некоторые уточнения, в частности в список партизан, отправившихся вместе с ними на Ангару с отрядом Бурлова из деревни Березовой.

В окончательном варианте этот список таков:

- 1) Бурлов Николай Ананьевич;
- 2) Акимов Андрей (скобарь), нет.. из железнодорожного батальона;
- 3) Буйлин (Барсуков) Петр Афанасьевич (мордвин), сын тайшетского стрелочника, глуховат, плохо говорил по-русски, командир конной разведки, а затем 1-го Ангарского кавалерийского полка и адъютант главкома Северо-Восточного фронта Зверева;
- 4) Горяев Иван Григорьевич;
- 5) Золотухин Алексей Алексеевич;
- 6) Кочергин Прокопий (бирюсинский);
- 7) Литвин (партизанская фамилия Громов) Степан;
- 8) Макиенко Иосиф (Пантюхин, Пантюха, Пантюшкин, из Бирюсинского отряда, он томский);
- 9) Михайлов Георгий Лазаревич (Сидоров Георгий Ив.);
- 10) Прокопьев Федор Ксенофонович (Селифанов, Дурцев);
- 11) Проскураков Пимен Павлович;
- 12) Рыльчиков Яков (Бобков, Маруська), скобарь и... высокий, пришел из железнодорожного батальона, шиткинский;
- 13) Савристо Никиту — из военнопленных румын, в партизанах — Дедушка и Полтора Бродяги (за большой рост);
- 14) Серебряков Дмитрий Селиверстович;
- 15) Рупасов (Окладников) Иннокентий (Кешка), он же Косолапов (это партизанская фамилия).

Последний воспитывался у Гавриила Рупасова в Бирюсе, а сам канский. Курил трубку, охотничье автоматическое ружье шестизарядное «бердана», клинок. В Иркутске демобилизовался и ухал.

Следует иметь в виду и некоторые неустойчивые взгляды на этот список, а именно: Золотухин Алексей утверждал, что Рупасов — Окладников — Косолапов присоединился к ним во Дворце; Горяев, Тимофей Верхотуров, Проскураков — что он пришел во Дворец с отрядом Бурлова; Михайлов — колеблется. Проскураков, кроме того, высказывает сомнения насчет Буйлина и Прокопьева, вспоминая, что еще в Кондратьево они «проштрафилась» — пытались изнасиловать какую-то женщину или девушку — и бежали на Ангару от возмездия и что именно там, на Ангаре, присоединились к отряду. Но против этого категорически возражает Михайлов, приведя пример с Прокопьевым — Селифановым в Червянке (см. его воспоминания).

Братья Верхотуровы, Тимофей и Василий, пришли уже во Дворец, из деревни Сосновой; а Горенский Егор, и Сорокин, и Вихорев присоединились к отряду Антонова — Пепула — Баженова; румын Николай, Рожков из железнодорожного батальона и некто, ранивший себя случайно в Кежме, пристали позже (румын Николай под Усть-Кутом). Ранивший себя — с Баерского фронта или Нижнеудинска.

От Березовой до Дворца

В изложении А. Ю. Черневского

Подняли по тревоге еще до положенного подъема, когда был самый сладкий сон, выстроили на улице.

— Кто желает добровольно идти на Ангару для выполнения боевой задачи, выйти из строя!

Вышли несколько человек. Но тут кто-то из строя спросил:

— А кто командир?

Этот вопрос значил много.

— Товарищ Бурлов Николай Ананьевич.

И тут весь строй заколыхался, почти половина колонны переместилась вперед.

— Ну, Николай Ананьевич, отбирай себе теперь солдат сам, — сказал Константин Москвитин.

Бурлов, обращаясь к строю, произнес:

— Спасибо, братцы, за доверие. Но охотников здесь целая сотня, а требуется пятнадцать человек, даже четырнадцать, пятнадцатый — я. Да двое уже есть, товарищи Горяев и Громов, которые в курсе дела, без них нельзя. Значит, остается еще двенадцать. Ну, уж не обижайтесь, перво-наперво я возьму своих ребят — бирюсят, которых хорошо знаю по боевым делам...

Он стал обводить глазами тех, кто не вышел из строя, и тут обнаружил, что бирюсят-то всего человек пять.

— Что же это вы, братцы-землячки, — обратился он через головы первой шеренги к тем, кто остался стоять в строю, — отвоевались?

— И так далеко от дома ушли, в Бирюсе более двух месяцев фронт держали, — отозвался кто-то из бирюсинцев в строю.

— Ну, что ж, тот солдат надежней в бою, кто идет по зову сердца и совести, — произнес Николай Ананьевич. — Выходи, братуха, — сказал он Сергею Бурлову.

Но тут запротестовал Зверев.

— Э, нет, двух Бурловых будет много, не отдадим. Бери рядовых.

И как ни просили братья не разлучать их, командование не согласилось. Из бирюсинцев вызвались идти на Ангару Алексей Золотухин, Прокопий Кочергин да Кешка Окладников. Но Бурлов хорошо знал по Бирюсинскому отряду боевых партизан томича Осипа Макиненко, дезертировавшего от Колчака, и румына Никиту Савристо, оказавшегося в шеренге добровольцев. Забрал знакомых конторских парней, отчаянных ребят, фронтовиков и красногвардейцев Георгия Михайлова, Пимена Проскурякова, Дмитрия Серебрякова да еще четырех «разноплеменных».

Приходилось считаться с тем, кто как обмундирован — на «интендантских складах» отступившей партизанской армии запаса вещевого довольствия не имелось. А некоторые вызвавшиеся идти в поход были настолько оборваны, что хозяйственникам пришлось переодеть их за счет остававшихся в тылу.

На сборы ушло почти полдня. Когда все было готово, Бурлов проверил у каждого состояние оружия, седловку из пареной березы с веревочной проточкой, оказавшиеся, впрочем, вполне надежными, добротными. Деревянные седла были большей частью обиты мехом, а у некоторых — кошмой. К седлам приторочены переметные сумы с партизанским пайковым довольствием и овсом для лошадей.

Люди пообедали, подходило время пить чай, но Зверев торопил.

— По коням! — скомандовал Бурлов.

Партизаны вскинулись в седла, натянули поводья.

— Вперед, марш!

Восемнадцать всадников (с бурловцами ехали три подводчика из местных крестьян, чтобы вернуть из Червянки лошадей) тронулись с места, провожаемые партизанами, деревенской детворой да лаем собак из подворотен. Солнце было еще высоко, но уже снижалось над Шектылендой, бросая косые тускнеющие лучи из заречья.

Впереди на саврасой кобыленке восседал командир, с неизменной трубкой во рту, в пунцовой рубашке, накинутой на голову сеткой-накомарником, с карабином за спиной и наганом на боку. На Чуне он отпустил бороду, такую же окладистую, какую носил, будучи когда-то приискателем на Зее. Черная борода и красная рубашка делали его похожим на цыгана и придавала внушительный вид.

За ним ехали бирюсинцы Алексей Золотухин (1898 г.р.), Кешка Окладников (лет 34—35) и Пронька Кочергин (1898 г.р.). Одежда их была так же пестра, как разномастные кони и разнокалиберное оружие. Все они не отличались ростом, особенно маленьким был щуплый, черноволосый и бронзоволицый Золотухин, тоже чем-то напоминавший цыгана. Зато завершали этот маленький конный отряд рослые, как на подбор, партизаны, наголову выше передних. Это были Гошка Михайлов, записавшийся в партизаны Сидоровым, Иван Горяев (этот ни дать ни взять цыган: черный как смоль, глаза и нос орлиные) и румын Никиту Савристо, прозванный Дудушкой, а за гигантский рост — Полтора Бродяги.

Третий ряд конников составили среднерослые партизаны: конторцы Пимен Проскураков и Дмитрий Серебряков, Степан Громов, Федор Прокопьев (его больше звали по-уличному — Селифановым), два друга-томича, перешедшие к партизанам из колчаковского железнодорожного батальона, Андрей Акимов и Осип Макиненко, хорошо экипированные за счет Колчака.

Зато завершали этот маленький отряд конников... Удивительно, как только держали на своих крупах маленькие лошадки этих геркулесов (великанов, гигантов).

Остановились в открытой местности у большого лога, по которому протекал ручей, не дотянув засветло до Дешимы. Спутали коней и пустили на траву. На полугорке развели костер, стали варить чай. Напоили лошадей в ручье — и дальше в путь. Дорога была хорошей, наезженной крестьянскими подводами за шесть лет ее эксплуатации (все причунские тракты сданы в 1913 году), хотя ездили по ней больше двухколесные таратайки (двуколки).

Перед Червянкой, верстах в... стоял барак, где когда-то жили строители дороги, а потом Карл Марийский с семьей. Он ушел на Баерский фронт, а семья — в Червянку. Сейчас он был в отряде Антонова. Не его ли семью наделили мануфактурой?

Ехали всю ночь и к утру приехали в Червянку. Заказали лошадей (крупные, томской породы, в отличие от березовских, маленьких, «ордынской породы»), задневали. Что-то помнится о разоружении каких-то солдат, но в Надуй никого не посылали. Прошел еще слух, что в Городище на Ангаре казаки, небольшая группа. Но это верст сто тайгой. Оставили без внимания. Заночевали и на рассвете выехали во Дворец.

На втором волоке, где-то на полпути, стояло зимовье охотника и смотрителя дороги тунгуса Мазараки, который жил тут с женой и двумя сыновьями. Михайлов был с ним знаком, когда работал, еще до революции, на станции Суетиha гонщиком на строительстве вторых путей, а Мазараки был грабарем (гонщиком) и жил в Енисейке. Образ его: высокий, черный, в годах, ссутулившийся сильно, с небольшой бородкой, в меховой безрукавке, хромой.

Полдень. Место ровное, не гористое, полянка у какой-то речушки. Все отдыхают на воле, варят чай, в т.ч. и Бурлов, а Михайлов пьет чай у Мазараки в избе, и тот даже поднес ему два стакана самогона. Отдохнули, попили чаю, напоили коней и к вечеру без приключений добрались до Дворца.

20 июля 1972 года Михайлов заявил, что он точно помнит: зимовье (большой дом, амбары, сеновал, баня) Мазараки стояло не за Червянкой, а между Березовой и Червянкой, — там и была первая ночевка, причем Бурлов и еще несколько человек, в т.ч. Михайлов, ночевали в избе, а остальные «на воле» — на сеновале и в баньке. Из Березовой выехали после обеда, с собой только хлеб да огурцы в сумочке, к седлу ничего не приторачивали и овса не брали.

Заметки А. Ю. Черневского

Выехали из Березовой 11-го. Ночевали на Дешме и Березовой, приехали в Червянку 13-го. Заночевали и выехали утром 14-го, в пути еще раз ночевали и прибыли во Дворец 15-го! Да, только так!

11 июля, пятница, — вышли из Березовой.

12 июля, суббота, — двигались от реки Дешма до реки Березовая.

13 июля, воскресенье, — от реки Березовая до Червянки!

14 июля, понедельник, — от Червянки до барака зимовья.

15 июля, вторник, — прибыли во Дворец.

ПИМЕН ПАВЛОВИЧ ПРОСКУРЯКОВ

**Родился в 1895 году¹, бывший житель Конторки, партизан, ныне пенсионер (пос. Юрты, ул. Ленина, 79).
Беседа состоялась 24 августа 1960 года**

А. Ю. Черневский: Пимен Павлович, прежде всего я хотел бы получить от вас сведения о бурловском отряде, поскольку вы один из немногих ныне здравствующих участников этого похода. Из какого селения выступил отряд Бурлова, и кто в него входил?

П. П. Проскуряков: Хорошо, давайте вспоминать. Отряд был сформирован в деревне Березово, из пятнадцати человек, включая Бурлова. Буду называть те фамилии, которые я помню абсолютно точно, в отношении которых не сомневаюсь:

- 1) Бурлов Николай Ананьевич,
- 2) я,
- 3) Михайлов Георгий Лазаревич (Сидоров),
- 4) Золотухин Алексей Алексеевич,
- 5) Окладников (Рупасов) Кешка (Иннокентий), он же Косолапов,
- 6) Макиенко Осип — Пантюхинский (Пантюха), омский, из железнодорожного батальона,
- 7) Андриюшка, фамилию не помню («Григорьев», — дописано позже Черневским. — Е. С.),
- 8) Акимов Андрей тоже из железнодорожного батальона,
- 9) Саврасов Никита (румын со станции Суетиха),
- 10) Рыльчиков Яков (Маруська),
- 11) Литвин Степан (партизанская фамилия Громов), взводный командир,
- 12) Серебряков Дмитрий.

(Дописано позже Черневским, синим карандашом: «Горяев, Федька Селифанов, Буйлин и Бурнашов». — Е. С.)

С меньшей достоверностью могу назвать еще одного из железнодорожного батальона — по фамилии Рожков, имени и отчества не помню, а также Вихорева, скобарь из Шиткино (но, кажется, он присоединился на Ангаре), и Кочергина Прокопия, не то из Нижней Заимки, не то из Бирюсы (Черневский: «Кочергин Прокопий Петрович из Тракт-Ужета». — Е. С.).

А. Ю. Черневский: Золотухин назвал Пантюхина Осипа из железнодорожного батальона. Это и есть Макиенко, или Пантюха?

П. П. Проскуряков: Да, настоящая его фамилия Макиенко, но мы его звали почему-то Пантюхой.

А. Ю. Черневский: Затем Золотухин говорит, что Маруська — это Бобков и что он присоединился где-то позже.

¹ Умер в 1977 году.

П. П. Проскуряков: Нет, Маруська — это Яков Рыльчиков, переселенцы из Псковской губернии, прописавшиеся в Шиткино. И он пошел с нами сразу как доброволец Шиткинского фронта.

А. Ю. Черневский: Анрюшка, это Андрей Акимов?

П. П. Проскуряков: Может быть, не помню его фамилии, но он из железнодорожного батальона.

А. Ю. Черневский: Золотухин и Михайлов с уверенностью называют еще Буйлина — Буйлова — Барсукова Петра, Федора Прокопьева (Селифанова) и Бурнашова Алексея Ефимовича...

П. П. Проскуряков: Буйлов и Прокопьев были с нами, но присоединились позже, на Ангаре — из отряда Пепула — Баженова.

А. Ю. Черневский: Вы в этом абсолютно уверены?

П. П. Проскуряков: Да, я точно помню.

А. Ю. Черневский: А Бурнашов из Енисейки?

П. П. Проскуряков: Из Енисейки, помнится, был, кажется, Бурнашов, но точно не могу вспомнить.

А. Ю. Черневский: Еще Золотухин называет братьев Верхотуровых — Василия и Тимофея, и Дорожкина Ивана, но Михайлов их отрицает.

П. П. Проскуряков: Нет, все эти присоединились позже: Верхотуров Василий с Иваном Горяевым — в Червянке, а Верхотуров Тимофей — во Дворце. Что касается Дорожкина Ивана, то это солдат из отряда особого назначения, у Бурлова не был, а был с нами в кавалерии у Зверева. Тут уж сомнений не может быть.

А. Ю. Черневский: Значит, если иметь в виду одиннадцать человек, указанных вами с уверенностью, и Бурнашова, в котором вы не очень уверены, но зато с уверенностью подтверждают двое других участников похода Бурлова, то получается двенадцать человек, а кандидатами на три действующих места остаются:

- 1) Рожков,
- 2) Вихорев,
- 3) Кочергин Прокопий,
- 4) Прокопьев Федор,
- 5) Буйлин (Барсуков) Петр.

П. П. Проскуряков: Да, но я уже сказал свое мнение в отношении Буйлина и Прокопьева, а об остальных не помню. Придется пока этот вопрос оставить открытым.

А. Ю. Черневский: Хорошо. Продолжайте, пожалуйста.

П. П. Проскуряков: Приехали в Червянку, там к нам присоединились Василий Верхотуров и Иван Горяев (Черневский позже, синим карандашом: «Нет! Горяев и Громов, а не Верхотуров, пошли сразу. — Е. С.), которые охраняли вещи, оставленные отрядом Москвитина. Поехали все вместе в Дворец, где соединились с отрядом Даниила Баженова, нижеудинского казака. С ним был в отряде и его средний брат, Константин. Там же где-то к нам присоединилась Пелагея Страус.

А. Ю. Черневский: А теперь вернитесь в более ранние времена, к началу движения.

П. П. Проскуряков: Я вернулся с фронта в 1918 году 1917 году (выделенное курсивом зачеркнуто Черневским. — Е. С.). Наша часть стояла на реке Белая, и когда в Иркутске подняли мятеж юнкера, мы соединились с подошедшими канцами и черемховцами и вошли в Иркутск, и я участвовал в ликвидации юнкерского мятежа. После подавления мятежа вернулся в Конторку и привез с собой четырехлинейную винтовку. Здесь меня и застал контрреволюционный переворот и колчаковщина. Пришлось скрываться на заимках, опасаясь особенно кулака-мельника Ларина... и Лубниных, Абрама и его отца Захара. Брат Абрама, Захар Захарович, был белым офицером и служил в Канске.

Когда зашевелилось подполье, они сообщили Захару Лубнину, и тот пришел с отрядом и арестовал несколько подпольщиков, в т.ч. Мальшева Василия и Неизвестных Иннокентия Романовича, а всего семь человек (их освободили на поруки общества). Потом партизаны Абрама и старика Захара Лубниных арестовали, вывезли в тыл, в Шиткино, и там расстреляли. Захар Захарович Лубнин был женат на Афимье Иннокентьевне Серебренниковой, сестре партизана Николая Серебренникова.

На заимках скрывались Масленников Алексей Андреевич и Сидоров Гаврил Панфилович (он подлежал призыву). Масленников попал позже почему-то не в наш, а в Акульшетский отряд.

Участвовал в движении с первых дней. Конторка восстала 12 марта, а 13 марта мы уже совершили налет на станцию Суетиха. Как видно из документа, до 16 марта никаких операций не было, но предатели уже были арестованы.

Дело было так: в день восстания Бич с черчетцами, с которыми он был, несколько конторцев, пошли в Бирюсу, провели там собрание в сельской, выставив посты на горе у кладбища. Нам он приказал идти собирать оружие. У полковницы Пахоруковой Василисы мы взяли браунинг, у купца Мамаева — дробовое ружье, у Федора Семеновича Москвитина, кулака, что жил рядом с Мамаевым, — дробовое ружье. Яким (Черневский: «Мамаев?». — Е. С.), крестьянин, сам достал из под сена на крыше и отдал нам берданку 32 калибра.

После собрания, уже поздно ночью, Бич сказал: «Поедем на мост, разоружим охрану. Ты, Иван Моисеевич (Козлов), и ты, Проскуряков, будете снимать часовых на мосту, а я со своими ребятами разоружим казарму».

Бич со своими людьми, человек девять, поехал на подводе с Толмачевым Абрамом (брат Дмитрия Толмачева) как сопровождающим, т.е. указывающим дорогу, тот ехал как боевой партизан — с засунутым за пояс наганом; а мы взяли себе Николая Патрина (в партизанах не был). Выехали из Бирюсы в ночь с 12 на 13 марта (Черневский: «По документам, — 18 марта, вторник». — Е. С.). С Бичом были братья Чемодановы, Николай и Афиноген, Ходя, других не помню (Черневский: «По всем данным, это были Москаленко Терентий, Головачев Федор, Погуда Николай, Кудрявцев Никита, Казакевич Владимир, Лесюк Андрей Иванович, а также Хоняков Иван и Водиевич Максим». — Е. С.).

В подводчиках был, кажется, также Селиверст Ознобихин, брат Михаила (поговорить со старожилом Петром Богдановским).

Приехали через болото, по ближайшей дороге от станции Бирюса до станции Суетиха. Тогда в том месте, где стоит станция, был переезд, а стан-

ция была у самого моста, на северной стороне, под насыпью, и временно находилось даже в железнодорожной будке. Бич со своими людьми переехал через переезд на южную сторону и направился к казарме, которая находилась там же, где теперь стоят казармы гарнизона моста. Мы оставили Патрина с конем, а сами, т.е. я и Иван Козлов, пошли пешие к станции-будке. В будке стрелочника были дежурный и стрелочник, кажется Сыровешкин Тимофей. На стрелочнике длинные теплые рукавицы. Я был в кожухе, подпоясанном ремнем, за пазухой наган; Иван Козлов в матросском бушлате, браунинг в кармане. «Руки вверх!» — забрали в ящике стола два револьвера Смита, больших. Я перерезал ножницами провода, которые вели к мосту от будки, сняли два телефона, а телеграфный аппарат не тронули, позабыли как-то или недоглядели.

Козлов остался около дежурного стрелочника, а я пошел на мост. Под зонтом ходит часовой. «Клади винтовку. Видишь, красные подъехали!». В это время в казарме прозвучал выстрел (Федора Головачева!). Часовой бросил винтовку. Я подошел, взял ее и направил на часового, ходившего под мостом, вниз. Тот тоже бросил и побежал на ту сторону.

Кричу часовому на той стороне, чтобы шел сюда, объясняю руками, а тот хоть бы что, как будто не слышит и не понимает, и сопротивления не оказывает. Слышу, в казарме шум, выводят пленных. Вернулся в будку, а те все еще стоят с поднятыми руками. «Ты что, заморозил их», — говорю Козлову, а тот смеется. Стрелочник спрашивает: «Ну, можно руки-то опустить?» — «Сидите и молчите».

Мы ушли и сошлись у переезда. Поехали в Бирюсу, привезли восемнадцать пленных. А часовых потом белые расстреляли (двух, которых я разоружил).

Забыл сказать, что, когда мы подъезжали к Суетихе, в выемку прошел броневик «Орлик», но он нас не заметил.

А. Ю. Черневский: А из еловских или получеремховских с вами кто-нибудь был?

П. П. Проскураков: Никого. Еловцы и получеремховцы пришли на следующий день, когда мы вернулись в Конторку. (Черневский: «Это соответствует действительности: в день восстания из Конторки пошел связной Сидоров в Еловую, откуда он с еловцами отправился в Получеремхово. А потом они вместе пришли в Конторку. Ох, как это здорово «балансируется». — Е. С.)

Как стало нам потом известно, часовых, разоруженных мною и убежавших в Венгерку, броневик «Орлик» увез в Тайшет, и там их расстреляли.

В бою с красильниковцами я принимал участие в составе взвода Черненко, который стоял на болоте в ельнике. Здесь белые, главным образом татары, хотели зайти нашим окопам на горе в тыл и пустили лучшие силы. Никакой атаки лыжников здесь не было. В этом бою с нашей стороны не было никаких потерь, только (!) ранили случайно в Бирюсе шрапнелью Егора Власова, убежавшего из караульного помещения (!) (Черневский: «Здесь у рассказчика что-то не так!». — Е. С.).

Во время майского налета ранило Макарова Илью, Пестерева Алексея, Толстихина Семена (все мобилизованные) и, кажется, Тоболиковского. Они

были в караульном помещении и выскочили, услышав бой, а сами в бою не были, их всех ранило в руки очередью.

В майском наступлении с Юрт (Черемхово) по тракту шло 3000 человек, а на Бирюсу — 1500, всего 4500 человек. С запада чехов вел получеремховский кулак Б. (?).

Из Шиткино меня направили в конную разведку на Тракт-Ужет, человек девять под командой не то Николая Шалыгина, не то Максима Троезубова. Не доезжая Тракт-Ужета с горы увидели, что в деревню входят чехи, и мы ушли, ускакали обратно в Шиткино (Черневский: «А где были в это время главные силы?» — Е. С.).

Меня и Иннокентия... Неизвестных назначили сопровождать плоты с хозчастью (заведующим хозчастью был Николай Филимонович Кочергин). Дошли до Лапино, прошли еще версты три ниже Лапино до парома, т.к. в Лапино (да и в Шалаево) тогда парома не было. Переправились на пароме, и тут появляются чехи, открывшие по нам огонь с левого берега, и убили паромщика. Между паромом и Лапино — на правом берегу, под горой, у мельницы — стояли плоты с лазаретом, которые прибыли раньше нас. Мы их охраняли и стояли с ними. Затем поехали в Кондратьево. Оттуда меня вскоре снова направили в разведку в Шалаево и со мной тайшетского Сеньку Свирина. В Шалаево у нас был связной, пожилой, фамилии и имени не знаю, я передал ему пакет и получил пакет от него (чехов в Шалаево уже не было). Я отвез пакет в штаб.

Потом меня назначили начальником связи на 33-й километр. В это время с Кондратьево на железную дорогу шел отряд, чей — не помню. Кажется, Козлова Игната. Я снабдил их табаком. Связь сняли. Снялись из Кондратьево и через Петропавловку пошли в Березово (а штаб стоял в Савино), потом штаб перевели в Березово (Черневский: «???». — Е. С.).

Отдельные эпизоды и замечания

- Патрин Николай, который ездил с нами на мост, — по-уличному звали Куликов, а чаще просто Кулик. («Раз на болото, то придется и Кулика с собой взять».)

- Сестра Бича, Марья Андреевна, вышла замуж за Гаврилу Романовича Неизвестных в 1908 году. Мой брат, Игнатий Павлович Проскураков, очень дружил с Бичом и гулял на свадьбе. Он же был и другом Гаврилы Романовича.

- Церковь в Конторке сгорела в 1911 году, и построили молельный дом. Попом до германской войны был отец Лев, в годы колчаковщины — глухой отец Георгий с Кочергиной заимки, а после победы — отец Василий. Про Льва ходили слухи, что он был партизаном Кучеровского фронта.

- Первое подпольное собрание в Конторке было в доме Козловых, а второе у Насонова.

- Еловский Попов Гавриил был одно время в Конторке командиром лыжного отряда.

- В Конторке сейчас живет Необъявляющий Николай, бывший партизан-доброволец, и его брат Необъявляющий Александр, тоже партизан.
- Конторские Сидоров Андрей и Козлов Иван, Игнатовский Николай (а Игнатовский Иван в 1914 году был убит на германской), Необъявляющий Александр были со мной в бою на болоте.

Из бесед 29—30 августа 1962 года в селах Бирюса и Коноторка, на месте исторических событий — в бирюсинских окопах.

П. П. Проскураков уже переселился с Чуны ближе к родным местам, в поселок Суетиха (ул. Парижской Коммуны, 47)

• Зимник по болоту шел не там, где теперь, а по выемке у кручи бора, т.е. южнее, и выходил на западной стороне кладбища. Этой дорогой шли исключительно татары-красильниковцы, все пьяные. А чехи шли по тракту. Среди лыжников были: Гаврила Попов, Гурьян Атаев, Павел Логинов, Илья Москвитин, Иван Скулкин, Степан Петров — всего человек восемь; затем стали на лыжи и мы: я, Толмачев Абрам, Москвитин Федор Кузьмич (конторский фельдшер), тоже человек семь («???» — Черневский. — Е. С.). Эта лыжная команда пришла к кладбищу — горе под командой Гаврилы Попова, а не Степана Петрова.

Это был первый бой. Все пошли на линию. До этого я стоял на горе с Исаком Костицким и Александром Необъявляющим («Во взводе Черненко?» — Черневский. — Е. С.).

• Толмачев Абрам Сидорович, родной брат Дмитрия Толмачева, единственный из бирюсинских партизан, который вел нас на разоружение суетихинского моста. Он был очень боевой, с наганом, засунутым за пояс.

• Чешская кавалерия, которую вел Бобков, еще не доходя Конторки, у Еловки вышла в лес на гору и все время шла по горе лесом, скрытая от взоров, и лишь временами выходила на увал (косогор, откос). Им пришлось перескочить через поскотину, чтобы войти в Конторку, но они захотели отрезать отступающих. На горе с кавалерией была небольшая стычка.

• Третье собрание перед самым восстанием было уже у Филиппа Батранина в Лавинке на заверталовке (?). Первое собрание было у Козловых, второе у Насонова Е.П. На первых собраниях я не был, уезжал в Иланскую, но знаю, что там было мало, человек семь-восемь, подпольщиков, а у Батранина — человек семнадцать, в том числе Бич-Таежный, Малышев Василий, Необъявляющий Александр, Костецкий Исаак, Козлов Игнатий Моисеевич, Козлов Иван Моисеевич, Ильин Гаврила Флегонтович (Ганька Флигонтов), Насонов Ермил Поликарпович, Неизвестных Гаврила Романович.

Места собраний меняли нарочно, чтобы конспирироваться. Но каждый раз подбирали надежные дома. Батранин Филипп — старик, бедняк, сын его Архип был глухой парень. В соседях Сидоров Василий... и Насонов Василий Поликарпович. Отец и сын Батранины сами в партизанах не были.

• Это было так: когда Федосеев Николай Филиппович скрывался на зимке в Соломенке, там же был Константин Костецкий, отец Моти Костецкой (Козловой). И оба они были беспалые. Предатель Омельченко, приведя отряд румын прямо за Федосеевым, и указал румынам приметые. Те и приводят к Омельченко Костецкого Константина (тоже беспалый).

— Федот, да не тот! — сказал Омельченко. Хотел и его забрать за дочь-партизанку.

— Я за нее не в ответе. Известно, девка за парнем бежит. Дружок у нее там, Козлова Моисея сын, Иван, морячок...

— Всех вас на один столб повесить, — сказал Омельченко. — И повесим, если хоть одного краснозадого укروهте, — пригрозил он и, хлестнув коня, оставил Костецкого в покое. А Николай Федосеев (Николай Беспалый) тем временем... (см. воспоминания Федосеевой и Необъявляющего Михаила Ефимовича).

• Конторский купец Кулеев Степан Александрович был арестован в момент восстания с другими богачами, но вскоре отпущен как «неверный», и все время жил в Конторке. При отступлении выехал в Придорожный, а потом в Тайшет. Его сын Степан Степанович был в то время где-то у белых, а дочь его, Августа Степановна, жена Павла Алексеевича Мамаева, бирюсинского купца, жила почему-то при нем, а не с Павлом.

• Однажды партизан Андрей... (коноваловский), будучи в разведке, заехал на конторские луга неизвестного, выдававшего себя за Кулеева Степана Степановича. Но Андрей знал Кулеевых и понял, что это лжец. Его привели в штаб, он оказался белым шпионом-лазутчиком, и его расстреляли.

• Приезжий катанщик (пимокат²), приблудился с первой войны, Филипп Андреевич... (Тараканов?) был женат на дочери Захара Лубнина Варваре. Лубнины жили на западном краю Конторки, на северной стороне, а Филипп с Варварой — самые крайние по этой стороне у реки, в бывшем доме старика кузнеца Вербовского.

• Авдюшинский Степан Нигрей был в отряде Жичкина в Березовой и Савиной. Я сам его там видел.

• Карателя Рубцова поймали в Подымахиной, на Лене ниже Усть-Кута, под Киренском.

• У Кулеева был еще второй сын, Александр Степанович, который тоже служил у Колчака, чуть ли не его адъютантом. Но тогда этого еще не знали. Один из зятьев, муж его дочери Кулеевой Лидии Степановны, тоже был белым офицером — у Врангеля, а также их сын, внук Кулеева, Константин. Оба, сын и отец, бежали с белыми из Крыма, а Лилия как-то осталась и вернулась в Сибирь, жила с отцом в Тайшете.

Иван Смолин — заларинский (из села Залари Иркутской губернии, точнее Нижнеудинска). Они вместе с братом Федором Шпаком работали у Филиппа Андреевича, зятя Лубнина, катанщиками. Смолин сразу пошел в партизаны, а Федор нет, но вступил вместе со всеми. С нами же отступал Миной Федотов, работник Тараканова, партизан (он из Долгого Моста³).

² Пимокат — валяльщик пимов. Название этой обуви в областях России было разным: у сибиряков — пимы, у тверячей — валенцы, у нижегородцев — чесанки.

³ Село Долгомостовское основано в 1899 году. По данным на _____ год, 200 переселенческих хозяйств, 1132 жителя.

На 33-м километре Шпак просил у меня Смит⁴. Он нужен был ему для того, чтобы отнять у Миней паспорт и с ним пробраться домой в Залари, но я не дал, а Шпак все-таки исчез с 33-го километра (вот они «лишние люди», следующие с обозом). И Смолин и Шпак были с женами. Иван Смолин командовал кавалерией при наступлении на Тайшет, а при отступлении в Шиткино — Федор Семенович Кочергин (Маевский). Миней, или Мина, Федотов, ходил всегда в красной рубахе и броднях⁵.

- Рубцова поймали и утопили в Подымахиной⁶ на реке Лена, в семидесяти верстах ниже Усть-Кута.

- Когда ехал царь Николай-II, от лавинского берега до острова поставили деревянный мост на сваях (с острова до правого берега ходил плашкоут⁷ на якоре). Перед мостом стоял на шесте жестяной двуглавый орел. Его снял после японской войны солдат Семен Кулешов. После плашкоута стали ходить на карбазах⁸ с канатом, а потом уже паром.

- Мамаев (Шегальков) Александр Андреевич — бирюсинец из 8-й роты, которая стояла в Тайшете. Вместе с ним был Троезубов Прокопий. Будучи в патруле они решили бежать, зашли к знакомому тайшетскому крестьянину Квашину, и тот в санях с сеном привез их в деревню Бирюса через Андреевский участок по заимкам.

- Шкапин в Шиткино самочинно расстрелял *Павла Грибанова* (выделенное курсивом зачеркнуто Черневским. — Е. С.) Павла Каурова, которого партизанская разведка захватила на пашне.

- Западнее моста было три переезда: Венгерский, Енисейский (или Бондарев) и Еловский.

- Хорошо помню, что, отправляясь с Буйлиным на Ангару, мы, проехав Дешиму, варили чай на костре. Кешка Окладников сидел у костра и курил трубку. Он лет на десять старше меня. Это было под Червянкой, на реке Березовая с избушками...

Из беседы 10 декабря 1963 года

- В Маслину (Масленица) 1919 года, накануне восстания, я с братом Максимом (младший) и Ромкой Костецким поехали в санях в Бирюсу, где у меня была ухажерка Шегалькова (а до этого Арина — Аришка). Меня предупредили,

⁴ Смит-Вессон — револьвер.

⁵ Бродни — мягкие кожаные сапоги на помочах с длинными, закрывающими бедро голенищами.

⁶ Село Подымахино, ныне Усть-Кутского района. Основано в 1699 году.

⁷ Широкое, плоское, мелкосидящее судно для перевозки тяжелых грузов по рекам и в портах, а также для настилки по ним временных мостов (так называемые плашкотные мосты).

⁸ Карбазы — это несамоходные плоскодонные грузовые суда, которые в XVIII—XIX веках активно использовались для доставки грузов сплавом по течению в низовья сибирских рек, в том числе по Ангаре и Лене. Такое тупоносое, с вертикальными бортами судно имело размеры 10—15 метров в длину и 6—8 в ширину.

что бирюсинские ребята обещали меня побить. Только проехали Гнилой мост, выехали на Заэтап, смотрим — гуляют ребята, играют на гармошке. Это были Сергей Бурлов, тогда уже женатый, Прокопий Кочергин (из Нижней Заимки, недавно перебравшийся в Бирюсу) и Борис Белоногов.

Борис ко мне: «А ну, слазь!» — «Что, аль не узнал?» — «Пимен? А мы думали, что еловские!». Подбежал Бурлов: «Не тронь!».

Шла свадьба у... Они зовут меня, но мы не поехали. Ушел я к Шегальковой, на Заэтап. Приходят к ней ребята: «У тебя Пимен?» — «Нету, был, да уехал». А конь во дворе стоит.

Бирюсинцы, которых мы встретили у Гнилого моста, были не пешие, а в коробке⁹, все «холостежь», кроме Сергея Бурлова.

- Шканин (Шкапин) расстрелял самолично Павла Каурова (а не Павла Горбунова, как говорят другие), тайшетского богатого крестьянина, которого партизаны после отступления поймали в поле за Тайшеткой. Шкапин его расстрелял в Шиткино.

- С отрядом особого назначения в Паново к нам пришел сын иркутского попа Иван Милославский. Я лежал с ним в больнице, и он мне рассказывал, что слонялся по Иркутску, все надоело — и он записался в отряд.

- У Сыровежкина и второго стрелочника были красные большие рукавицы.

- Когда мы стояли в Балаганске, я с отрядом Буйлина ездил к линии железной дороги вылавливать каппелевцев¹⁰. Однажды после четырех бессонных ночей почувствовал себя плохо, меня Буйлин вернул в Балаганск. Еду верхом. Догоняю конных казаков (каппелевцев). На мне полушубок и папаха без лент и без погон. «Из какой части?» — «Да вот отстал».

Поехал с ними. Впереди обоз, а впереди обоза снова казаки. А в Балаганске у нас сила. Встретили их, разоружили. «А ты, Пимен, как с ними попал?» Казаки удивились: проморгали, мол.

- На западной стороне реки Китой на Московском тракте мы убили генерала Волкова¹¹ и его жену.

⁹ Коробок — возок с плетеным кузовом.

¹⁰ Солдаты 3-й колчаковской армии под командованием генерала В. О. Каппеля, умершего 26 января 1920 года на разъезде Утай, около станции Тулун, близ города Нижнеудинск. Командование всей Белой армией перешло Войцеховскому С.Н.

¹¹ Обоз генерала Волкова натолкнулся на красноармейцев 15-го Иркутского советского пехотного полка. Засев в засаде, красные подпустили волковцев на близкое расстояние и повели огонь на поражение, потом бросились разоружать.

Генерал В. И. Волков застрелился, чтобы не попасть в плен к красным. Жена генерала «просила разрешения попрощаться с мужем», но ей не позволили. Полураздетые тела генерала В. И. Волкова и других убитых, обобранные красными, остались лежать на лесной поляне.

Жена Волкова, Анна Сергеевна, была арестована, находилась в одной тюремной камере с А. В. Тимиревой (1893–1975), возлюбленной А. В. Колчака. Была освобождена 21 февраля 1920 года и нашла пристанище — «маленькую жалкую избенку» — в далеком предместье Иркутска, где поселилась с дочерью, своей сестрой с ее детьми.

Из беседы 16 января 1964 года

До Игирмы продвигались без особых событий — через Игнатьеву (напротив ее, на правом берегу, деревня Черемная), Макарову, Зырянку, а на против деревни Романовой переправились на правый берег и подошли к Игирме, где тоже очень долго стояли. Здесь у нас был устроен сборный пункт.

Меня в составе разведгруппы в восемнадцать человек под командой Барсукова (Петра Буйлина) направили в разведку на Илимск на Илимтракте, где засел Белоголовый с отрядом человек 350—370. Шли по реке (Черневский: «Пешие, конные или на санях?» — *Е. С.*). Дойдя до бора на горе, остановились там наполовину, а человек девять пошли дальше ночью по какой-то речушке вокруг Илимска и наткнулись на две засады, которые нас обстреляли, и мы вернулись все в Игирму. Доложили.

Вскоре, в этот же или на следующий день, отправили группу Серебрякова в засаду в деревню Оглоблино, а сами с отрядом Зверева, так же ночью, пошли в наступление на Илимск, но уже не по реке, а тайгой (весь наш отряд, человек шестьдесят, ехал верхом через топи и бор, я заснул и упал в топь), и с боя взяли его — много пленных, имущества, пулемет. Здесь обратились с воззванием к населению: вступайте в ряды борцов! И тогда пришел отряд Романова (бывший фельдфебель из деревни Романовой), который стал называться Илимским отрядом. До Илимска нам пополнения не было.

- Перфильев был помощник Романова. С нами были Широков, Вимба, а Дворянова не видел. Увидел его уже в Большой Мамыри.

- Усть-Кут брал 1-й Приангарский полк Барсукова и по реке — Молчановский полк.

- В отряде Мамаева были добровольцы не из эшелона смерти: сын иркутского попа Иван Милославский, один рыжий еврейчик и Шмелев.

- Холкин Тимка — тайшетский рабочий на Илимтракте, перешел к партизанам Зверева и был кавалеристом.

- Мамаева — Шегалькова и Прокопия Троезубова из Тайшета через Андреевский участок провез в санях с сеном крестьянин Квашин.

- С Улётов выехали больные Федька Дурцов (Селифанов, Прокопьев) Пимен и Кочергин Прокопий.

- Безвестных чунарей, погибших на Бирюсинской горе 22 (9) мая 1919 года, хоронил мой брат Яким Проскуряков (1890 г.р.) и Емельян Кретинин. Последний еще снял с одного чунаря новую обрядку.

- По пути из Березовой в Петропавловку тропой через хребет кавалеристы отдыхали (ночевки) у небольшой красивой речки, ближе к Петропавловке (Черневский: «Узнать, какие реки протекают на этом отрезке». — *Е. С.*).

- У Дерюшкина был, кроме Александра, младший сын Николай (Голдин), который не был партизаном. Он вместе с бывшими партизанами Свириным

Вскоре умерла от сыпного тифа, которым заразилась в тюрьме (Шулдяков В.А. Гибель генерала В.И. Волкова и судьбы лиц из его ближайшего окружения. Сибирский исторический альманах. Т. 2. Сибирь на переломе эпох. Начало XX века. Красноярск: Версо, 2011. С. 303—321).

Сенькой (тайшетский, был в связи с Пименом на 33-м километре) и Готчиным Яковым (староакульшетский) совершили какое-то преступление.

• В Пановой при соединении отрядов был избран военно-революционный трибунал, в который вошел тайшетский Батранин Иван, и шел с нами до Нижне-Илимска.

• Разделившись, наш отряд (Зверева) переправился на правый берег Ангары в двух верстах от Усть-Илима (в устье тогда деревни не было) в деревню Када. До нее мы плыли на лодках и плотках, а от нее шли пешком до следующей, т.е. до первой деревни на Илеме. Не доезжая десяти верст до Нижне-Илимска, долго стояли в Большой Деревне на левом берегу Илима. Я и Федька Дурцов стояли на посту у церкви, и когда отряд снимался, нам передали, чтобы мы шли сзади в виде прикрытия (арьергард). Третьим сопровождающим шел местный житель. Все вершине. Между Большой Деревней и Н-Илимском лежала Новая Деревня, пересекаемая пополам дорогой. Мы, не задерживаясь в ней, проследовали дальше, думая, что отряд ушел вперед, т.к. в деревне никого не видно. При въезде в Нижне-Илимск (здесь находился только воинский начальник с гарнизоном казаков и милицией) увидели, как из двухэтажного дома купца Чернова вышел военачальник и несколько казаков, что-то выносили и грузили на подводы.

— Ваших туто-ка нету, — сказал наш третий. — Видите, волостной военачальник с казаками?

Мы проскочили деревню, на задней ее окраине из избы выбегают два милиционера — и бежать. Мы открыли ворота поскотины, выехали и обошли Нижне-Илимск... дорогой и выехали снова к мостику у западной окраины села, откуда выезжали. Здесь встретились с нашим отрядом. Оказалось, проходя через Новую Деревню, Зверев узнал, что в деревне, на северном или южном ее краю, остался склад Рубцова с военным имуществом, и весь отряд ушел туда, чтобы забрать его. С дороги их было не видно, а они, зная, что мы идем сзади, не выставили ни разведки, ни постов.

Но когда мы с отрядом вышли в Нижне-Илимск, военного начальника уже не было, поймали только одного оставшегося (спавшего) казака Сизых, из местных, илимских, который удирал от нас в одnorядке¹² и броднях.

Здесь я и еще некоторые лечился (Черневский: «???», — Е. С.). Хотели пойти к девкам, но Батанин не разрешил (в штабе в эту пору были только Вимба и Батанин, других не знаю). Сам Батанин закрутил здесь с молодой казачкой Дусей, а Гошка Михайлов — с ее матерью Марией. Дуся была очень красива, Батанин позже женился на ней, хотя в Тайшете у него осталась жена с детьми. В Нижне-Илимске простояли дней десять.

---

¹² Однорядка — русская широкая и долгополая одежда из одного ряда шерстяной ткани, отсюда название. Без ворота, с пуговицами или завязками. Застегивалась встык и, как правило, опоясывалась. Под длинными рукавами были прорехи для рук. Надевалась поверх зипуна или кафтана и играла роль плаща. Слово «однорядка» фиксируется с 1489 года (russkie-kostumy.livejournal.com).

Из беседы 15 ноября 1964 года

• У Тимофея Горяева трое детей: один сын, Василий Тимофеевич (подлеповатый, жив, женат в Чите), и две дочери: Ульяна (самая старшая, чем-то болела, и хорошие парни к ней не сватались, а плохих она отталкивала; была первой работницей в доме, но так и осталась старой девой. Жива!) и Наталья — жена Кочергина Георгия.

Семья Тимофея Горяева и наша были соседями, жили у самого конторского края Ловинки, а через дом от нас — мельник Ларион, охотник и рыбак.

• После бело-чешского переворота в Конторку приехал офицер в защитной гимнастерке, но без погон, фуражка с кокардой, а через нее белая ленточка. Собрали сход в волостной управе, что была в центре, где теперь школа, у переулка. Он говорил, что большевики хотели отнять у крестьян хозяйство, а крестьянину ничего другого не нужно, кроме хозяйства, ни каких свобод. Ларин — пожилой, среднего роста, с брюшком, без бороды — выступил в поддержку Временного правительства, против Советов.

— Ишь, нашлись товарищи. Какие они нам, трудовому крестьянству, товарищи?

Так же выступил и лавочник Малышев Михаил, что жил напротив новой винополки, чуть наискосок, в бывшем доме мясника поселенца Казанцева («???» — Черневский. — Е. С.).

Бич накануне приезжал к нам в Конторку, провел собрание в доме Филиппа Батранина (?), сказал, что на днях приедет с отрядом. И приехал по зимней дороге рекой (Н-Заимка — Коновалово — Синякино, у Конторской горы спустился на реку) на санях.

Насонов сразу сел на своего мухортого коня и поскакал по деревне объявлять, чтобы шли на сход в народный дом. Восстание! Меня в качестве караульного начальника послали разводить посты на санях. Арестовали четверых: Ларина, Малышева Михаила, Лубниных и отправили в Н-Заимку. Собрание продолжалось часа три. Тогда Бич и сказал, что надо разоружать охрану моста. Тех, кто оказался в Конторке из бирюсинцев, обратно не пустили временно. Но тут уже были Троезубов Макс и Москвитин Исаак Корнеевич. Они поехали вместе с нами в Бирюсу. Филипп Кобцев, присутствовавший на собрании в Конторке, принес и дал Ивану Козлову большие саперные ножницы, которыми мы и перерезали провода в будке у стрелочника. Стрелочник дремал у окошка, а дежурный — склонившись на стол. Мы сняли три или четыре телефона.

• В 1916 году я был ранен на австрийском фронте под Луцком и демобилизовался в том же году из госпиталя в Ельце Орловской губернии.

Из беседы 21 марта 1967 года

• Мы сняли на разъезде Суетиха в будке четыре телефона и аппарат Морзе (колесо).

• Не доезжая верст двадцать восемь до Нижне-Илимска (ниже) есть деревня Туба, откуда я и Федька Селифанов поехали верхом, а с нами один подвочник. До этого мы охраняли в этой деревне пост у деревенской церкви. Зверев в д. Б... (?) с отрядом уехал на край забрать брошенные Рубцовым в складе

ценности, и мы разминулись. Перед Н-Илимском — мостик. Когда миновали дом военачальника, у поскотины сторож нам сказал, что есть объездная дорога. Там-то, т.е. вернувшись обратно к мостику, и встретились со Зверевым.

- Как только мы приехали и переправились в Кондратьево, меня сразу, без отдыха, Игнат Козлов и Михаил Лачин послали в разведку обратно.

- Нижеилимского купца Черных звали Яков Андреевич! (Из газет.) Он тунгусов закабалит, а сам неграмотный. Особенно наживался на водке, пушнине.

- Партизан Якушев Иван Иванович из Старого Акульшета.

Из беседы 17 августа 1967 года

- Бич прибыл, как мне кажется, с небольшим отрядом, человек семь, точно из них помню Чемоданова (-ых? — Е. С.) Афеногена и Николая, и Ходю. Приехали на подводах прямо к Неизвестных Гавриле, который жил уже не в Лавинке, а в Конторке. Где и был штаб первые день-два, а потом все время в народном доме, бывший дом винопольщика¹³. Бич приехал под вечер.

- Омельченко был хозяйственником в волости, потом водил отряды, в частности гонялся за Николаем Федосеевым.

- Мы пошли в Бирюсу после того, как оттуда прибыл Максим Троезубов и просил Бича прибыть. Оружие собирали и сносили в сельскую, где был штаб (на углу Заэтапа и Тракторной).

- До Червянки мы ехали верхом, там сменили коней, дневали и поехали дальше. Заезжали в Надуй. В Червянке разоружили двух баерцев и отправили их в Шиткино. По пути до Червянки нам на горе встретился медведь. Делали привал, пили чай.

- Бурлов отдал нас Звереву потому, что с Паново первым шел отряд Зверева, и нужна была конная разведка. Командиром конного эскадрона у нас был сначала некто Шмелев, а позже Барсуков.

- Окладников — Рупасов был пожилой, из приискателей, хороший человек, курил трубку, но любил поврать... Я настаиваю на том, что он пошел с нами с Березово сразу. У него был клинок!

- Деда партизана Горяева — Горяева Ивана, как и его троих братьев: Сергея, Василия и Тимофея, в живых в революцию уже не было. Самым богатым из братьев был Иван Михалович, дед Иван Григорьевич, отец Григорий Иванович. Жива была только приемная мать Григория Ивановича — Харитинья Алексеевна (Сидорова), бабка партизана Малышева Василия — приемный сын Сергея Горяева. Григорий Иванович Горяев и Николай Ананьевич Бурлов — родные братья, взятые от одних родителей (Черневский: «???». — Е. С.). Тимофей Горяев был нашим соседом.

- Наш 1-й Приангарский кавалерийский полк сперва стоял в Жилкино, и командиром был Петр Буйлин — Барсуков, а потом влили и перевели в Звездочку, в 5-й Зиминский кавалерийский полк Навокшонова. Барсуков ушел

---

¹³ Винополка — винный магазин; винопольщик — человек, содержащий этот магазин.

к Бурлову. Когда пришли шиткинцы, мы стояли... Они вошли в Иркутск в грязь-распутицу, но в валенках. Мы против них были одеты лучше.

- Синякинский Панфил Яковлев (Самойлов) был у белых и под Усть-Кутом перешел к нам, а потом тоже попал к Бурлову и был в бою с Сергеем при его гибели.

- Савристов Никита очень смелый, пожилой, но... интересный. Он из дезертиров — нет, из пленных — румынской армии с германской войны. Его и еще одного румына привез с собой с германской войны Нефед Патрин, и они жили в Бирюсе.

- Буйлин и Федька Прокопьев (Дурцев) в Кондратьево хотели изнасиловать женщин, пошедших на луга доить коров. Об этом узнало начальство, и они бежали на Ангару, где к нам присоединились (?). Федька был труслив. Буйлин в детстве жил в Лавинке и вместе с Гошкой Михайловым работал на разъезде Венгерка.

- Серебряков был послан в Оглоблино в засаду, человек двенадцать (из Бадармы или Игирмы, где был сборный пункт отрядов). На нем был вещевой мешок, потому-то он утонул. С ним был Костя Сметанкин. Селиверст — его не родной отец.

- Был у нас в Конторке еще один пимокат, Филька, приезжий (Филипп Андреевич).

- В доме приискателя деревни Дворец Николая Попова жили партизаны Буйлин и Прокопьев.

- Нефед Патрин в партизанах не был, а его братья Андрей, Михаил и Флор — были. Андрей в лыжном отряде Жичкина вместе с Семеном Москвитинным (Портнихинским), Артемием Турановым, Толмачевым Дмитрием, Александром Семеновичем Мамаевым, стариком Коноваловым — Сапожниковым Александром (охотник). Он ездил в Шелехово за дробью и другими боеприпасами.

- Михаил Патрин был начальником обоза в Бирюсе (хозчасть) и в Шиткино. Фрол участвовал тоже, только до Шиткино.

- Когда повесили в Тайшете Морчана (до этого его водили по станции с лентой на груди «Разборщик пути» и заставляли выкрикивать: «Я разборщик пути»), шел пассажирский поезд. Из вагона, что встал у самого трупa, вышла женщина и стала требовать объяснений у румын, за что его повесили. Она стояла на подножке и держалась за поручни. Потом сошла, откинула рубашку и, увидев черное тело (он висел второй или третий день), набросилась на румын, требуя немедленно снять труп. Ее повели в комендатуру, но вскоре она вернулась, и труп сразу же сняли. Кто она такая — неизвестно.

- У тайшетского Огородникова (путеобходчик) два сына были белые офицеры, но не в наших местах. Их имена Иван и Пронька. В одну из первых разведок Андрей Патрин убил под разведчиком-чехом белого коня, которого мы пустили на общую кухню. Конь был жирный, а принадлежал он путеобходчику Огородникову. Это было перед самой бирюсинской поскотиной (ворота и будка), на Московском тракте.

- Самым богатым в деревне был кулак Сидоров *Сергей Степанович* (выделенное курсивом зачеркнуто. — Е. С.) Алексей Сергеевич. Сестра его отца,

Харитина Алексеевна Сидорова, была замужем за другим богачом — Иваном Михайлович Горяевым, дедом партизана Ивана Григорьевича Горяева.

**Разъяснения и уточнения к документам №№ 29, 30, 36
(август 1919 года) из сборника «Партизанское движение в Сибири»,
1925 года издания**

П. П. Проскуряков: Приняв 19 августа решение предпринять глубокий обход неприятеля, засевшего в Паново, и устроить засаду выше деревни Пановой, 20 августа наш отряд вышел из деревни Заимка. Переправились через Ангару на правый берег и ушли в бор, делая вид, что направились вниз по Ангаре. Бурлов с основными силами замаскировался в тайге, а человек пятнадцать направил в разведку по тропе в сторону Кежмы. Эта тропа находится примерно в одной-двух верстах от берега Ангары, на хребте, и проходит от Кежмы на монастырь (Кашино-Шиверский). В числе этих пятнадцати человек был и я, а также Михайлов, Пантюшка Савристов и Сметанкин Костя (трус).

Встретив какого-то крестьянина или охотника, мы нарочно спросили: «Где тут тропа на монастырь?» — делая вид, что нам на запад, а не на восток. «А вот немного на гору подымитесь, там с Кежмы и тропа по хребту».

Подшли к Игренькиной (Игреньковой, Егрениковой, Егранчиковой) горе, что в верстах в пятнадцати от Кежмы. Отсиживаемся в кустах, где тропа ведет к реке (Черневский: «Зачем?» — Е. С.). Вот тут-то и видим: плывет лодка, в ней двое. Это выше Заимки, верст тридцать. Мы посылаем двоих — лодка причаливает, один пожилой, лет сорок пять, приискатель в крестьянской одежде, коренастый, вышел и подает пакет. Второй сидит в лодке. Наши свистнули, и мы вышли из кустов. Вскрыли пакет. Послали одного в Бурлову с пакетом и велели передать, что будем дожидаться здесь (Черневский: «А где двое приехавших?» — Е. С.).

А. Ю. Черневский: Но ведь это могло быть только 21 или 22 августа, т.к. переворот в отряде Мамаева совершен 20 августа?

П. П. Проскуряков: Бурлов прибыл на следующий день, и не тропой, а низом по берегу. Тогда он и отправил двух человек — Брума и Редковского к Звереву (Черневский: «Тропой?» — Е. С.).

Около деревни Заимка, но на правом берегу (Черневский: «Острова или основного русла? Выяснить». — Е. С.) стоит деревушка в семь дворов — Сухая, а на самом острове, между Заимкой и Алешкино, — деревня Гусевка, через которую мы двинулись в Алешкино. Между Алешкинскими порогами и рекой Кова Медвежья шивера. По легенде, здесь когда-то в капкан — пасть попал медведь лапой, стащил бревно-ловушку с горы к реке и захлебнулся в воде.

В Оглоблино была казачья разведка или засада. Серебряков Дмитрий шел в числе двенадцати человек партизанской засады. В одной лодке с ним был Костя Сметанин, трус, хотя и большого роста, — он чуть не выскочил из лодки, когда стали стрелять, покачнул лодку, а Дмитрий и вывалился. На нем был полушубок, бобровая шапка, вещмешок и винтовка. Горяев был с ними, но не в их лодке (шитике¹⁰). Они плыли на двух лодках. Казаки выскочили из-за бани и начали обстрел.

Мать Дмитрия звали Федосья. Они с Лавинки.

ЛУКЕРЬЯ ЕФИМОВНА БУРЛОВА

(урожденная Яковлева)

**Родилась в 1888 году, жена отважного партизана Шиткинского фронта
Сергея Ананьевича Бурлова, кавалериста,
погибшего в бою с японцами под Читой в 1920 году.
Ныне пенсионерка, проживающая в Тайшете.
Беседа состоялась 2 сентября 1960 года**

Л. Е. Бурлова: Коды я родилась, сынок, не помню, не знаю, а только ныне мне 72 года, а замуж выходила за покойничка моего Сергея в 1910 году, еще перед германской войной. По-девичьи я Яковлева, а по-уличному Ковалева, Ефима Яковлева дочь. Теперича обскажу про свекра, Анания Максимовича, пахаря и кузнеца. «

Мать Сергея и Николая Ананьевичей, Графида Федосеевна, урожденная Григорьева, померла рано, и не знаю ее, Сергей остался от нее полуторагодовалым, а Николай, тот, конечно, побольше, годов пяти. В тот год, когда их маменька померла, я-то и родилась. А Ананий, свекор мой, возьми да и обженись на девушке акульшетской — Ненилой Афанасьевной ее величали. Жива была в ту пору свекруха моя, то есть в партизанщину жива, да. Нечего сказать, хорошая была женщина, да и свекор Ананий Максимович хороший человек.

А Николай Ананьевич женился рано, в 1908 году. Работал он в ту пору в Тулуне на телеграфном ремонте и привез оттуда жену себе, Зою Павловну (старше Лукерьи Бурловой), рыжую такую да махонькую, а сам великан! Народились у них ребятишки: Сережа приезжал года два назад — капля в каплю, вылитый отец, а потом доченька, Антонина, в 1913 году. В партизанщину Сереже было уже годов десять, а Нине лет восемь-девять. Других детей не было.

Он как обженился (свадьбу в Бирюсе гуляли), пожил маленько с молодой женошкой в деревне и подался обратно в Тулун, а вскоре тут почему-то и в Благовещенск убралась, на прииска. Карточку еще присылал — в большой просторной белой рубахе и броднях. Ну, настоящий приискатель! Оттуда и пробрался в Бирюсу в 1919 году, недели за две до восстания. Приехал в грязной шинелке, в углярках¹ пробирался. Все боялся, что арестуют. А у нас уж в деревне подпольщики работали.

Сергей мой пошел на германскую войну в 19... году, а воротился еще до перевороту, и жил дома, с лычками, старший унтер-кавалерист.

Как там, где чего было — не знаю, а только у нас стали собираться, все больше родня да соседи, стали говорить про власть.

Ходили к нам:

1) мои братья Яковлев (Ковалев) Тарас Ефимович, 1890 г.р., младше меня,

---

¹ Углярка — вагонетка, приспособленная для перевозки угля в шахте; тендер — прицепная часть паровоза для хранения запасов воды, топлива и размещения вспомогательных устройств.

- 2) Виктор Ефимович, молодой,
- 3) Кулаков Константин Федорович, друг Тараса,
- 4) Москвитин Исак Кузьмич,
- 5) Москвитин Федор Кузьмич,
- 6) Пахоруков Николай Дмитриевич, 1892 г.р.,
- 7) Трезубов Самуил (Троезубов?),
- 8) Ермаков Палин Андреевич,
- 9) (не читается запись. — Е. С.) — партизан.

(Черневский: «Записанные под номерами 1, 4, 6 значатся во втором подполье». — Е. С.).

А. Ю. Черневский: А Клементьев Петр Георгиевич, Ульянов Алексей Николаевич, Швырев Иван Ефграфич, Тураков Илья, Горенский Василий Васильевич — эти не бывали?

Л. Е. Бурлова: Нет, не были никогда. Может, они собирались где в другом месте, того я не знаю, а у Сергея не были. Приезжал два раза Бич. Раз до приезда Николая, а другой раз при нем. Бывал еще конторский Необъявляющий Николай.

А. Ю. Черневский: А братья Козловы?

Л. Е. Бурлова: Не были, ни Игнат, ни Иван. Но все эти люди, хотя к нам до восстания не ходили, а потом в партизанах были.

Были в партизанах также два других брата Троезубовы, Ознобихин Михаил, Турков Степан (а Сергей был молодой, подлежал призыву в колчаковскую армию и сбежал в партизаны, но фактически у партизан не был), Ермаков Павлин Андреевич, Петрунин Михаил, из 6-й роты Горенские Илья и Иван Васильевичи, братья Василия Васильевича, Бекарев Ефим (акульшетский, но женился на Лизе Егоровне Москвитиной, дочери Егора Давыдовича), Москвитин Федор Семенович, кооператор, помогал партизанам, снабжал их боеприпасами, а брат его Иван Семенович, был призван в германскую, дослужился там до офицера и был у белых офицером, но только не в наших краях.

Месяца за два до восстания женился мой младший брат Виктор Ефимович Яковлев на Марфуше Ознобихиной. Ее убило снарядом, который пробил ворота, пробил стену, вошел ей в живот, вышел в спину и воткнулся в угол дома не разорвавшись. Она увязывала узел с бельем, собиралась эвакуироваться. Мы с отцом Ефимом... поехали в Синякино, отец в дороге говорит, что Марфушка, наверное, передумала ехать. Вдруг под Соломинкой догоняет нас младший братишка, Михаил Ефимович, подросток, и говорит: «Тятя, Марфушку убило!».

Отец перепряг лошадей и поехал обратно в Бирюсу. Марфушку мы похоронили в Нижней Заимке.

Содня свадьба и началась подготовка восстания. Попом был, кажется, отец Иван, парализованный (а Николай был раньше и служил девятую пятницу²).

---

² Девятая пятница — неделя в православной седмице. В церковном календаре празднование Пасхального цикла заканчивается на Духов День, т.е. на 51-й день после Святого воскресенья. В то же время народный календарь продолжает праздничный счет дальше, отмечая девятую и десятую недели после Пасхи.

Тарас Ефимович Яковлев (Ковалев), Павлин Андрей Ермаков и Константин Кулаков — были большими друзьями. Все они были одногодки.

Летом 1919 года в Синякино у меня родился сын Сережа. Отец приезжал на Рождество на большой серой кобыле, весь увешанный лентами с патронами, повидать сына. В это время в деревне на тракте показался обоз. Емельян Кретинин заметил, поехал навстречу выяснить, кто такие, — оказалось, белые, каппелевцы. Емельян прискакал и говорит: «Каппелевцы!». Сергей выскочил — на коня и ускакал.

Больше мы его не видели. Погиб он, рассказывают, в селе Беклемешеве за Байкалом. Шли на разведку, вошли в поскотину, а тут была засада. Выскочили на конях японские кавалеристы, тьма их. Кобылица Сергея, когда надо было перескочить через заплот, т.е. через поскотину, упала. Японцы налетели и рубанули клинком, а потом, рассказывают, уши отрезали, всего изрубили. Когда наши вступили, узнали его только по френчику, мундиру.

Николая с ними не было в том бою, а были акульшетские Арсений Черешнев и Феофан (Филат, Филуха) Хлебников. Николай участвовал в похоронах, в братской могиле захоронили триста павших в том бою. Там, рассказывают, сейчас памятники и колхоз им. Бурлова... А раньше была у Сергея шустрая кобыленка, да выменял он на другую, на которой смерть нашел, а та была умная. Идет бой, спешатся партизаны, а кобыленка лежит на боку, лежит не шелохнется и прикрывает своим телом.

Осталась я с шестью детьми, один одного меньше: Августа — ... лет, Наталья — ... лет (жива), Екатерина — 7 лет, Анисья (Нина), Евдокия — умерла, Александра — 2 года (жива), Сережа — года не было умер.

Николая первая жена, Зоя Павловна, живет сейчас со своей дочкой Ниной Николаевной в Пермской области. Дочь заведует типографией, а Зоя Павловна уже старенькая, лет под восемьдесят. Сын, Сергей Николаевич Бурлов, — в Ленино-Кузнецке, физкультурник.

Родова Бурловых: Ананий Максимович — глава семьи; Нинила Афанасьевна — вторая жена; Графида Федосеевна — первая жена, умершая, когда Сергею был год с половиной, а Николаю пять лет, примерно году в 1888-м; Николай — старший сын, от Графиды, родился в 1883 году; Сергей — младший сын, от Графиды, родился в году 1886—87; Надежда — 1913 г.р., от Нинилы.

Белые, когда отступали, однажды решили задневать в Бирюсе. Небольшой отряд расположился в большом пятистенном доме братьев Москвитиных — Осипа, Егора и Петра Давыдовичей. Вдруг налетели партизаны и многих перестреляли, трупы свозили под берег к реке. Партизаны налетели со стороны Заозерной.

Купцы Мамаевы жили в Бирюсе до самого восстания, а потом удрали. Старик отец был еще жив, с ними же жил сын Павел, который все вынюхивал и доносил, и невестка конторского купца Кулеева дочери, жена Павла, Августа Степановна. Сергея Мамаева в деревне не было, он служил где-то у белых. Хозяйка в ту пору была уже помершей, ее звали Евдокия.

(Черневский: «Облик Лукерья Ефимовны Бурловой: среднего роста, лицо чистое, в 72 года еще молодо выглядящее, глаза голубые. Говорит чисто, довольно литературным языком, без сибирских провинциализмов. По ее при-

знанию, и раньше и теперь посещает церковь. Муж и родные называли ее Лушей.)

А. Ю. Черневский о бое в Беклемишево

Согласно воспоминаниям бывшего начальника штаба отряда Бурлова Федора Моренкова и бывшего разведчика И. Вотякова: «После разгрома каппелевского отряда под командой генерала Сукина, в феврале 1920 года, осуществленного совместно с Каландарашвили, бурловцы получили приказ перейти озеро Байкал и двигаться к Чите. Бурловцы вышли в село Харбатово, а затем через село Косая Степь пересекли Байкал и направились к Чите. В конце марта 1920 года отряд прибыл в село Беклемишево, в 60—70 верстах от Читы.

В ночь на 6 апреля семеновцы и японцы повели наступление на это село, окружили его. Застава бурловцев, стоявшая в десяти верстах, в количестве тридцати человек при одном пулемете, часа в два ночи обнаружила движение противника и немедленно послала донесение. Был дан приказ занять оборонительные рубежи. Японцы и семеновцы имели артиллерию и самолеты, хорошо вооруженную пехоту и кавалерию (японцев и казаков). Бой длился 12 часов, в результате партизанам удалось выйти из окружения и, отойдя верст шесть от Беклемишево, занять новый оборонительный рубеж.

На следующий день, при поддержке артиллерии прибывшего из Иркутска 12-го Иркутского полка, бурловцы повели контрнаступление и выбили оттуда японцев и семеновцев, освободив также села Иргень и Шакши. Взорам партизан предстала ужасная картина зверств интервентов и семеновцев. На улицах освобожденных сел лежали группами связанные проволокой, зарубленные саблями бойцы партизанского отряда, попавшего в плен к врагу. (Сергей Бурлов погиб 8 апреля 1920 года.)

Товарищей, с которыми был пройден весь боевой путь от границ Енисейской губернии до села Беклемишево, мы узнавали только по одежде», — вспоминают т.т. Моренков и Вотяков.

ИЛЬЯ ОСИПОВИЧ МОСКВИТИН

Родился в 1911 году, уроженец деревни Бирюса.

Беседа состоялась 25 сентября 1960 года

Мне было в 1919—1920 гг. девять лет, и я запомнил только один-два эпизода из периода отступления белых по Московскому тракту через нашу деревню. «

Это было в начале 1920 года. Дом моего отца Осипа Давыдовича Москвитина стоял на Мамаевке, на берегу, посреди улицы. Дом был большой, пятистенный. Так как вся деревня была сожжена, а наш дом уцелел, с нами жил дядя, брат отца, Петр Давыдович Москвитин, с семьей и их сродный брат, мой средний дядя, Петр Богданов. Лично наша семья состояла из отца, матери... Федоровны, ее отца, моего деда Балахонова Федора Павловича, лет семидесяти, меня и брата Михаила лет двух.

Однажды к нам в дом заехали отступающие поляки (Черневский: «???» — Е. С.). Офицер, с наганом, клинком и планшеткой, направился к стойке за конем, а дед не пускает. Офицер выстрелил в руку деду и прострелил ее, дед убежал и спрятался за лодкой. Офицер зашел в избу, мать у печи варит картофель, в горнице стоит отец, на руках у него Мишка.

«Где дед?» Открыли подполье, но поляки не полезли. Ушли, уходя, выбили прикладами и клинками окна, отец от испуга выронил Мишку.

Второй случай. Снова заехали поляки на пятнадцати подводах, разместились частью в огороде, частью на улице. В доме всех потеснили. Расставили часовых у обоза. Часовой замерз и вошел в избу, пригрелся, лег на голландку¹ и уснул. Утром налетели вершние партизаны брата Троезубовы — Макс, Самошка и Пронька и с ними Ульянов Алексей, обстреляли поляков — те бежать обратно в Конторку, а часовой на голландке проспал. Стал просить взять в партизаны, но его вывели и расстреляли (Черневский: «За это дом все-таки сожгли!» — Е. С.).

Я хорошо помню, что у реки Тайшетка, у водокачки была построена шестигранная будка-насыпушка или бревенчатая, где жил чешско-румынский караул водокачки (Черневский: «На старой насыпи, точно напротив водокачки. Бревенчатая, двустенная, засыпанная песком, с бойницами, шестигранная, внизу уже». — Е. С.)

Первый раз при сожжении деревни осталось 35 домов. Их подожгли позже, но все же четыре дома или пять осталось: наш, Лукерьи Коротич (Лука-

---

¹ Голландка — изначально облицованная кафелем или изразцами прямоугольная печь для обогрева комнат, имеющая вертикальные дымообороты и за счет этого высокую отдачу тепла. Традиционные рельефные печные изразцы заменили гладкие, расписные, голландского образца, отсюда и название исконно русской печи.

шиха), что жила со стариком и детьми на краю Мамаевки, Ивана Волкова — на краю Заэтапа, и Громовых (Черневский: «И стариков Тураевых». — *Е. С.*).

Помню также, когда партизаны готовили свою пушку, около нее вертелся все время Самуил Троезубов, который и был пушкарем.

Там, где теперь скотобаза, была заимка богатенького бирюсинского мужичка Прокопия Денисовича Вяткина.

Мой отец Осип Давыдович до обстрела и эвакуации мирного населения был писарем в бирюсинском штабе. Самый грамотный на селе человек, всем жалобы и прошения писал. (Черневский: «И даже на боевые посты ходил к линии; но Илья Иосифович не помнит, чтобы штаб был когда-либо в их доме, а где-то в центре, в доме Никона Горемыкина, где теперь контора. По рассказам... Федоровны Москвитиной, в их доме был штаб Бирюсинского отряда!». — *Е. С.*)

Семью отец вывез в Нижнюю Заимку, а после сожжения уехали на Авдюшевскую (Андрея Авдюшева и Петра Москвитина) заимку, где и прожили 12 лет! Однажды Илья и Мамаев, по кличке Бебич (Бобич?), нашли снаряд, и Мамаев — Бебич стал отбивать головку. Снаряд взорвался, головка улетела, а осколками ранило в грудь Бебича, но сознания он не терял (Черневский: «Потом вылечился» — *Е. С.*).

Дом купца Мамаева двухэтажный, с балконом со второго этажа внутри двора — на восток. На втором этаже жили, на первом — лавка: солнце в полдень светит в нее, освещая вход...

Над входом в лавку Кулеевых висели большие часы с кукушкой, которая отсчитывала время.

Во дворе сельской был флигель, в которой жила сторожиха, цыганка, и у нее жил Коля.

Мост был с ледорезом, но ниже теперешнего и круто в гору. Потом мост подняли, и гору срезали.

ПЕТР ИЛЬИЧ ПЯТАЕВ

Родился в 1898 году¹. Бывший партизан и партизанский фельдшер, ныне пенсионер, проживает в поселке Суетиha.

**Беседа состоялась 7 октября 1960 года
в присутствии жены П. И. Пятаева, Екатерины Сергеевны,
урожденной Сидоровой, бывшей партизанской медсестры**

После отступления из Конторки я попал в сформированный в Шиткино 1-й партизанский отряд Константина Москвитина в качестве отрядного фельдшера вместе с фельдшером Егором Критининым. Наш отряд переплыл на пароме в Шиткино на правый берег и пересек Чуну, двинулся прямо на Червянку — все верховые. Подробности и цель похода мною позабыты. Дошли до Паново и вернулись обратно. «

После этого я в составе того же отряда ходил в Юрты, под Юртами нас заметили и открыли огонь, и мы отступили. Шли всю ночь и к утру на рассвете пришли в Верхний Ужет. С нами в этом походе были медицинская сестра Марфа Рожкова и Дуся Швайдецкая. Женщины пошли в баню, а мы сели пить чай. Я только потянулся за стаканом, вдруг стрельба. Это наш часовой стрелял по подошедшим румынам, сбил коня и убил одного румына, а сам бежит и кричит: «Румыны!».

Высочили все на улицу, по деревне растянулись, мечутся партизаны. Командир Костя Москвитин кричит и показывает рукой, куда бежать — по огородам в тайгу. Я и Егор Критинин бросились через огород. У меня был большой тяжелый револьвер Смит на тоненьком ремешке. Когда перелезил через прясло², задел, ремень порвался, и Смит упал в траву. Перелез, вижу — нет оружия. Жалко бросать, а румыны уже на улице. Все же перелез, нашел Смит — и снова через прясло. А Егор Критинин целится из винтовки в румын. Я его удержал: не дразни, не отступят. Убежали в тайгу, соединились все, не уходим. Когда румыны ушли, мы снова вошли в деревню. Двадцать шесть домов сожгли интервенты, в перестрелке убили нашего хозяина, фамилию его забыл. Тут и наши сестры. Оказывается, они не успели уйти, и крестьяне переодели их в свою одежду, надвинули платки на глаза, в руки подойники — идут коров доить. Румыны по избам шныряют, всех спрашивают: чьи, откуда? «Это невестки наши».

В этой истории с нами был партизан первого отряда Сидоров Павел Сергеевич.

После этого похода, когда отряд пришел в Кондратьево, меня вызвал Бич и говорит, что поедем на Ангару, но не вверх, а вниз, на Богучаны (Черневский:

---

¹ Умер 25 сентября 1975 года.

² Прясло — изгородь из длинных жердей, протянутых между столбами, а также часть такой изгороди от столба до столба.

«Это было в августе, т.к. Бич 29.VIII. на съезде докладывал об этом». — Е. С.). Надо узнать, чем дышит там народ, как ведет себя отряд Яна Пепула (выделенное курсивом зачеркнуто Черневским и написано: «Бурлова?» — Е. С.). Выехали верхом на взятых лошадях.

Ехали не через Червянку, а по Кондратьевскому тракту. Между Кондратьево и Богучанами одна деревушка — Кежек. Собрали крестьян, провели собрание. Настроение у крестьян хорошее, обещают поддержать партизан. Поехали в Богучаны. Часть населения за нас, часть настроена плохо. Жалуются на Яна Пепула. Купец Толстой дал два мешка медикаментов. Навьючили. Поехали вверх до первой деревушки (Заимка?). Там все настроены плохо. Через Богучаны вернулись в Кондратьево (медикаменты взяли на обратном пути). Не доезжая до Кондратьево верст десять, стоит на тракте барак, где когда-то жили ссыльные — строители дороги. Смотрим, на бараке написано: «Жарников» — это наш горнист (бывший солдат 6-й роты).

— Это что же? Может, наших уже и в Кондратьево нет, отступили, — говорит Бич.

Задумались. Проехали еще немного. Не доезжая верст пять до Кондратьево, Бич говорит:

— Оставайся здесь, я один разведую, — и, хлестнув коня, поскакал.

«Вот шальной», — подумал я. Ожидал, что он пойдет на разведку пешком, а на коне рискованно. Волнуюсь, жду. Вдруг скачет Иван Андреевич:

— Все в порядке. Сейчас подвода подойдет, хватит тебе коня да и самого вьюками мучить.

По прибытию в Кондратьево я направился в свой отряд (в первый отряд Машукова), а Бич вскоре, почти сразу, пошел в Черчет с разведкой и тогда погиб. Это было под осень, мы уже на Ангаре ели свежие посоленные рыжики, был покос, началась уборка урожая.

Один из ходивших с Бичом на разведку в Черчет партизан, Михаил Необъявляющий, жив, живет в Тайшете по ул. Кирова. Он может многое рассказать.

После этого, в сентябре, когда в поле лежали бурты картофеля, я снова ходил с небольшим отрядом Степана Петрова, человек в пятнадцать, в разведку на Конторку.

Затем я стоял в Лапино с отрядом уже не в качестве фельдшера, а в качестве бойца. Помню, не то наш взвод (Пахорукова Николая) или весь отряд Машукова выдвинулся на Долгомостовский тракт и стоял там долго, ожидая белых со стороны Долгого Моста. Это было... (примерно в октябре?).

Позже из этого отряда был избран в ноябре в суд военно-революционного трибунала. Мое донесение начальнику первого отряда с постановлением трибунала объясняется тем, что суд был в Кондратьево, а отряд в Шалаево-Лапино, а меня обратно не отпустили, а оставили в Кондратьево в госпитале. С тех пор я работал в госпитале. Со мной работали:.. (фамилий нет. — Е. С.).

Никого из тех, кого мы тогда судили, не помню, кроме Максима Лебедева, коноваловского крестьянина, которого освободили из-за недостатка улик.

Это был брат предателя Л.И., Николай Кулаков, расстрелянный, это мельник из деревни Тремино, Архип Свириин — тайшетский рабочий, партизан.

Среди других лиц, предъявленных вами по другим документам, хорошо знаю Даниила Загородного — это большевик, слесарь из Канска, вел большую пропагандистскую работу в отрядах, находился при штабе в тылах. Ракитин — акульшетский (Черневский: «А не черемшанский?» — Е. С.). Севостьянов Андрей — активный партизан, пожилой, лет сорока, из Черемшанки или Михайлово-Шахово³.

Хочу сказать несколько слов о председателе трибунала Комайликове. Он откуда-то из Нижнеудинска или Байера, откуда Страус Пелагея. Лет тридцать (моложе Машукова), высокий, худощавый, тонкий, черный, с усиками. Очень энергичный и справедливый, разбирался тщательно, ездил, расследовал и проводил разъяснительную работу.

Машуков встретился нам где-то в районе Шалаево, после нашего возвращения с Ангары (с отрядом Москвитина). Он ехал на своем коне, и с ним были еще один или два партизана, все они с Тасеевского фронта, но как попали к нам, не знаю. К нему отнеслись с недоверием, и только после освобождения Бича его оценили и назначили командиром большого отряда, а позже командующим. Выше среднего роста (ниже Комайликова), тоже худощавый, но не тощий, как Комайликов, а мускулистый, блондин, лет тридцати пяти. Он заболел тифом, когда мы стояли в Нижней Заимке, а Красная армия подходила к Тайшету. Его отправили в Тайшетскую больницу, где он и умер.

Колосов — машинист водокачки, огромного роста, пожилой.

Я был дважды делегатом партизанских съездов: в декабре 1919 года в Бузыканоно, где вошел в комиссию по выработке инструкции военно-революционного трибунала (вместе с Басурманиным, Колосовым и Маевским).

Перед самой эвакуацией в Тайшет госпиталь из Кондратьева перебазировался в Кадарею, в двенадцати верстах ниже Кондратьево по реке Чуна (январь 1920 года). А штаб в это время стоял в Савино (Черневский: «Кондратьево» — Е. С.)

Где работали другие медицинские работники? При втором партизанском отряде Кривоулицкого: Федор Москвитин конторский (Черневский: «Бирюсинский». — Е. С.), старший фельдшер, Илья Соловьев — костюмаровский, фельдшер, Сидорова (Грызлова) Екатерина Сергеевна, Дуся Яковлева (Вербинцева) и Женя Москвитина. В Кондратьево, в госпитале: Никитин, Романовский, Денисова, Дуся Горемыкина, прачки-уборщицы Марфа Москвитина и Таня Критинина (средняя сестра Егора Критинина, с самого начала, с Бирюсы, шла с партизанами). Где были Флора Свенская и Позднин, не знаю.

В самом начале движения в Конторке активное участие в организации отрядного прифронтового госпиталя приняла пожилая женщина, но не Повликайтис, а другая фамилия, она была сестрой, но с отрядом не отступала, а после, говорят, служила белым (она ловинская). (Черневский: «Повликайтис Анна Михайловна!» — Е. С.)

Когда наш первый отряд стоял в Кондратьево (Черневский: «А когда именно?». — Е. С.), я жил в одной избе с Швайдецкой и Рожковой. При отступлении

---

³ Деревня Михайло-Шахово основана в 1900 году. По данным на 1921 год, 58 переселенческих хозяйств, 303 жителя (152 муж. и 151 жен. пола).

Шура Денисова... с нами в Конторке, а Дуся Горемыкина и Женя Москвитина в Нижней Заимке.

Отдельные эпизоды и замечания

- Басурманин очень безобразничал со своими «лесными братьями», грабил, облагал, убивал. Однажды, когда он прибыл в штаб без отряда, его хотели разоружить, но он стал угрожать, и его не тронули. Но позже разоружили, и он был рядовым партизаном, но подвизался в штабе.

- Был у нас на Чуне проводником бывший ссыльный Павловский, женившийся на тунгуске. Он стал хорошим охотником, вместе со своей женой. Женился он где-то далеко на Севере, куда ходил на охоту. Там с ним случилась несчастье — напал медведь и до полусмерти истерзал его. Жена ходила за медикаментами за несколько сот верст. Он носил следы этой трагедии: лицо было страшно изуродовано. Позже переселился в Тайшет и продолжал заниматься охотой.

- Ермаковых было два партизана: Павлин Андреевич и его брат Илья Андреевич.

- Петр Иванович Яковлев (Вербинцев) подвизался при штабе в Конторке, но после отступления в движении не участвовал.

- Сафронов — это бирюсинский, Лешка, или Алексей Яковлевич, сын зажиточного крестьянина Якова Софронова. У них была заимка, где теперь деревня Софроновка. Уличная фамилия Тоболиковские (Тоболики, переселенцы из Тобольска).

- Подвизалась в отряде эвакуировавшаяся из Нижней Заимки учительница *Маруся Буриштейн* (выделенное курсивом зачеркнуто Черневским. — Е. С.). Она забеременела от Кости Москвитина (бугай), и он хотел отправить ее домой в Нижнюю Заимку. Тогда она симулировала утопление в реке Чуна, в деревне Савино. Вошла по колено в воду и орет: «Спасайте, тону!». Вытащили из реки, и все же Костя отправил ее домой.

- Позднин путался с Марфой Рожковой, но это еще раньше, в Нижней Заимке, и во время отступления (Черневский: «А по Никитину, с Варварой Приваловой». — Е. С.).

- Тимошечкин Михаил Ильич — тайшетский рабочий, фамилия настоящая. Был завхозом центрального госпиталя в Кондратьево, делегат съезда в селе Петропавловка 12 июля 1919 года, где был избран членом следственной временной комиссии для расследования дела Критинина и Зверева.

- Когда меня выделили в суд, отряд стоял в Шиткино.

- Когда я пошел на Ангару с Костей Москвитиным, взял себе кличку Фиш.

(Черневский: «Пятаев с Бичом ездили на Ангару за медикаментами в период с 15 по 29 августа (по новому стилю) 1919 года. См. документ от 15.VIII.1919 г.»)

ЕФРОСИНЬЯ ФЕДОРОВНА ПИНЧУК

Родилась в 1884 году.

Свидетельница событий, бывшая крестьянка хутора Гишук.

Беседа состоялась 11 октября 1960 года верстах в семи от Тремино

В 1912 году перед Петровом¹ (по новому стилю 12 июля) наша семья, то есть семья моего свекра Пинчука Ильи Яковлевича, приехала из Белоруссии (Минский уезд, Бобруйский уезд, *Рогачевская волость*, деревня Оленье (выделенное курсивом зачеркнуто Черневским. — Е. С.) и поселилась на участке Гишук², между Джогино и Тремино (*Шелаевская волость*, Канского уезда, Енисейской губернии). До нас здесь была заимка треминских старожилос Ермила Мутовина и Кирилла... и стояло зимовье. Этот участок был нарезан на восемь душ (мужчин), а семья свекра как раз и состояла из восьми мужиков, а всего из тринадцати человек:

1) Пинчук Илья Яковлевич, глава семьи, мой свекр;
2) его жена, свекровь моя Федора Марциновна;
3) Анисим Ильич Пинчук, самый старший сын свекра;
4) Анастасия Максимовна, его жена, и с ними двое детей — мальчик и девочка (они тем же летом уехали, т.к. случилось наводнение и они не захотели здесь жить);

5) Тимофей Ильич, второй сын свекра;
6) Александра Егоровна, его жена, и дочь Мария двух лет ;
7) Макар Ильич, третий сын свекра, мой муж;
8) я, и с нами дочь Таня, двух лет на третий (в 1919 году ей было 9 лет);
9) Александр Ильич, самый младший сын свекра, холост, парень, 1892 г.р. («В 1912 г. — 20 лет, в 1919 — 27 лет» — подсчеты Черневского. — Е. С.).

Перед войной к нам в Гишук переселился из Черчета племянник свекра, сын его родного брата Исака Яковлевича, Пинчук Алексей Исаакович, с семьей.

В 1919 году на Гишук было три хозяйства (три семьи): свекор с сыновьями Тимофеем и Александром, мы с мужем и Алексей Исаакович (из Черчета). У нас уже был второй ребенок — мальчик Петр, 1915 г.р.

На Кучетарах³ (Кочетар?) был хутор двух латышей — Яна Пепула, Фогеля, бутовца. У Пепула была сестра Эмма.

¹ Петров день — день святых апостолов Петра и Павла в народном календаре славян, приходящийся на 29 июня (12 июля) В славянской традиции Пётр и Павел являются парными персонажами, которые часто могут выступать в едином образе: Петр-Павел, Петро-Павло, Петропавля.

² Гишук — хутор вблизи Джогино, основан в 1913 году. По данным на 1917 год, 3 переселенческих хозяйства и 12 жителей (5 муж. и 7 жен. пола).

³ Кочетар — хутор на Бирюсе между деревнями Черчет и Пойма, основан в 1912 году. По данным на 1917 год, 1 хозяйство и 4 жителя (3 муж. и 1 жен. пола).

Во время партизанщины за рекой, на правом берегу, между Тремино и Пищуком, обосновался партизанский отряд Саньки Басурманина, который жил с треминской вдовушкой-солдаткой Клавдией Мутовиной, невесткой Ермила Мутовина (у нее был сын Федька, парнишечка лет...).

В его отряде был бузыккановский Петр Кочетов (Каверзин) и бирюсинский Михаил Ознобихин. Других не знаю. А эти двое и Басурманин часто наезжали к нам верхом на конях, переплавившись через реку. Даже иногда гнали у нас самогон.

Помню, раз они трое были в нашей избе — двое едят, а третий, Петр Кочетов, смотрит в окно, нет ли чего подозрительного. Глядевший в окно заметил едущих с Джогино по тракту не то чехов, не то румын — «Белые!». Выскочили из избы, вскочили на коней — и вскачь на Тремино по кустам. Белые не заметили. Входят в нашу избу: чехи и русские казаки. Чех спрашивает, давно ли были здесь большевики. «Были вчера, — говорит мой муж Макар. «Зачем были, что делали?» — «Еды, харчей потребовали и уехали». — «Хорошо ли вооружены?». — «Дробовики одни да лапти, а то и босые, другие вовсе без оружия». Тогда русский белогвардеец говорит: «Врешь, вон следы свежие» (дело было после небольшого дождичка).

Поскакали вслед. В Тремино, говорят, нагнали, те побросали лошадей и ушли вплавь под огнем. Водчиком у белых был обычно, кроме нижнезаимских кулаков, треминский мельник К.Н.Г.

Однажды в пору жатвы, когда на правом берегу за рекой [уже] убрали хлеб Ермил Мутовин с женой Агафьей Александровной (невестка была в партизанском лагере с Басурманином), а подальше за ними [еще] жали Васька Каверзин (по-уличному Шамшин) с женой молодухой, в Тремино приехали румыны. Взяли Николая Кулакова, он переправил их на правый берег. Один — не то румын, не то русский — переоделся в крестьянина, надел накомарник и пошел вперед. Подходит к старухе Агафье Мутовиной: «Где партизаны? Скорее спрятаться надо, румыны гонятся». — «А вон там, Санька только здесь был, беги туда». Тот побежал и спрятался в кустах.

Следом идут румыны, с ними Кулаков, да еще Кламан из Джогино (?). «Где партизаны?». — «А кто их знает, не видали, не знаем». — «Ах, не знаешь! А большевика видела, пробежал». — «Не видела, никого не видела». Тут появляется «беглец», снял маску-накомарник. Все раскрылось. Стариков схватили и погнали, переправили и стали бить. Ермила был хромой, спотыкается, а румыны их гонят и бьют. До полусмерти избили, догнали до Копанки, почти до самого Тремино и бросили избитых. Провокатор после Мутовиных дошел до Васьки Шамшина и тоже спрашивает, но тот похитрее: не знаю да не знаю.

Вскоре после этого (или перед этим) шло целое войско румын. Едут смело, развязно. Остановились в Пищуке, попили молока, а когда ехали обратно — кругом охранение, не останавливаются. Они везли много раненых на носилках между двумя верховыми. Это их побили под Черчетом. На телеге везли Бича. За румынами ехала кухня. Вел их К. (с Тремино на Черчет и из Черчета на Джогино).

(Черневский: «Вскоре после этого К. арестовали партизаны, судили и расстреляли. По документам, он был назначен к суду еще решением съезда

от 29 августа — на 10 октября, но фактически его судили 16 ноября 1919 года, в Кондратьево. Ревтрибунал в составе Комайликова, от отрядов Дмитрия Толмачева, Григория Никулина, Вл. Швайдецкого, Максима Лачина, Данила Загородного и Тимофея Тимофеева. Постановили: предать смерти через расстрел, что приведено в исполнение 17 ноября в 8 часов утра». — Е. С.)

Забыла сказать: когда румыны спугнули у нас Петра Кочетова, Ознобихина и Басурманина, мы, бабы, вышли в красных кофтах. «Красные? Где хозяин?». — «Дома» (он болел малярией). «Партизан? Большевик?» — «Что вы, что вы! Какой я большевик».

Алексей Исаакович Пинчук после наговорил Басурманину, что мой муж Макар предавал партизан, а сам в 30-е годы был в банде, и его взяли с концом. Его арестовал Феняга Чемоданов (Афиноген).

Однажды поймали чуваша Моисея Орлова: «Знаешь, где партизаны?» А он плохо говорит по-русски, хочет сказать «не знаю, не могу сказать», а получается «знаем, не можем сказать». Его лупят, а он свое.

Семья Петра Кочетова — жена и двое девочек — жили у нас целую неделю, а потом переехали в Тремино.

(Черневский: «Пинчук Александр Ильич, 1892 г.р., в случайной беседе с нами добавил, что в 1919 году на Гишукке все эти люди действительно жили, не назвал только Пинчука Анисима Ильича. Почему? Выяснить!» Дописано позднее: «Да потому, что они уехали в 1912 году обратно на родину!». Еще одна запись: «Пленного Бича в 1919 году провозили через Гишук!». — Е. С.).

ИВАН ИВАНОВИЧ ДМИТРИЧЕНКО

**Родился в 1902 году¹, бывший житель деревни Щетиновка,
Шелеховской волости, ныне рабочий
отдела рабочего снабжения (ОРС) Бирюсинского лесозавода.
Беседа состоялась 13 октября 1960 года**

В 1917 году, после свержения царя, но до Октябрьской революции, т.е. в период Временного правительства, наша семья и еще... семей переселились в Сибирь. Вернее, выехали на поселение, но под Пермью, не доезжая ее, были задержаны Красной армией, воевавшей с войсками Сибирского временного буржуазного правительства, — бело-чешский переворот застиг нас в пути.

На пароходе нас доставили «без копыя» (т.е. без конвоя) в Пермь, а оттуда в большое село Чит с каменными домами, где была церковь. Нас собралось здесь семьдесят семей беженцев. Однажды, когда наши представители беседовали с председателем с/с, зазвенели окна — это кулаки подняли восстание и свергли советскую власть в деревне, зная, что на подходе белые. На тракте сделали завал, вооружились, и когда из Перми ехали пятнадцать красных на грузовике, зазвонили в набат. Вооруженные крестьяне — все взрослое мужское население — ушло на завод, а когда стало смеркаться, ударили по селу, убили пулеметчика, и красные отступили. Но вслед за этим пришла крупная часть, и всех восставших, кроме детей и стариков, перестреляли. наших многих взяли, т.е. уговорили пойти добровольцами на передовую. Пошло тридцать человек, а вернулось десять, двадцать погибло. Красные отступили под ударами белых. В село ворвались белые с черными знаменами с белыми буквами, и нас пропустили в Сибирь.

В Тайшет мы приехали в 1918 году в Покрова — 14 октября. В этот день выпал и остался лежать снег. Приехали на участок Щетиновка, где было тридцать пять домов старожилов и много переселенцев (верх был уже за переселенцами).

Однажды в Щетиновку (деревня Рождественка) вернулись дезертиры, мобилизованные еще до Колчака, Лесняк Михаил и Чернышов... Староста Тимофей Шпак арестовал их и отвез в Тайшет — избили и вернули. Но когда началось партизанское движение, Тимофей Шпак стал на сторону партизан, т.к. стали приходить дезертиры, его родственники. Кроме настоящих партизан, которые были в Серафимовском и Бирюсинском отрядах, у нас были еще, как мы их называли, «домашние партизаны» — во главе с Безбатькиным Павлом (старожил). Он носил большую черную бороду.

Действовали они, главным образом, когда отступали обозы белых. Однажды одна подвода белых — два офицера и татарин-пулеметчик — сби-

---

¹ Умер в 1961 году.

лась с Тинского тракта и попала в нашу деревню. Татарина зазвали в избу Безбатькина трое «партизан» и решили убить. Потасили в баньку, а он закричал, выскочили офицеры из другой избы — «партизаны» разбежались, причем сам Безбатькин забежал к соседу и остриг бороду, переоделся в его одежду. Белые в это время рыщут по домам, ловят покушавшихся, а Безбатькин ходит между ними, — не узнают. Один из участников покушения, Федор Шпак, долго прятался в подполье, а потом вышел, и его схватили, привели к татарину, тот узнал.

Пузанов Макар (Архипов), молодой крестьянин, из любопытства ходил из избы в избу и случайно зашел в избу Безбатькина, когда еще они не покушались, а потом, когда стали ловить, сманил меня: пойдём на гору, на остров, от туда будем смотреть. Пошли. Белые заметили (подъехал их основной отряд), и двое конных погнались за нами, я скрылся, а Пузанова Макара схватили и привели. Татарин, видевший его заходившим в избу, посчитал соучастником. Его и Федора Шпака вывели за деревню и расстреляли.

Наш щетинкинский мельник Мельников Осип и шелеховский Шимко были в одной части у Колчака. Мельников сбежал, а Шимко попал в Щетиновку вместе с отступающими белыми. Его хотели расстрелять, как всех, но Мельников выручил.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА ФЕДОСЕЕВА

(урожденная Мутовина)

74 года, старожил села Конторка, Канского уезда.

Беседа состоялась 18 октября 1960 года

» Мой дед Давыд Мутовин, старожил деревни Треминой, с сыном Иваном и братом Василием Мутовиным переселились к концу прошлого века в Конторку, где Иван Давыдович женился на конторской крестьянке.

Это были мои отец и мать, у которых я родилась в 1886-м или 1897 году. В... году я вышла замуж за одного из семи братьев Федосеевых — Филипповых, Гаврилу Филипповича Федосеева. Он был вторым по старшинству из братьев, а самым старшим был Максим. За ними шли: Николай (известный партизан); Егор, был на германском фронте; Кондрат, пришел с германского плена после Романа; Роман, первым пришел с германского плена по покосу — шел сенокос; Иван (1895 г.р., он же Яков), убит в начале германской войны, была похоронная.

Все семь братьев были на германском фронте. Николай вернулся первым, еще до революции, т.к. у него оторвало палец и ранило в позвонок. С тех пор его звали Николай Беспалый.

Когда мой муж был на фронте, у нас жил Бич с семьей, а когда вернулся Гаврила Филиппович, мы ему отказали, и он перешел жить рядом, к Горяеву Василию.

В партизанах был один Николай Филиппович, да и то все лето скрывался в Соломинке, куда все Федосеевы и мы выехали, когда начался обстрел Конторки.

Однажды приехали румыны: «Где Николай Беспалый?» — вычитывают по списку. А он спал неподалеку, за деревней, в кустах. И как только не увидели! Проверили пальцы у всех мужиков. Тягали Николаеву жену и Гаврилу, да и других (жена Николая Мария Никитична).

Однажды был у нас Николай, а Гаврила вышел во двор и услышал, что едут румыны (это было по покосу), вбежал в избу и говорит Николаю: «Беги, румыны едут!». — «Где?». — «Слышь, горгочут?».

Николай убежал в тайгу, а мой — на гору и начал косить.

Румыны приехали и спрашивают меня: «Где хозяин?». — «Вон на горе сено косит, где ж ему быть?».

Отдельные эпизоды и замечания

• В Соломинке в ту пору жил Проскуряков Изот Павлович с женой... Андриановной, урожденной Горенской... артельный староста станции Суети́ха, живший в казарме и сбежавший после расправы с ни в чем не повинными рабочими. Его жена была дочерью Горенского Андриана

(Елизарова брата). У нее был первый муж Москвитин Николай, убитый в японскую войну.

- Максим, самый старший из братьев, пришел с германской войны при советской власти. Старый холостяк, тогда лет сорока. Женится уже после пожара. Егор привез с германской войны жену-полячку. Роман и Кондрат были тогда еще холостяками. Иван, он же Яков, самый младший, пропал без вести на германской (Черневский: «Нет, была похоронка». — Е. С.).

Все шестеро братьев из семи (т.е. кроме погибшего Якова-Ивана) были в партизанщину уже дома. Гаврила и Николай жили отдельно, а Егор, Кондратий, Роман и Максим — эти четверо вместе, т.к. один Егор был женат.

Все Федосеевы жили в центре Конторки. Рядом с ними Неизвестных Гаврила Романович с женой Марией Андреевной (Бич) и Троезубов Илья.

ИЛЬЯ ВАСИЛЬЕВИЧ КАВЕРЗИН

**Родился в 1901 году¹,
бывший житель деревни Тремино, Шелаевской волости.
Партизан, ныне персональный пенсионер,
проживает в Красноярске, ул. Стадионная, д. 33, кв. 19.
Беседа состоялась 8—9 ноября 1961 года в Красноярске**

В 1918—1919 годы у нас, в нашем доме, жил на квартире с семьей Иван Андреевич Бич (точно не помню, когда он к нам приехал). Поэтому я хорошо помню, что у него еще до начала партизанского движения собирались большевистски настроенные Станислав Свенский (из Шиткино), Иван Назарович Половинкин (я его знал тогда как Воронина) из деревни Ключик и наш сельский учитель, политссыльный Владимир Иванович Швайдецкий.

Мне тогда, в 1918 году, 17 лет, я уже курил трубку. Однажды Бич сказал мне, что надо съездить в Канск, явиться по указанному адресу и передать пакет, а оттуда привезти то, что мне там дадут. Точного адреса я сейчас не помню, но помню — не то Кузнечные ряды, не то Кузнецкая улица. Фамилия человека также не была названа. В однорядку был зашит пакет с пятью сургучными печатями (Черневский: «Мало вероятно!». — Е. С).

Меня определили к партии новобранцев, мобилизованных Сибирским временным правительством (1899 или 1898 года рождения), которых повез шелаевский сельский староста (или писарь) Свичкоренко. Ему сказали, что я еду к какому-то земляку, а он, мол, пусть везет меня под видом новобранца, а то так не проедешь. Я был хоть и не большого роста, но здоровяк, широк в плечах и мускулист.

До Тайшета ехали на подводах, а оттуда в товарных вагонах. В Канске выгрузились, и я пошел своей дорогой. Нашел Кузнечную, нужный мне дом, постучал три раза, как было сказано. Открыл мне высокий пожилой, седоватый мужчина, и я сказал ему нужные слова. (Можно допустить: «Здесь живет дедушка Пахом?», если скажут: «Здесь», сказать «Сват Таежный просил на работу меня определить».) Тогда он спросил: «Что привез?». Зашли в дом, расшили и достали пакет — что там было написано, не знаю.

Переночевал я у него, а на утро в то же место вшили пакет. И хозяин мне велел переправиться через Кан перевозом на пароме, а лодкой. Но когда я шел к реке, нагнал обоз, — ехали наши шелаевские (или лапинские), родня Порохняк. Я сел к ним на воз и благополучно переправился. Мы вернулись в Шелаево Долгомостовским трактом, а с Шелаево я пришел домой пешком и передал пакет Бичу и Швайдецкому. Они меня похвалили. Было это примерно в сентябре 1918 года. Потом меня с тем же послали в село Долгий Мост.

---

¹ Умер в 1964 году.

Когда же открылся фронт в Бирюсе, Бич предложил мне идти в отряд, и я попал в Бирюсу. Участвовал в диверсиях на железной дороге.

Однажды, под командованием К. Москвитина, мы вышли на диверсию к самой станции Суети́ха. Некто Сучков принес из Тайшета в разное время два ящика — один с динамитом, а другой с двумя снарядами, которые мы «начинили» пятью килограммами динамита каждый. Я до этого не видел динамита, и когда вскрыли ящик, спросил: «Это что, мыло такое, что ли?». «Это мыло, от которого взлетит в воздух броневик белых», — ответил Костя Москвитин.

Динамит и снаряды передал рабочий депо станции Тайшет ссыльный поляк Ян (Иван) Ручинский, снаряды он сам изготавливал. Сучков — тайшетский. И мы действительно взорвали самодельный (насыпной) броневик из трех-четырёх вагонов. (Черневский: «Значит, кроме «Орлика» были самодельные броневики. «Тайшет». — Е. С.).

Участвовал я в бою красильниковцами на болоте. Помню, шли они очень храбро, «походным маршем» — беляки в черных шинелях и кубанках (с опускающимися полями), а на рукаве череп со скрещенными костями. Но были среди них и в серых обыкновенных шинелях. Лыжники и пешие обходили их чаще. Уложили очень много. До этого у меня была четырехлинейка — однозарядная «петровская» винтовка, но обрезанная, короткая, в виде штуцера². В этом бою, в чаще, я добыл себе драгунку³. Командовал боем Матвей Кретинин.

Когда готовилось наступление на Тайшет, я был в Бирюсинском отряде, вышедшим к реке Тайшетка. Чем это кончилось, вы знаете. Я считаю виновником провала Матвея Кретинина — он сам напился пьяным и многих спойл. С нами были Яков Миронович Москвитин и Игнат Козлов.

После позорного провала этой операции я попросил Бича перевести меня из Бирюсы, из отряда Кретинина (из взвода Кретинина) в Акульшетский отряд. И меня перевели, но в Акульшете я ни в каких операциях не успел поучаствовать, так как попросил отпуск, повидать родных, и ушел в Тремино (плыл на плоту вместе с Карлом Кальманом из Шиткино до Тремино), а вскоре началось отступление.

Во время отпуска в Тремино я узнал, что у наших односельчан, у некоторых, есть еще оружие, зашел к ним и объяснил, что если это оружие найдут партизаны, будут неприятности, а если найдут белые — смерть.

---

² Штуцер — специальные крупнокалиберные ружья с нарезными каналами стволов.

³ Первоначально винтовка Мосина образца 1891 года. В России винтовка этой системы была трех образцов: пехотная, казачья и драгунская. Гораздо позже, в 1907 году, был выпущен кавалерийский карабин.

Винтовка для вооружения драгун, кавалеристов, способных также действовать и в пешем строю, короче, легче пехотной и приспособлена для удобного ношения всадником на всех аллюрах.

Губанов Александр отдал итальянскую винтовку вервельтье (?) и гранату Миллса⁴. Он был старый фронтовик, сочувствовал, но сказал, что наматался по фронтам и не в силах больше воевать. Каверзин Евграф, зажиточный крестьянин (Евграф Тихонович), достал из закрома⁵ с пшеницей наган в кобуре, совершенно новенький, вороненый (об этом мне проболтался его сынишка, когда увидел на мне драгунку). А в прочем, нет, драгунку я сдал в Акульшете, когда шел в отпук.

Во время отступления Басурманин меня и прибывшего ко мне Елизара Киселева решил обратно с собой забрать, но мы оба в это время сильно болели малярией, не могли ни идти, ни ехать и отказались. Тогда Басурманин отнял у нас оружие и отхлестал своей нагайкой с овечьей ножкой, принудительно забрал с собой и привез в Шелаево. Честно скажу, что после этой экзекуции малярию как рукой сняло. Но Басурманина после этого судили, все это ему припомнили.

При переформировании на 33-й версте было создано четыре отряда (это уже после возвращения с Ангары Москвитина — Зверева): I отряд Машукова, II отряд (летучий) Прокопия Дмитриевича Криволицкого, III отряд Зверева (или Кретинина Матвея), IV отряд Воронина (Половинкина), вместо заболевшего Бича.

Я был в отряде Воронина.

Дальнейшие события — бесконечные передвижения с места на место, мало содержательные — плохо запечатлелись, памятни те, которые развивались позже, перед соединением с Красной армией.

В конце декабря мы стояли под Тайшетом, а штаб находился в Шиткино. Я был в 3-й роте. Наша и 2-я рота обезоруживали отступающих колчаковцев, перехватывая их на трактах и других дорогах. Нашу роту целиком (240 человек), где командиром был солдат или унтер из 6-й роты Михаил Бобров, и половину второй роты (120 человек), где командиром стал Кольцов Михаил (тоже из 6-й роты), вызвали в штаб в Шиткино. Здесь нас отправили на ликвидацию пробирающейся из Алзамая на Николаевский завод части Морского полка с обозом. Нашу роту и полуроту в том составе, как есть, и с теми же командирами пополнили отдельным лыжным отрядом (полуротой в 120 человек) под командой Кочергина Василия (по-уличному Тарасенков). Командиром всего отряда был назначен Коган (но не еврей), лет сорока. До этого я его не видел, но знаю, что он из 6-й роты. Возможно, что это его партизанская фамилия. Человек очень грамотный.

---

⁴ Граната Миллса — британская ручная осколочная граната, первая в истории британской армии. Разработана в Великобритании в 1915 году морским инженером и взрывотехником У. Миллсом. Предназначена для поражения живой силы в оборонительном бою. Самая массовая граната Первой мировой войны, всего произведено 70 миллионов штук.

⁵ Закрома — отгороженное место в зернохранилище или амбаре для ссыпания зерна, муки и т. п.

Сказали, что в Неванке есть наша кавалерийская застава, человек пятнадцать, под командой Николая Шалыгина и Степана Завязкина. Нам дали направление движения, и в ночь на 2 января мы выступили из Шиткино.

Вот как прошел этот поход и Чукшинская операция.

Весь отряд в 480 человек под общим командованием Когана 2 января (по старому стилю) выступил из Шиткино по Неванскому тракту на санях. 5 января вечером мы благополучно прибыли в деревню Мироново что южнее Неванки, вверх по Чуне. Здесь узнали, что большой отряд белых (часть Морского полка) только вчера, мобилизовав крестьянские подводы с несколькими крестьянами-возницами, заменив лошадей, выехал на Братск таежной дорогой. Наши командиры приняли решение идти кратчайшим путем по горам и настичь отряд, отрезав его. Это предложил один местный крестьянин-охотник, старик лет семидесяти, взявшийся провести отряд. Он сказал, что на следующий день мы их отрезем в таком-то месте (старик был с белой бородой).

Наш отряд, не отдыхая, выступил в ночь. Проводник был мой однофамилец — Каверзин. Старик уверял, что белые будут обязательно ночевать на Чукшинских хуторах⁶ в восемнадцати верстах от Мироново, и мы успеем. Мы шли горными тропами по борам. На рассвете вышли к ущелью, по которому проходила таежная дорога на Николаевский завод. По дороге видно, что обоз не прошел.

Это было в январе, Крещение, и стояли страшные морозы. Но с утра пошел снег. По обе стороны дороги крутые высокие горы. Наша 3-я рота залегла на горе слева (если ехать с Мироново на Братск), т.е. на северной горе, а вторая рота — на правой, южной, но не напротив друг друга, а в разбежку.

Лыжники залегли сзади (???). У лыжников был единственный пулемет ШОШ (тяжелый, 35 фунтов весу, 50-зарядный). Ждем. Пошел снег, припорошил нас и наши следы. Слышим скрип саней. Замерли.

Часов в 10 утра появился обоз — кони гуськом (пара коней не рядом, а друг за другом впряжены, т.к. дорога узкая). В санях офицеры с женами. Сани верхом нагружены награбленным добром. Впереди, за первыми санями, верховой офицер на сером коне. В черной шинели, кубанке и в сером башлыке, как и все остальные, кроме женщин. За ними подводы, через каждые две — пулемет Максим в боевой готовности и с пулеметчиком. На верховом офицере погоны с двумя просветами и звездой.

Рядом со мной лежит партизан по кличке Дункан, звать Владимир. Он был очень трусоват. Согласно заранее оговоренному приказу надо было запустить весь отряд в ущелье и только тогда стрелять. Поэтому первым открыл огонь по головным наш отряд, т.е. наша рота. В верхового офицера выстрелили одновременно я и Дункан, тот сразу упал с коня, а раненый конь бросился в сторону и забился в снегу. Открыли огонь и другие. Заработал ШОШ лыжников.

---

⁶ Деревня Чукша — по данным на 1917 год, 16 хозяйств (4 старожильческих и 12 переселенческих), 98 жителей (54 муж. и 44 жен. пола).

Вражеский пулемет не успел дать выстрела, как клюнул пулеметчик. Смешались кони и люди, поднялся крик и стон раненых, ржание лошадей, плач женщин и детей. Вдруг вижу, что из-за пня вытянулась рука с маузером и целится в наших. Я выстрелил — уж не знаю от чьей пули, но рука выпустила маузер. Одна дама встала, замахала руками и истерично закричала: «Красные бандиты, будьте вы прокляты Богом!» Я выстрелил в нее, и она упала. За «красных бандитов» это ей.

Бой длился меньше часа. Сотни трупов белых валялись в снегу окровавленные, а также трупы лошадей. Женщина, которую я убил, была женой первого офицера. 160 человек мы взяли в плен, в том числе 18 попов. Увели всех в Мироново и там судили ревтрибуналом под председательством Камайликова. Как сейчас помню его: высокий, черный, с длинными, как у молодого попа волосами (напоминал Махно). Помнится, говорили, что он из священнослужителей, но раньше был ссыльным. Очень справедлив и грамотен, имел юридическое образование. По своим взглядам был несомненно большевик. Мы взяли двенадцать пулеметов «Максим» в разобранном и смазанном виде, несколько ящиков с винтовками, много мануфактуры.

Попов всех расстреляли. Пришлось расстреливать и мне с Михаилом Кольцовым. Он одного попа заколол штыком.

(Вообще же Дункан был трус. Однажды в Шалаево, где мы с ним стояли в одной квартире — у Симоновских, была тревога. Собрались на площади, а его нет. Оказывается, забрался на вышку и зарылся в куделю. Его выгнала старуха Симоновская, услышав шорох и подумав, что забрался какой-нибудь пакостник: «Варнак, а еже ли б тебя там белые нашли, нас перевешали бы и хату сожгли! Кормишь, привечаешь вас, да за вас же голову сложишь», — ворчала она.)

Винтовок было 25 ящиков с перевернутыми штыками, много боеприпасов и обмундирования, в том числе шинели на меху. Все обмундирование с иголочки. Я сменил свою собачью полудошку и унты на шинель и сапоги.

После боя подошел кавалерийский отряд Шалыгина (Завязкин?). Где он был раньше, не знаю (человек пятнадцать).

После этого боя мы вышли к Нижнеудинску на село Укар. В Н-Удинске стояли на станции эшелоны чехов, а в городе никого. Мы предъявили чехам ультиматум: сдаться. Отказ. Разоружиться — отказ. Открыли огонь и обезоружили эшелоны (?). Вскоре подошли: первым 264-й Верхнеуральский полк, за ним 263-й, потом 262-й. Стоял жестокий мороз. Все пехотным порядком с обозами двинулись на Иркутск и прибыли в Иркутск 8 марта 1920 года.

В Иркутске я попал в пулеметную команду 264-го полка, которая была назначена на охрану золотого поезда (три-четыре станковых пулемета, в том числе один на тамбуре одного из вагонов). Я был третьим номером. Потом я попал на Байкал, затем на Врангелевский фронт. Шли с собственным лозунгом: «Даешь Крым с Токмаком и с легким табаком!»

Командиром 30-й дивизии был Грязнов. Командир 264-го полка А. Ронет. Комиссар полка Сущенко.

До Нижне-Удинска и Рубахино шли партизаны своими отрядами, а в Рубахино переформировались в Красную армию.

Когда мы шли из Шиткино на Неванку, пели кем-то из наших сложенную, на мотив «Тамары», песню:

По сибирским лесам и тракту
В бой идет партизанский отряд.
А идет он свободы добиться,
Он крестьянству на помощь идет.
В заключение хочу сказать о наших треминских партизанах.

1. Басурманин Александр, ссыльный уголовник, в тайных собраниях Бича — Швайдецкого — Свенского и Половинкина (Воронина) не участвовал, т.к. ему не доверяли, хотя одно время Бич был с ним дружен. Жил у нас с вдовой-солдаткой Клавдией Поликарповной Мутоввиной.

Ее первый муж, Мутовин Степан Тимофеевич, погиб в империалистическую войну, оставив ей сына Федьку. Она жила у брата своего мужа, Мутовина Ермила Тимофеевича (но не у тестя, как у вас значится). Ермила Мутовин был хромой, все время держался рукой за поясницу, — однажды, когда спал в тайге, его придавило пнем или лесиной.

Еще до партизанщины Басурманин занимался самогонварением. На правом берегу Бирюсы, у Тремино, на берегу речушки Кантахан, верстах в десяти от Тремино, у него была устроена самогонварка: котел большой паровой и два бочонка-братника (от слов «брага, бражка, бродить»). Крестьяне сдавали ему хлеб, а он брал с братника (тридцать ведер) одно ведро самогона и возил его на продажу в Канск.

В партизанском движении он не был активным, а самочинным, даже не анархист, а бандит. Из треминских в его отряде был ссыльный Худзик Ипполит Васильевич, поляк, анархист или меньшевик из Черенгачета, да Петр Кочетов из Бузыканоно и Михаил Ознобихин, а также...

Личность крайне отрицательная.

Сбежавший, по вашим документам, был никто другой, как наш лавочник Михаил Васильевич Кулаков, по прозвищу Пакля, что по-сибирски значит «безпальный». Расстрелянный ревтрибуналом Кулаков Николай Гурьянович — это мой дедушка по матери, т.е. отец моей матери.

Женщина, отправленная в разведку, — это жена Басурманина, сожительница Клавдия Мутовина.

Человек, задержанный им в Лапино, Мутовин Артемий, которого выпустили.

Больше о Басурманине ничего сказать не могу. Но Бич его пре... (?).

2. Я, Каверзин Илья Васильевич, о себе уже рассказал. Отца моего белорусы выпороли, а через месяц он умер. Его предал водчиком Г. и Л. наш треминский мужик, не кулак, К.А.. Мать моя к тому времени померла, а была мачеха, из белорусов-переселенцев, Агафья Онуфриевна (Голятова), а также братья и сестры. А мать звали... Николаевна, урожденная Кулакова.

3. Каверзин Григорий Васильевич, зажиточный, мой двоюродный брат. Присоединился к партизанам после отступления из Бирюсы, но до конца не был, а месяца два-три. Умер в 1960 году, родился в 1900-м.

4. Запасов Николай Демьянович, 1895 г.р., из нижнезаимских, работал у кулака Кононовского Василия в деревне Тремино. Гулял с Каверзиной

Клавдией Пахомовной, которой тогда было лет пятнадцать. Умер в 1942 году.

5. Рукосуев Егор Степанович, по-уличному Михалеев, богучанский, из деревни Чунояр, жил с треминской вдовушкой.

6. Кальман Ян, политссыльный из деревни Тремино, партизан, погиб в деревне Бирюса.

7. Кальман Карл, его брат, партизан, вместе со мной плыл на плоту в отпуск из Шиткино в Тремино накануне отступления.

8. Худзик Ипполит Вас., политссыльный поляк, партизан анархистского отряда Басурманина.

Известны мне и другие партизаны, не значащиеся у вас.

1. Поздний Николай (Игнатий?) Зосимович, лет сорока, фельдшер, был в свое время в нашем отряде Половинкина (сам из 6-й роты).

2. Каверзин Иван Кириллович, активный партизан из Шелаево, был в отрядах с первого дня и до конца. Его сестра Анна Кирилловна была замужем за уголовно-ссыльным Кольцовым Василием.

3. Бурульбаш Евдоким Григорьевич (Максименко), пойменский, матрос, очень большого роста, с большой шевелюрой, громкий голос, хорошо пел.

4. Непомнящий Михаил (партизанская фамилия Новиков), тайшетский, жив. Участвовал в разведке Бича на Черчет.

5. Немков Яков, черенгачетский. (Черневский: «Это Равковский Яков Иванович, по-уличному, Немков, т.к. его отец был немой. Об этом см. книгу 13, стр. 14». — Е. С.). Однажды был со мной на посту — охраняли штаб в Нижней Заимке, что стоял в доме Кочергиных. Яшка баловался с гранатой и сорвал кольцо, а Богданович увидел и выругался: «Ты что, внутрь твою мать!?» — подбежал он к нему с наганом. Но это уже после того, когда Яшка выбросил гранату в окно, где она сразу взорвалась. Хорошо, никого там не было.

Второй случай. Я и Яков пошли в разведку в деревню Лапино, остановились у Якова Казарщикова. Яшка Немков опять стал возиться с гранатой (бутылочной). У колодца брала воду беременная баба. Вдруг граната зашипела, Яшка ее бросил, она взорвалась, а баба с испугу тут же родила.

6. Белоконь Иван, ссыльный из Глинного, старше меня лет на десять. Партизан, был секретарем в ревтрибунале.

7. Сентюрин Семен, партизан, тайшетский.

Отдельные эпизоды и замечания

- Коган был с маузером и полевой сумкой через плечо.
- Бобров Михаил и Кольцов Михаил очень дружили. Им было лет по двадцать пять. Еще я хорошо знал из 6-й роты старшего унтер-офицера Юферова, звать, кажется, Иосифом, тоже лет двадцать пять.
- Встречать 6-ю роту ходил Костя Москвитин с десятью бойцами-партизанами.
- В Шелаево мы часто останавливались у Каверзина Дмитрия Дмитриевича.

- Кочергину Н. Ф. и Дерюшкину Дмитрию было лет по сорок пять.
- Цыган в Бузыканоно расстреливал Николай Шевелев.
- В Тайшете, по ул. Бича, 81, живет бывший треминский Яковлев Алексей Петрович (с женой Федосьей). Они знают адрес старожилы из Треминой Кулакова Вавилы Николаевича, который может многое рассказать о тех днях в Тремино.
- Об Иване Андреевиче Биче: он говорил на чисто белорусском наречии: «брухо», «говору» и т. д.
- Предателя Г. убил в Шиткино у речки Грязнухи Елизар Киселев, бывший тогда там судьей, а с ним был Гурьян Мутовин.
- Урожденная деревни Треминой Каверзина Матрена Зиновьевна, 1912 г. р., по мужу Мутовина, вышла замуж в советские годы за бузыканоновского Мутовина Демьяна Алексеевича. Ее отец Зиновий Васильевич, по-уличному Романовский или Коношенков, Коношенок — сын Василия Кононовича Каверзина. Матрена рассказывала, что у Каверзина Ильи Васильевича было два брата — Степан, 1912 г. р., Николай 1910 г. р., Надежда и Любава, все тогда живы. Отца звали Василий Трофимович, и потому по-уличному они Трофимовы. Еще от второй жены Василий Трофимович имел сына, тоже Василий.

ИВАН КОРНЕЕВИЧ ЛЕСНЯК

**бывший житель деревни Конторка
(поселенец из Киевской губернии, с 1908 года)**

В 1919 году мне было 16 лет, я уже ходил на посты в паре со взрослыми партизанами, особенно часто на пост у кузни, что стояла в Ловинке на берегу Бирюсы, недалеко от парома, на берегу реки за забочками¹. Иногда набивал патроны в мастерской.

Помню, что штаб партизанского отряда стоял сначала в центре деревни, в клубе, но здесь он хорошо обстреливался и потому перешел в Ловинку, в дом моего дяди Василия Степановича Лесняка, что стоял на краю, у горы.

Паром держали сначала Иннокентий Неизвестных, а потом его брат Гаврила Романович Неизвестных. Оружейная мастерская была в доме Архипа Коршунова.

Мне хорошо запомнился период отступления. Утром, на рассвете, я уже пас скот на горке. С берега Бирюсы Конторку обстреливала артиллерия белых, по тракту с Еловой шел броневик, с Венгерки — пехота, а по горе, в обход, — чешская кавалерия, т.е. с четырех сторон. Отряды партизан бросились к Еловой, а оттуда в гору, где был бой. Потом чешская конница спустилась с горы в Ловинку, и стали поджигать дома, обливая их бензином и обкладывая соломой (Черневский: «И изнутри». — Е. С.). Первым подожгли дом дяди, Василия Степановича Лесняка, где раньше был штаб. Затем дом Масленникова, затем Черненко и др. (Черневский, красным карандашом: «Правильно, иначе им самим не уйти обратно!». — Е. С.).

Отец мой, Корней Степанович, прятался в погребе на огороде. Так как поджигали дома не подряд, а через три, наш уцелел. Отец, думая, что чехи ушли, вышел и наткнулся на них. К нему прицепились, но отпустили.

В Ловинке уцелели дома: наш, Ильина Флегонта Ивановича, братьев Федосеевых — Ильи, Харитона и Михаила, рядом с ними чья-то избушка, дом Коршунова Архипа (жил с сыном Семеном), Неизвестных Василия Ивановича, Рожкова Савелия, во второй сотне — Колбасова Константина (небольшой домик у горы) и самый крайний от горы домик столяра-бондаря Колесника, Батурина (Батура) (избушка стоит и сейчас, после войны, когда столяр умер, его жена вышла замуж за *Мамонтова, отца Алексея Мамонтова, проживающего и сейчас в Конторке* (выделенное курсивом зачеркнуто Черневским. — Е. С.).

После возвращения партизан Козловы — дед Моисей с женой, дочерьми и Иван Козлов с Матреной — жили у нас в уцелевшем доме на квартире.

Мой отец Лесняк Корней и его брат Василий приехали в Конторку в 1908 году из Киевской губернии.

---

¹ По Толковому словарю Даля, берег, край, обочина, лесок вдоль берега речки, озера; урма; ветвь или часть чего либо, отделившаяся вбок; речной рукав, образующий с настоящим руслом остров.

ФЕДОР СЕМЕНОВИЧ МАРТУСИН

Родился в 1897 году,
бывший житель деревни Шегашет, Шелаевской волости.
Участник партизанского движения — Шиткинский фронт.
Ныне пенсионер, проживает в п. Суетиха, ул. Вокзальная, 81.
Беседа состоялась 29 ноября 1960 года

Ф. С. Мартусин: Человек я малограмотный, да и памяти нет. Большого участия в партизанах не принимал, но было маленько, и что знаю, то и расскажу. «

Ни то при царе, ни то при Временном правительстве взяли меня в солдаты — еще шла германская война. Но скоро я вернулся, как раз в Октябрьскую революцию. До нас советская власть почти не дошла, вскоре поднялись чехи, а потом Колчак.

По деревне (в ней было 110 дворов) прошел слух, что готовится восстание, а кто готовит, где — мало кто знал. Помню, говорили, что приезжал Иван Андреевич Бич, а я сам его не видел. Но потом, уже во время восстания, точно говорили, что бывал Бич и собирались у кого-то, а нашими местными закоперщиками¹ были пожилые мужики-подпольщики: Миронов Исак Гаврилович, Миронов Гаврила Семенович (по-уличному, Гаврила Семенов), к ним вскоре присоединился фронтовик Силин Трифон Яковлевич (Ходя).

А. Ю. Черневский: Погодин Григорий Михайлович включает в подпольщики еще себя, Венедиктова.

Ф. С. Мартусин: Венедиктов, ссыльный, живший с вдовой Захаровой Просковьей, пожалуй, мог участвовать в подполье, говорили, что у него кто-то собирался. Но точно не знаю. А Погодин Григорий Михайлович присоединился на другой день после Шиткинского восстания. Его брат, Погодин Влас, еще позже, по мобилизации. А Денис Павлович Погодин вообще нигде не участвовал, а только после победы советской власти стал «активистом». Также и Горбунов Николай (чуваши).

Ну, вот, неожиданно мы узнали, что в Шиткино произошел бой с колчаковцами и что в этом бою участвовали наши шегашетские ребята:

- 1) Силин Трофим Яковлевич,
- 2) Онуфриев Григорий (по-уличному, Тимоха),
- 3) Гусенок Никита Григорьевич.

Вот эти трое точно участвовали в первом шиткинском бою и, кажется, еще:

- 4) Головачев Егор Семенович,
- 5) Хоменко Иван Дмитриевич.
- 6) Пикозин Алексей Трифонович.

---

¹ Рабочий, который руководит забивкой свай в грунт при помощи копра; зачинщик, верховод.

Но, повторю, в отношении последних троих не точно.

Из черенгачетских (деревня Черенгачет) был Бакановский Дмитрий, но в этом я тоже не уверен (Черневский: «Такой вообще не был, а Бакановский Михаил Семенович!» — *Е. С.*).

Кто-то из участников шиткинского боя к ночи приехал в Шегашет, открыто объявил об этом и призвал всех братья за оружие.

Сразу же пошли добровольцы второго потока:

Смелик Ефим (служил в армии Временного Сибирского правительства),
Ладик Андрей Савельевич,

Мартусин Федор Семенович (у белых до Колчака),

Осташков Василий (у белых до Колчака),

Гусенок Дмитрий (у белых до Колчака),

Гаврилин Денис (у белых до Колчака),

Лавренов Василий Степанович,

Ольховка Терентий,

Погодин Григорий Михайлович,

Старостин Кирилл Григорьевич (у белых до Колчака),

братья Гаевы Савелий и Михаил (оба у белых до Колчака),

Цекало Свирид,

Ефимов Василий Егорович (у белых до Колчака),

Миронов Михаил Ильич.

(А также сюда надо отнести Хоменко, Горлачева и Пикозина, если они не были в первом бою).

Всюду установили посты, в Шиткино пробыли несколько дней.

Я не сказал, что, по слухам, в первом шиткинском бою были крестьяне и из других деревень. Говорили еще, что были там черчетские и ключинские (кемченские), особенно припоминаю имя Чурсина.

Забыл сказать, что я был призван в колчаковскую армию не один, а много нас: Осташков Василий, Ефимов Василий Егорович (уличный Василий Егоров), Смелик Ефим, Гаврилин Денис, Гусенок Дмитрий, Гаев Михаил, Гаев Савелий, Старостин Кирилл Григорьевич.

Участвовал в устройстве обороны у бирюсинского кладбища. Ходили на посты, в разведку и иногда даже на диверсии. Помню, мне, Старостину Кириллу, одному нижнезаимскому, по имени Афонька, и одному чувашу — четверем человекам поручили сжечь будку блок-поста Восточный, и мы ее сожгли.

Вспомнил, что в отряде Бурлова был еще черенгачетский Равковский (как звать, не знаю) (Черневский: «Александр Данилович». — *Е. С.*).

Однажды я, Гусенок Дмитрий, Гаврилин Денис пошли в разведку по краю болота к линии, а в это время по болоту со станции Суетиха шли в наступление красильниковцы. Завязался бой, но мы в нем не участвовали. Лыжники Бича, с которыми были Гусенок Никита, Силин Трофим, Бокановский и Равковский, а также Федор Головачев и др. (все они были в летучем отряде Бича), зашли в тыл им и обстреляли. Пулеметчик на санях повернул пулемет и стал бить по своим и партизанам. В этом бою погиб Равковский, который пошел на пулемет, желая его взять.

Вскоре после этого боя я получил отпуск на отдых домой. Без меня происходили остальные события вплоть до отступления. Снова соединился я с отрядами только в период отступления в Тракт-Ужете. Партизан шло много, переправились на пароме на Тракт-Кавказе на правый берег. Большинство пошло дорогой — куда, не знаю, наверное, на Неванку, а некоторые чащей по берегу к Шиткино, в т.ч. я, Ермаков Павлин и др. В основной группе, человек двести, был Половинкин Иван Назарович; наверное, это был Гоголевский отряд.

Когда мы вышли к Неванскому тракту у Шиткино, то увидели две подводы, доверху чем-то груженные, не запряженные, а на берегу уже были чехи. Мы не ожидали этого, они нас заметили и обстреляли, мы скрылись в тайге. А потом я пробрался домой и там скрывался. Больше не участвовал ни в партизан, ни в Красной армии.

Забыл сказать, что были еще наши в партизанах, мобилизованные (третий поток): Ладик Тимофей, Онуфриев Николай, Погодин Влас и др.

Путь отступающих (схема прилагается).

Отдельные эпизоды и замечания

- Раньше из Шиткино до Шегашета ездили только по тракту через Бузыканоно, что составляло 46 верст. Дороги через таежные села Алешкино и Грязнуха не было, она появилась позже, при советской власти, когда там была создана коммуна.

- В Шиткино паром успели захватить бело-чехи.

- Погодин Григорий Михайлович был ранен дома из автомата. Он сидел в избе, в окно увидел белых — и бежать по огородам через картошку, его автоматом ранило у самого леса. Привели в избу Степана Лавренова (отец братьев Василия, Никешки и Федора): «Доброволец?» — «Доброволец-доброволец, ты же солдат, мобилизованный, не понимает он», — вступилась хитрая старуха Лавренчиха, жена Степана. Это и спасло его, отпустили. Но вскоре вернулись — кто-то доказал, что доброволец, да еще из ревтрибунала. Предупредил Федос Миронов, и Погодина укрыли в лесу. Пристали к старику-отцу, Михайле Погодину, грозились сжечь дом, но тот не испугался. «Бомбу бросим в твой дом, если не скажешь, где сын». — «Бросайте, хоть две, ироды вы». Отхлестали старика плетью и ускакали.

- Первым председателем у нас стал при советской власти Лавренов Никифор, лет тридцати.

- В Тайшете на Транспортной улице живет мой сродный брат Мартусин Филипп Дмитриевич, старше меня. Он жил в Кемчено и, кажется, тоже участвовал в партизанском движении. Он многое может рассказать о кемченских партизанах.

ТИМОФЕЙ ПАХОМОВИЧ ОСТАШКОВ

Родился в 1901 году.

**Бывший житель деревни Шегашет, Шелаевской волости,
ныне живет в поселке Суетиha.**

Беседа состоялась 7 декабря 1960 года

» Сам я в партизанском движении не участвовал, но знаю многое, т.к. из нашей деревни партизанили человек сорок. Деревня была из 120—130 дворов. Хорошо знаю, что в первом шиткинском бою с Галошиным участвовало наших человек семь:

1) Осташков Василий Пахомович, мой брат, фронтовик, молодой;

2) Ладик Андрей Савельевич, фронтовик, молодой;

3) Силин Трифон (Ходя — так его в деревне не звали, это партизанская фамилия), постарше других, но не фронтовик;

4) Ладик Тимофей, в его же годах, принес с германской войны винтовку и с ней пошел в первый бой (против этой фамилии Черневский записал: «Нет». — Е. С.);

5) Гусенок Никита — не фронтовик;

6) Хоменко Иван (по-уличному, Дрисинский), убит под Бирюсой, не фронтовик, молодой;

7) Погодин Григорий — фронтовик.

Самый активный подпольщик и организатор — Миронов Исак (в отрядах не был), а также Венедиктов Александр.

Кошельский в партизанах был, но после.

Был еще в партизанах, чуть ли не в первом бою, Славик (Смелик ?), работавший мельником у мельника...

У нас было вообще много мельниц: почти в самой деревне турбинная мельница¹ ссыльного Панова; за ней, по направлению к Джогино, по реке Пинчет, мельница скобаря Егора...; за ней, на Калиновом хуторе, мельница-мутовка² Замятина, который, кроме того, занимался крестьянством. Еще ниже, у самого моста, под горой, у Джогино, Иванова мельница — Ивана Дмитриевича Каверзина, бузыккановского старожилы. Между Пановой мельницей и Егором-скобарем был хутор пимокатов Пикозиных. В самом селе была мельница Павла Савицкого.

С самого начала партизанского движения в нашей деревне сидели под арестом во второй половине дома Устина Степановича Бирюлева нижнезамские кулаки Горенский и др., всего пять человек. Их охраняли с оружием наши же мужики, в т.ч. мой отец, уже старик, Осташков Панасей (Пахом).

---

¹ Турбина — два деревянных круга или колеса, соединенных между собой широкими перемычками (лопастями). Может вращаться частично опущенной в реку, но лучше, когда вода падает с высоты. К турбине прикреплена ось, которая вращается вместе с ней и в простейшем случае через шестеренчатую передачу передает движение жерновом.

² Мутовка имела горизонтальное колесо-мутовку с лопастями, плоскости которых находились под некоторым углом к течению. Через шестеренчатую передачу ось мутовки вращала горизонтальный вал, через него движение передавалось оси верхнего жернова. Неподвижный жернов устанавливался на деревянной или каменной подкладке.

ЕЛЕНА ИВАНОВНА РУКОСУЕВА

(урожденная Осипенко)

**68 лет. Бывшая жительница деревни Щетиновка (Рождественка),
ныне живет в поселке Суетиха.**

Беседа состоялась 20 декабря 1960 года

Я родилась в деревне Бирюса в семье старожилы Осипенко Ивана Ивановича, переселенцы. Юртинские Осипенко — наши родственники, Андрей Иванович — мой дядя, брат отца (он был высокий, очень походил на Ивана Андреевича Бича).

В... я вышла замуж за чунского крестьянина-старожилы Рукосуева Ивана Сергеевича в село Щетиновку, куда они переселились с Чуны. 1919 год я встретила в Щетиновке. Бича там никогда не видела и, по-моему, он к нам никогда не приезжал. Партизан в нашей деревне было много, все они были в Бирюсе, а потом скрывались дома. Самым активным и главным организатором, зачинщиком был пожилой крестьянин с большой семьей Бекарев Фенодей Федосеевич (живет сейчас не-то в Тайшете, не-то в Щетиновке).

В Бирюсе в отряде были:

- 1) Бекарев Фенодей Федосеевич;
- 2) Мельников Осип Григорьевич (не-то он, не-то его брат Василий, и сейчас живет в Тайшете);
- 3) Беляев Михаил Игнатьевич (живет в Щетиновке);
- 4) Безбатькин Павел Александрович, с черной бородой, был в Бирюсе в лыжной разведке, умер;
- 5) Шпак Петр Онуфриевич;
- 6) Ковалевский Петр Петрович — старший брат Ивана Петровича, погиб на врангелевском фронте;
- 7) Рукосуев Антон Евлампиевич, средний брат моего мужа Ивана Сергеевича (Черневский: «Не был!». — Е. С.);
- 8) Непомнящий Осип Прокопьевич (по-уличному, Догадаев) был в лыжной разведке в Бирюсе.

Всего в отрядах было человек десять — двенадцать. Остальных точно не помню. Знаю, что помогали партизанам и были связаны с ними еще следующие: Рукосуев Алексей Евлампиевич (его тогда убил в своей деревне из-за ссоры Рукосуев Алексей Михайлович, тоже был связан с партизанами); Лесняк Михаил; Романовский Иннокентий.

Возможно, что кто-нибудь из них тоже недолго был в отрядах. Но Непомнящий Григорий Никифорович, молодой, в отрядах не был.

Летом, после отступления из Бирюсы, все они были в деревне. У нас же скрывались Жичкин, с ним бирюсинские ребята Толмачевы Михаил, Дмитрий и Абрам, Яшка Черкес и тайшетский Панасенко Яшка.

Жичкин ночевал у нас в зароде¹. Однажды утром он замерз, зашел к нам в избу, лег у порога да крепко заснул. Я с девочкой перешагнула через него и вышла в ограду подоить корову, а когда возвращалась и открыла дверь, он проснулся, спросонья ничего не понял, вскочил и вскинул наган. Еле успокоили. Он часто уезжал куда-то, не был в деревне дней десять, а всего прожил у нас с месяц или больше, а потом с группой ребят ушел в Шиткино пешком. С ним пошло человек восемь наших щетиновских, но я точно помню только троих:

1) *Рукосуев Антон Евлампиевич (мой... так и не вернулся),*

2) *Ковалевский Петр Петрович (тоже не вернулся),*

3) *Шпак Петр Онуфриевич (потом вернулся)* (выделенное курсивом зачеркнуто Черневским. — Е. С.),

4) *Рукосуев Алексей Михайлович.*

Однажды, когда проходили белые, в Щетиновку заехал белый разведчик-татарин. Находившиеся в селе Безбатькин Павел, Шпак Федор и... схватили его и затащили в старый дом Романовских (они жили уже в новом доме), хотели убить, но в это время подоспела вторая белая разведка, и партизаны разбежались. Безбатькин сообразил, забежал к соседу, Агапу Константиновичу, и тот быстро сбрил ему черную бороду, передел. Вышел Безбатькин, ходит среди белых как ни в чем не бывало, и татарин его не узнал. А Шпака нашли в подполье. Поймали Пузанова (Архипова) Макара. Его так избили, что он сразу тронулся умом. Повели по дворам опознавать других, а он приплясывает, смеется. Его и Шпака расстреляли за гумнами (Черневский: «Его схватили потому, что побежал». — Е. С.).

Деревня наша в 1919 году была большая, дворов сто. Старожильческие фамилии: Безбатькин (один), Рукосуевы, Непомнящие (Догадаевы), Брюхановы, *Таракановы* (выделенное курсивом зачеркнуто Черневским. — Е. С.)

У моего отца было два брата, мои дяди: Осипенко Алип Иванович и Осипенко Андрей Иванович. Первый служил на станции Тайшет телеграфистом, а когда партизаны наступали на Тайшет, он не дежурил и прибежал, когда станцию уже сожгли. Андрей Иванович — отец молодого партизана-парнишки Ивана Осипенко. Осенью Иван был дома, его поймали румыны и продержали шестнадцать суток под арестом. Выручил Алип-телеграфист. Когда повесили Бича, Алип подумал, что повесили Андрея Ивановича, они были похожи. Он даже обомлел.

---

¹ Зарод — большой продолговатый стог сена в 17—25 небольших копен сена, хорошо утоптаный, проложенный ветками осины в верхних слоях для предотвращения промокания от дождей; если зарод планируется тянуть трактором, то его устанавливают на деревянные сани с полозьями из стволов сосны.

ДАНИЛ МИХАЛОВИЧ РУКОСУЕВ

**Родился в 1893 году в Щетиновке,
отец переселился с Чуны, когда в этой деревне было три-четыре дома.
Сейчас живет в Сереброво.
Беседа состоялась 22 марта 1961 года**

В детстве разбил левый глаз, и в армию не брали. Был в Бирюсе в лыжном отряде разведчиков под командованием Николая Бурлова, вместе с односельчанами: «

- 1) Мельниковым Осипом Григорьевичем, 25 лет,
- 2) Безбатьковым Павлом Александровичем, 30 лет,
- 3) Шпаком Петром Онуфриевичем, лет 25,
- 4) Непомнящим Осипом Прокопьевичем, лет 30,
- 5) Рукоусевым Михаилом Тимофеевичем, лет 30,
- 6) Быбиным Михаилом, лет 25,
- 7) Лесняком Михаилом,
- 8) Романовским Иннокентием Афанасьевичем.

Кажется, с нами были также: Ковалевский Петр Петрович, лет 25, Беляев Минка (Михаил Игнатович), лет 25.

Совсем не помню, были в Бирюсе, но скорее всего, что не были: Бекарев Фенолей Федосеевич; Рукоусев Антон Евлампиевич (участник германской, дезертировал от Колчака, ушел с регулярной Красной армией и пропал без вести); Агап Константинович (кажется, Григорьев), лавочник, я у него еще мальчонкой был в батраках (в детях).

В 1919 году в Щетиновке было восемьдесят дворов. Бич приезжал по организации, еще до открытия фронта, это я знаю и помню хорошо!

У нас же был Жичкин летом, который организовал в Щетиновке самостоятельный небольшой отряд из щетиновских и... Был у него и я.

Рукоусев Алексей Евлампьевич в партизанах не был, его убил из-за ссоры мой брат, Рукоусев Алексей Михайлович (он был партизаном только в Щетиновке, а потом ушел в Красную армию).

Романовский Петр Афанасьевич — молоденький, в партизанах не был! Не был и Шпак Федор.

Между Камышлеевкой, Светлым и Еланкой в 1907 году еще была деревня Цыганки¹, основанная в 1907 году переселенцами. Поля Комышлеевки, Цыганков, Еланки, Светлого и Покровки сходились, и на месте смыкания стоял «пятиличный столб» (сообщила Бурван... родившаяся в 1917 году в Цыганках).

---

¹ Деревня Цыганки основана в 1907 году. По данным на 1917 год, 12 хозяйств, 96 жителей (51 муж. и 45 жен. пола).

МАТРЕНА ЯКОВЛЕВНА МОСКВИТИНА (урожденная Гурина)

63 года. Беседа состоялась 20 декабря 1960 года

Я урожденная деревни Получеремхово, старожилка. В... году вышла замуж за бирюсинского крестьянина Москвитина Петра Алексеевича и в 1919 году жила в Бирюсе и на заимках...

У получеремховского кулака Логинова Алексея Ивановича было пять детей: Евдокия, Лидия, Василий, Иван и Павел (партизан).

ИВАН НИКОЛАЕВИЧ ШАЛАЕВ

Родился в 1903 году, бывший житель деревни Камышлеевка

В 1903 году, когда мне не было и года, наша семья во главе с дедом Устином Егоровичем Егоровым, в числе девяти семей, переселилась из Псковской губернии в Сибирь, в небольшой таежный участок на речушке Камышлеевке близ Туманшета, где стояла сплошная тайга с еланями. В мощном березняке и образовали мы деревню. «

Наша семья была большая, кроме деда, два его сына: Николай Устинович (мой отец) и Тимофей Устинович. Из других семей были Терентьев Павел, Фирсанов Семен, Ульянов Алексей, одна фамилия по кличке Роща (?), Степановы и др.

После отделения от деда мой отец принял фамилию Шалаев, от нашей деревни в Псковской губернии — Шалаи.

Мой дядя Тимофей погиб на германской войне. Второй дядя, Кузьма Устинович, служил матросом в Кронштадте и в революцию 1905 года был сослан на каторгу в Горный Зерентуй¹ на двадцать лет, но сбежал, побывал у нас и снова уехал. А потом его поймали и освободили только в 1917 году, после Февральской революции, и он совсем перебрался в Камышлеевку.

В 1919 году в деревне было 60 дворов.

В партизаны из нашей деревни пошли многие, но я плохо знаю, да и были все они только до отступления, а в Шиткино никто не ходил. Точно знаю, что в Бирюсе и Конторке были Исаков Иван Патапович (вплоть до отступления) и Терентьев Осип Михайлович, 1893 г.р. (что живет сейчас на Горького, 58), но этот очень мало. Исаков потом пошел на Врангелевский фронт и там умер от тифа. На Еловском переезде убило Николая Карпова (его тяжело ранило в зад, в позвоночник и вырвало член, он умер не то в больнице, не то по дороге). У Маркова Матвея (старик) убило тем же разом лошадь, а Тихонов Тарас упал с саней (молодой). Чехи обоих поймали, но они отговорились и их отпустили.

Путь на Туманшет был тогда только через Перевоз (паром) и Камышлеевку. Верстах в четырех от перевоза дорога развилком: влево — на Догадаевку (Покровка), а в право — на Камышлеевку, что стояла в стороне и ниже Туманшета.

Деревня была в два ряда: один с западной стороны, к Туманшету, у речушки, из которой эта сторона и возила воду, т.к. колодцев и ключей там почти не было, другая — с восточной, к Покровке, где было топкое и кочковатое место с множеством ключей и колодцев.

От Саранчета до Ингаша по нашим и туманшетским пашням в 1912 году проложили тракт. С Камышлеевки была прямая дорога на Шелехово между Светлым и Покровкой — 22 версты. Еланка и Тропа стоят за Тинским трактом. Камышлеевка — Еланка: четыре версты — и Тропа, четыре версты — и Козин, шесть верст — и Ингаш.

---

¹ Горный Зерентуй — село в Нерчинско-Заводском районе Забайкальского края. Основан в 1732 году с открытием серебряно-свинцового месторождения. Первые каторжане появились во второй половине XVIII века, сюда были сосланы некоторые декабристы.

ИОСИФ МИХАЙЛОВИЧ ТЕРЕНТЬЕВ

Родился в 1893 году.
Беседа состоялась 9 июня 1965 года

» В изложении А. Ю. Черневского

Заявил, что он со старшими братьями переселился в Камышлеевку лишь в 1908 году, когда ему было 15 лет, с Псковской губернии, — одна семья, когда отца уже не было в живых. А вперед приезжал только самый старший их брат — Михаил Михайлович Терентьев. В Камышлеевке уже стояли дома их земляков-скобарей: Егорова (Шалаева) Устина Егоровича и его сыновей, Фирсанова Семена, Ивановых, Ульянова Алексея, Рощина-старика с сыном Ильей, Степановых Якова и Федора (по-уличному, Богры, т.к. они из деревни Богры), старика Бирзы Василия и др.

Терентьевы временно поселились и долго жили у своего свояка Фирсанова Семена, который имел уже полное хозяйство. (Черневский: «Выяснить, когда же приехали Марков Матвей, Карпов Николай, Тихонов Тарас с отцом, Исаков Потап с сыном-партизаном Иваном, а также Мыльничек Петр, Аксенов Михаил Гаврилович... Яков Данилович (Данилик)... Тимофей Николаевич (Николаёнок) и др.». — Е. С.).

Терентьев рассказывал, что Исаков Иван Потапович погиб на Врангелевском фронте вместе со своим братом. (Черневский: «Рассказанная им история с обстрелом камышлеевских крестьян на Еловском переезде, о своем личном участии в партизанском движении и о камышлеевских партизанах записана отдельно в кн. 9, стр. 16—17, см. также «История населенных пунктов», стр. 64—65, где подробно отражена история деревни Камышлеевка, рассказанная Фирсановым Иваном Семеновичем, 1905 г.р.». — Е. С.).

МАКАР СТЕПАНОВИЧ ЖУКОВ

Родился в 1890 году, старожил села Шиткино.

Партизан Шиткинского фронта.

Ныне пенсионер, живет в поселке Суетиха.

Беседа состоялась 27 декабря 1960 года

В изложении А. Ю. Черневского, сокращенно, по главным фактам. «

Оставшись сиротой с трех лет, воспитывался у богатого крестьянина в Шиткино — Бурмакина Егора Страдоновича, сына старика Страдона Евсевича Бурмакина, что продал свой пятистенный дом Половинкину Якову, а тот, в свою очередь, продал одну половину Ефиму Смолину, а вторую половину — ссылному поляку Ополченскому, у которого на квартире жил Станислав Свенский.

В общем, накануне восстания наша деревня — это дворов сто.

Штаб был в кузнецовской избушке. Под угором¹, у джогинского гумна, была группа партизан человек семь. Остальные, в т.ч. шиткинские, Гурьян Яковлевич Мутовин, я, третьего забыл, но, по-моему, это был Елизар Киселев, который тогда жил в Шиткино и был женат на дочери Андрея Гордеевича Бурмакина.

Я остался круглым сиротой трех лет и воспитывался у Егора Страдоновича Бурмакина, поэтому меня звали Страдоновым Макаром. А сам Егор Страдонов никакого участия в партизанском движении не принимал и в первом бою не был. Кажется, я почти уверен, что был в первом бою черчетский Николай Чемоданов. Ефим Смолин в первом бою тоже не участвовал.

Галошинцы приехали на подводах, в кошевах нижезаимских купцов и кулаков, и четыре кулака-водчика их сопровождали. Один был И.Н.С., второй М., жил на горе в Нижней Заимке, купец, а двух не помню. И. и М., когда приехал Бич, казнили, а двое скрылись.

Галошинцы, заехав по зимнику с Кавказа, с северной стороны деревни, рассыпались: вдоль по Барабе (односторонняя улица) поехали в кошевах, а пехота в обход по задам. Хорошо помню, что Ходя — Силин, у которого был японский карабин, забрался в клетку с драньем во дворе Митрофана Наумовича Бурмакина и вел огонь по пехоте, убив двоих. У меня было ружье, винтовка четырехлинейная старого образца, и сорок патронов к ней, однозарядка. Те, что ехали в кошевах по Барабе, чтобы миновать засаду под угором у Джогинского гумна свернули в переулочек новоселов, но вернулись, встреченные огнем, и тем же путем проскакали обратно. В это время из дома выскочил Свенский (как он там оказался, не знаю), и галошинцы его схватили и увезли. В этом бою было убито человек восемь белых.

¹ Угор — возвышенность, холм.

К вечеру приехал Бич с отрядом, а на другой день все отступили к Шемякино и там формировались, жили с неделю, готовили боеприпасы. А потом двинулись через Шиткино в Нижнюю Заимку и оттуда в Конторку и Старый Акульшет.

Я, в составе отряда Прокопия Криволицкого, во взводе нижнезаимского Василия Тарасенкова, направился в Старый Акульшет. Наш взвод разместился в двух домах и сразу занял караульное помещение на краю у дороги, ведущей в Тайшет.

В нашем взводе были шиткинские, нижнезаимские, бузыккановские, тракт-ужетские и несколько человек из других деревень и участков. Вот список этого взвода:

шиткинские:

- 1) Жуков (Страдонов) Макар Степанович, 1890 г.р.,
- 2) Брюханов Афанасий Ефимович (мой шурин),
- 3) Иванов Василий (по-уличному, Поташов),
- 4) Веселов Павел,
- 5) Привалихин Григорий Ермилович, умер в Зиме,
- 6) Смолин Евдоким Петасович (безродный, приبلудный с Чуны),
- 7) Пустынский Нил Иванович,
- 8)

9) Иванов Петр (Поташов) Потапович;

бузыккановские:

- 10) Привалихин Константин Андреевич,
- 11) Привалихин Дмитрий Андреевич,
- 12) Рукоусев Иван Васильевич или Василий Иванович (живет в Тайшете),
- 13) Оленев Борис,
- 14) Каверзин Павел;

тракт-ужетские:

- 15) Кочергин Прокопий Петрович,
- 16) Кочергин Василий Петрович,
- 17) Тарасенков Петр Николаевич,
- 18) Тарасенков Василий Николаевич;

кроме этого:

- 19) Насыров Богатын — нижнезаимский,
- 20) Маймуратов (с Тракт-Кавказа, его ранило в одной диверсии, когда мы свалили эшелон).

Позже к нам присоединилось, в наш взвод, много новоакульшетских, дезертиров от Колчака, в т.ч. Григорий Черешнев (погиб на Врангелевском фронте), всего человек десять, четыре человека пришли сразу, когда мы прибыли. Из добровольцев один из первых с Новый Акульшет прибыл Филат Хлебников.

Что касается Привалихиных Ивана и Василия, то они присоединились к партизанам позже, осенью, когда рыли окопы у Шемякино. Каверзин — Кочетов Петр Степанович и Каверзин Петр Кононович были в других взводах. Бузыккановских Мутовина Артемия, Кулакова Егора Васильевича, Кулакова Исака Захарович и Кулакова Степана Павловича я в партизанах никогда не видел, может быть, они и были в других отрядах, не знаю.

Наш взвод, Тарасенкова, был лыжный. Я взял с собой новые охотничьи лыжи до подбородка, подшитые камусом. Камус — эта шкура с ног (голеней) сохатого (еще лучше конский камус — лыжи ходчей, то есть быстрее двигаются, а еще лучше олений, но у нас обычно был сохатиный). Под камус подкладывали жгут из конопли, что делало лыжи гибкими и неломкими. Подклеивали камус рыбьим клеем, который варили сами немудрено из свежевывловленной рыбы.

Как только мы заняли Старый Акульшет и нас выставили на пост у караульного помещения, буквально через полчаса, видим, едут шесть верховых русских белых — разведка. Подпустили близко. Один наш партизан — кто, не помню — сидел на сеновале в засаде и, подпустив близко, выстрелил, убил всадника и лошадь под ним. Мы выскочили и скомандовали: «Руки вверх!»

Взяли пять человек в плен и отправили в штаб с конями. Я взял себе кавалерийскую русскую короткоствольную карабинку пятизарядную.

В дальнейшем основным нашим делом были диверсии на линии железной дороги на перегоне Байроновка—Разгон. В Староаккульшетском отряде был еще один лыжный взвод, поменьше нашего, им одно время командовал Филимон Кочергин (тракт-ужетский, живет в Тайшете). Занимались тем, что и мы. Криволицкий Прокопий с нами никогда на диверсии не ходил. Была в отряде и пехота, и взвод кавалерии. Не знаю, кто им командовал, но я сам видел, как Костя Москвитин на площади в селе обучал кавалеристов.

Помню, с нами ходил на диверсии и наш хозяин, семидесятилетний старик с бородой, вместе со своим сыном. Имени и фамилии их не запомнил.

Нас часто перебрасывали в Бирюсу, в частности, я оба раза попадал в бой с красильниковцами. Мы участвовали в общей массе на болоте и в лыжном рейде в тыл белым. Один раз боем командовал Бич, второй раз его не было.

Там были окопы. Лежали в ряд так: один с боевой винтовкой, другой с дробовиком или другим гладкоствольным ружьем.

Я участвовал в первом походе на Тайшет на Пасху, когда бой не состоялся, а потом нас, первых добровольцев, направили на отдых в Нижнюю Заимку. В это время произошел тайшетский бой. А первый раз шли по лывам², бродком, но дошли только до поскотины.

Все отступающие отряды собрались в Нижней Заимке. Тут же сразу сформировали отряд Кости Москвитина на Ангару. Помню, что в этот отряд попали Афанасий Брюханов, Нил Пустынский, Евдоким Смолин, Костя и Дмитрий Привалихины (Черневский: «Нет, эти все в отряд Смолина!». — Е. С.).

Я оставался в Нижней Заимке. Подходили новые группы. Ввиду наступления белых все двинулись на Шиткино, там простояли с неделю, и из Шиткино по Чунскому тракту пехота и кавалерия — на Мохначи. Когда отступали с Нижней Заимки левой стороной хребтом, не доходя верст пять до Шиткино четыре дня стояли лагерем в тайге на Вилочном хребте. Командовал, кажется, Прокопий Криволицкий. Был и Половинкин Иван Назарович. С Неванки — по тракту до Выдрино, где простояли долго, делали плоты.

---

² По Толковому словарю Даля, лыва — лывина, лывка, сев. лужа, мочежина (лива, лить), полый от дождя, разлива, родников.

Пехота на плотах, а кавалерия таежными тропами по левому берегу Чуны двинулись в Петропавловку и здесь встретились с Ангарским отрядом. Где-то здесь появился Богданович и Машуков. Из Петропавловки — в Кондратьево (кажется, из Петропавловки отправился отряд Бурлова).

В Кондратьево простояли дня три, устроили штаб, госпиталь (кондратьевские встретили нас враждебно, и в партизанах из них почти никто не был). Из Кондратьево направились на Кондратьевский волок, на 33-ю версту, и стояли здесь лагерем долго (пересекли хребет). А по пути из Выдрино в Березово только пообедали и там не стояли.

Когда мы стояли на 33-й версте, кавалерия ходила на разведку в Лапино, Шелаево и к Тайшету. Машуков был еще рядовым, я был в пехоте.

Забыл сказать, что в Петропавловке расстреляли двух шпионов. Их расстреливал Иван Смолин с Чуны.

Вскоре Машукова назначили командиром 1-го отряда, Криволицкого — 2-го отряда (я попал в его отряд), Матвея Кретирина — 3-го отряда, а Воронина... — 4-го отряда. До Машукова 1-й отряд считался Кости Москвитина. Максим Троезубов был командиром только одного кавалерийского взвода (Черневский: «Нет! Командиром всей кавалерии». — *Е. С.*).

После точной разведки все отряды вышли к Лапино, Шелаево и Пойме. Машуков занимал Лапино — Шалаево, Криволицкий — Пойму. На Пойме выкопали окопы с блиндажами. Бич дал команду, чтобы пехота не выходила из окопов, т.к. ждали румын с Черчета. (В Шиткино был наш агент-связист Ефим Смолин, который в отрядах не состоял.) Вскоре и был пленен Бич. Подробностей я не знаю, что помню, так это: когда возвращались машуковцы, они вперед привезли к нам в Пойму двух тяжело раненных (Селюк — Незнаев и Бугаев), а потом подъехали остальные. Я тогда еще стоял в окопах в Пойме.

Вскоре после этого Жичкина, который был взводным командиром у Криволицкого, направили в тыл на разведку и для собирания скрывающихся партизан, оружия, и с ним человек сорок (Черневский: «По другим данным, 18 человек». — *Е. С.*).

С Жичкиным пошли: я, Нил Пустынский, Афанасий Брюханов, Павел Веселов, Жичкин Михаил, других не помню. Шли пешим строем. Дошли до Шиткино. Ефим Смолин сообщил, что недавно были румыны и что они где-то близко. Зашли и разместились на краю, у Полиария Ивановича Рукосуева (Поликарпа) и Андрея Игнатьевича (Мутовина?), от них видать версты на две на Грань, что к Тайшету от Шиткино.

На повороте дороги (это место называется Казенный, или Грань, метров пятьсот от Шиткино) поставили пост. Прибежал постовой и донес, что идет белая кавалерия (румыны), да мы и сами увидели движение. Бросились на улицу, добежали до Гордеевского переулка (Гордея Бурмакина) — и на болото Мыкалка (часть деревни Шиткино на самом берегу Бирюсы), оно для нас, пеших таежников, проходимое.

Кавалерия окружила Мыкалку, но мы через высокий таволожник — высокое травянистое растение с метелкой наверху (тальник, кустарниковая ива) — и через речку пробрались в ельник и там отсиделись с обеда до ночи. С нами был тут и Ефим Смолин с топором. Посылаем его разведать. Он пробрался к

крайней избе новосела, а идти в избу боится. Дождается, может, кто выйдет. Вышла хозяйка по нужде. Он к ней. Она перепугалась, но когда узнала Ефима Смолина и что ему надо, говорит, что белые еще здесь, в деревне.

Ефим к нам не пошел, а переночевал в кустах. Утро. Белые в деревне, а в обед ушли обратно на Нижнюю Заимку. Ефим пришел к нам и все рассказал. Жичкин решил вернуться к отрядам, т.к. через такие заграждения белых пройти трудно, а идти все время тайгой толку мало, ничего не узнаешь. Вернулись в Пойму.

Насколько мне известно, потом Жичкин еще раз ходил — с меньшим отрядом, человек двадцать пять.

Белые, чехи и румыны называли партизан красными, большевиками, а презрительно — красножопыми, краснозадыми.

Белые забрали в моем хозяйстве кобылицу Каурку, нетель³, одну чушку (свинью) — все, что было, по указке нижезаимского кулака Григория Савельевича Ивановича Петрова (выделенное курсивом зачеркнуто Черневским. — Е. С.) Горенского (Савельевского). Но Каурка из Тайшета вскоре, с седлом, прибежала домой — на пашню, что была в урочище Лиственничном. На пашне был Африкан Бурмакин и сообщил жене (ее белые тоже искали, хотели выпороть, но она укрылась в картошке на огороде). Жена переправила Каурку мне, и с тех пор я на ней стал кавалеристом.

Перед холодами на Семеновом броне (выделенное курсивом зачеркнуто Черневским. — Е. С.) Ивановом мысе стали рыть окопы. С тех пор дальше Иванова мыса белые не проходили. Мы их гнали, однажды гнали до Тракт-Ужета (были я, Машуков, Криволицкий и др.) по первому снегу и дошли до Сухого лога. Тут подъехал Василий Тарасенков и принял нас за белых, стал обстреливать. Вот в этом бою и попала наша разведка (Крячик, Шилин, Потап Белкин) в засаду румын, которые строчили с горы с пулеметов. Криволицкий залез на кладь (стог) и кричит, ничего не боится: «Паразиты, гады, все равно всех вас уничтожим!». Хоть у нас не было пулеметов, а все же мы заставили их отступить.

Точнее, это было так: мы, все силы, и штаб стояли уже в Бузыканоно. Белкин Потап с группой поехал на разведку правым заречным берегом, а Крячек — левым, летником. Доехали до Кавказа, до поскотины, где стояла избушка. Никого нет. Белкин проехал ворота, и тут из избушки, где оказались румынский пост, огонь. Они — тоже. Белые отступили на гору берегом правым, а наши — левым. Крячек был здоровый, сильный, разгибал подкову!

У Тракт-Кавказа была пашня Егора Страдоновича Бурмакина, где стояли две кладь в остожье⁴.

Венгерка — небольшой участок между Ужетом и Нижней Заимкой, верст семь до Ужета, но в стороне от тракта, к реке.

---

³ Нетель — самка крупного рогатого скота до первого отела, телка — до первой случки, корова — после первого отела. Стельная корова — букв. «с теленком», беременная.

⁴ Две кладь в остожье — два стога, обнесенные оградой.

Перед соединением с Красной армией штаб стоял в Нижней Заимке, а я и Михаил... были в Шиткино на связи, возили пакеты. Небольшие части стояли в Бузыканово, вся кавалерия с главным штабом — в Нижней Заимке.

Основные наши силы вышли в Тайшет на день раньше штаба. Я, Костя Привалихин, Дмитрий Привалихин, всего четырнадцать человек, были при штабе и вышли в Тайшет на другой день, двинулись на конях вслед своим и догнали через пятьдесят километров свой эскадрон (в нем было четыре взвода).

Мы шли по пятам чехов, а Красная армия где-то сзади. Идем так: кавалерия впереди, а за нею пехота. Где-то около Нижнеудинска состоялся сильный бой с чехами (Рубахино?). Всеми нашими силами снова командовал Евдоким Кочергин (после смерти Машукова).

В Зиме заболел сыпняком и умер наш шиткинский Григорий Привалихин (Ермолаевич).

Когда прибыли в Иркутск, наши патрули из кавалеристов и пехотинцев патрулировали город. Стояли в Иркутске с месяц. Заболел я, Дмитрий Привалихин, Костя Москвитин. (Я заболел дня через три, после того как выздоровел Костя Москвитин). Свою кобылицу Каурку я отдал шемякинскому Николаю Гульгяеву. Через месяц я выздоровел, но наши уже ушли на Врангеля. Я попал в выздоравливающую команду, где пробыл очень долго. Евдоким Кочергин был не то командиром батальона, не то начальником штаба батальона выздоравливающих и на Врангелевском фронте не был.

Перед Рождеством на 1921 год нас отпустили, и Евдоким Кочергин выдал нам увольнительные. А *Костя Москвитин* (выделенное курсивом зачеркнуто Черневским. — Е. С.) и Афанасий Брюханов ушли на Врангелевский фронт (Черневский: «Костя Москвитин был в Нижнеудинске» — Е. С.).

Отдельные эпизоды и замечания

- Деревня Березово ниже Выдрино (Савино) на 10 верст, деревня Червянка — 120 верст от Выдрино.

- Во время отступления весной, когда мы стояли в Шиткино, штаб был в доме Александра Игнатьевича Мутовина. Он был кулаком-купцом, лавочником, но его сын Иннокентий Мутовин был партизаном. Отец не пускал, но Иннокентий пришел и попросил, чтобы его «мобилизовали». Он участвовал в тайшетском наступлении и отходил вместе с Костей Москвитиным.

Зимой, когда мы выходили из Нижней Заимки, штаб был у Андрея Гордеевича Бурмакина. Вот тогда-то, я хорошо помню, Юферов из 6-й роты и привез четыре пулемета, добыл в Чукшинской операции. Небольшого роста, не выше среднего, коренастый, тогда лет тридцать, без усов и бороды.

- Двое братьев (Вепревы?) были пойманы в Шиткино летом, а не зимой. Их захватили в доме Андрея Гордеевича Бурмакина, одному срубили голову, а другой из-под клинка через калитку Ацентия Павловича Бурмакина и через его ограду (напротив Гордеевских) убежал в тайгу.

- Костя Привалихин был очень боевой, смелый. Его прозвали Кощей Бесмертный. Бывало, во время диверсии залезет на телеграфный столб и рвет

провода (Черневский: «Нет, это делал Филат Хлебников!» — Е. С.). Участник германской войны.

- О лыжах. Камусовые лыжи не боялись нюкши (слякоти, талого снега и воды), ничего на них не налипало. А по чиру (гарым, наст, замерзшая слякоть) идут плохо, и ворс рвет. Тогда сверху камуса приделывают «коньки» — узкую лыжу из лиственницы, как конек, но во всю длину. Как маленько нюкшу даст, их надо снимать. Разнюкшит — размокреет, значит.

- У Семенова брода была заимка нашего шиткинского крестьянина Семена Антоновича Брюханова (Семиона). Поэтому участок и назывался Семенов брод (Черневский: «Там же постоянно жил и Акентий (Иннокентий) Павлович Бурмакин». — Е. С.).

- Эсер Норенков у нас был и всегда выступал против партизанского движения.

- Шиткино было приписано к Нижнезаимскому приходу, где была церковь.

- Лавро Криволицкий командовал пехотой.

- У Ефима Смолина собирались подпольщики, но сам он в боях никогда не участвовал.

- Я присоединился к отрядам на второй день после восстания (Черневский: «Вот это другое дело!» — Е. С.).

- Штаб в день восстания находился в бывшей Маланьиной (Маланья Курочкина) избушке, а тогда там уже жил кузнец (Черневский: «Павел Меркурьевич Бурмакин. — Е. С.). Партизаны стреляли из оград, больше с вышек (чердаков), стоек и других укрытий.

- Пожалуй, и правда, что мы соединились с К. Москвитиним не в Петропавловке, а в Березово. (От Неванки до Березово плыли на плотах.)

- Черешнев Григорий был ранен в тайшетском бою, спрятался у одного тайшетца. А потом приехал отец, смолот рожь на мельнице и отправил его за себя домой, вываляв в муке. Старика чехи таскали, но он отвертелся, сказав, что приехал молотить рожь, а кони убежали.

Комментарии А. Ю. Черневского к беседе, состоявшейся 30 января 1967 года

Жуков Макар Степанович сказал, что из Шиткиной в Шемякино выстроил и повел отряд Евдоким Кочергин. Но это не соответствует сведениям ни одного из очевидцев и участников событий, а также книге Криволицкого, из которой видно, что Кочергин Е.Г. прибыл в Шиткино на третий день после восстания (даже на четвертый), когда отряд из Шемякиной уже снова вернулся, и выходит, что Кочергин в Шемякиной не был и не мог быть!

Кроме того Жуков Макар уверяет, что в Шемякиной стояли недели две (???) и там собралось уже 1500 — 2000 человек (?), что является небылицей, и документы называют всего 150 человек.

В Шемякину шли на подводах, с оружием и на лыжах. Там организовали мастерские по набивке патронов, изготовлению пуль, ремонту оружия.

Он, говоря о шиткинцах, присоединившихся к отряду, называет всех подряд, в т.ч. Брюханова Акатея, Брюханова Афанасия и даже Иннокентия Александровича Муирвина (кулацкого сына). Хотя родные Акатея сами говорят,

что он в отрядах не был, никуда из Шиткиной не уходил, а Брюханов Афанасий сам сказал, что он пришел только на другой день в Шемякино, самостоятельно.

По уточнению следует считать, что сразу с Бичом из Шиткиной в Шемякино пошли следующие шиткинцы:

- 1) Веселов Павел,
- 2) Смолин Евдоким,
- 3) Жуков Макар,
- 4) Паташов Василий,
- 5) Паташов Петр,
- 6) Михно Емельян,
- 7) Привалихин Григорий Ефимович,
- 8) Пустынский Нил Иванович,
- 9) Фролов Павел Евдокимович с Ивановой забоки (берег, край, обочина),
- 10) Сучков Василий (батрак Ильи Яковлевича Мутовина).

Потом сами пришли в Шемякино:

- 1) Брюханов Афанасий Ефимович,
- 2) Мутовин Назар Федотович,
- 3) Попов Дмитрий (батрак Поликарпа Рукосуева).

Присоединились на обратном пути:

- 1) Мутовин Иннокентий Александрович (сын кулака Александра Игната Мутовина),
- 2) Вихоров.

Оставлены в Шиткино как тыловой отряд:

- 1) Мутовин Гурьян,
- 2) Брюханов Акатий Иванович,
- 3) Лазаренко Максим,
- 4) Смолин Ефим — связной
- 5) Михайлов Федот.

А они в своей работе использовали и привлекали: Холявиных Никиту и Кирилла, Черешнева Андрея, Рыженкова, который возил партизан на гору рыть окопы, — бывший политссылный, женатый на дочери Ефима Яковлевича Мутовина, а до того был у него в работниках. А Мутовин Назар Федотович женат был на сестре Иннокентия Александровича Мутовина Федосье Александровне. Ян Абрамсон женат на местной крестьянке Анне, а жил рядом с Андреем Гурдеевичем Бурмакиным, по той же стороне, но чуть подальше и недалеко от Гурьяна. Он жил во дворе, а (не? — Е. С.) в зимовье Ивана Сергеевича Брюханова (отца Акатея).